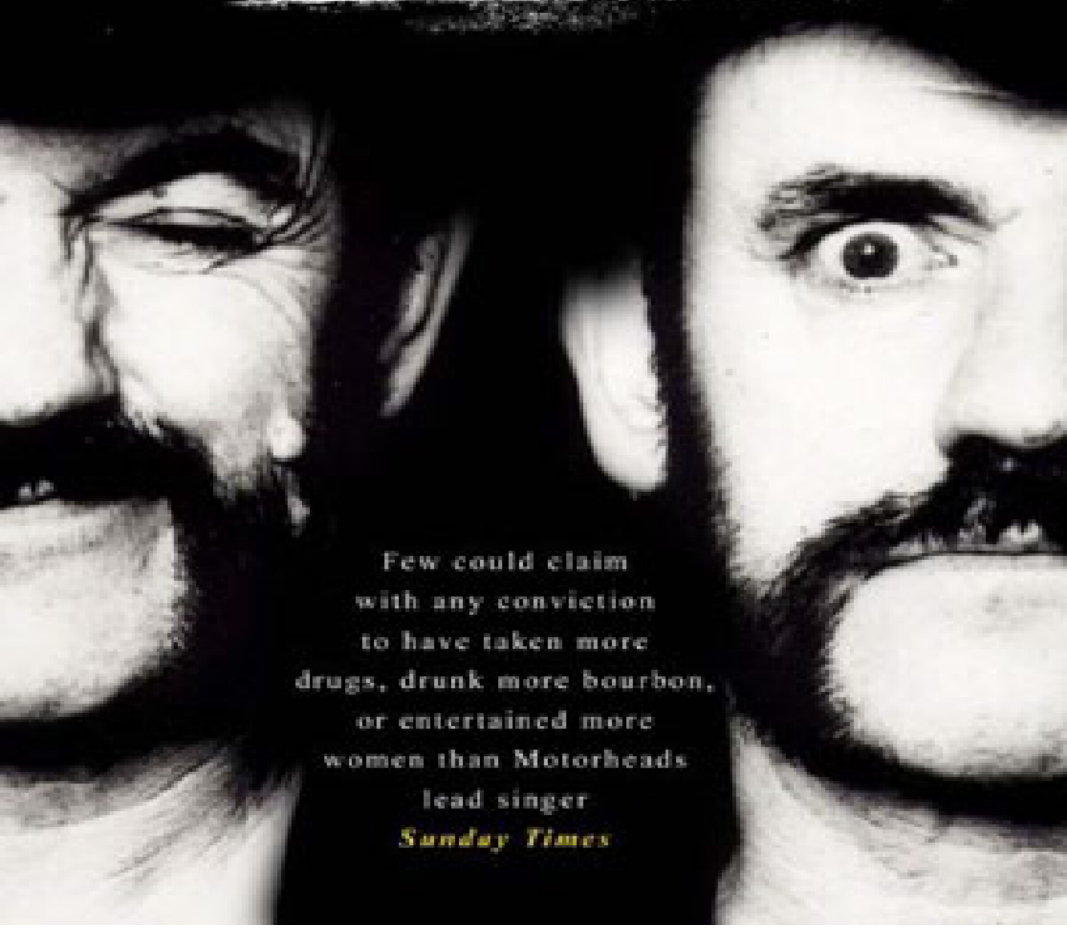
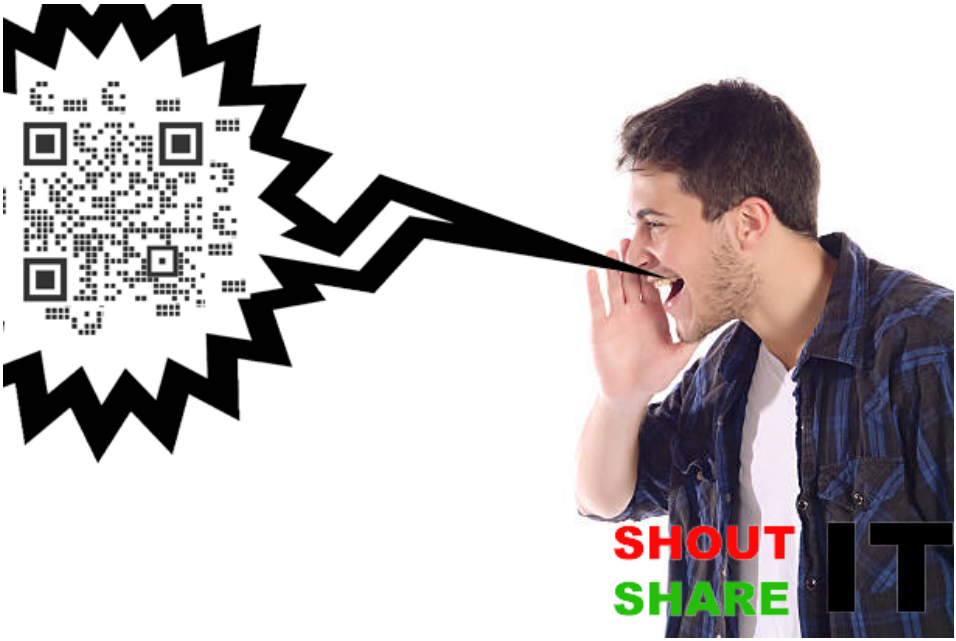
Lemmy

A WARTS AND ALL AUTOBIOGRAPHY

WHITE LINE FEVER



Few could claim
with any conviction
to have taken more
drugs, drunk more bourbon,
or entertained more
women than Motorheads
lead singer
Sunday Times


SHOUT
SHARE
IT

- Автобиография Лемми Килмистера
  -
  - ПРОЛОГ
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ. Козерог (Capricorn)
  - ГЛАВА ВТОРАЯ. Быстрый и свободный (Fast and loose)
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Соблазн (Jailbait)
  - ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. Столица(Metropolis)
  - ГЛАВА ПЯТАЯ. Наркоман (Speedfreek)
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ. Рождённый для скорости (Built for Speed)
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Любители пива и скандалисты (Beer Drinkers and Hell Raisers)
  - ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Храни нас в пути (Keep Us on the Road)
  - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Снова в дурдоме (Back at the Funny Farm)
  - ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. (Не давай им) раздавить тебя ((Don’t let ‘em) grind ya down)
  - ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Город ангелов (Angel City)
  - ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Мы — Motorhead (We are Motorhead)
  - ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Прекрасный Новый Мир (Brave new World)
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19

- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28

Автобиография Лемми Килмистера

перевод с английского:
© Шатохин Андрей Иванович 2004
© Бравый Дмитрий Викторович 2004
© Пролог — с участием СеррёГи 2006

Эта книга посвящается Сюзан Беннет,
которая, возможно, была той единственной.

ПРОЛОГ

Я, Ян Фрэзер Килмистер (Ian Fraser Kilmister), родился в сочельник[1] 1945 года, недель на пять раньше срока, с красивыми золотистыми волосами, которые, к радости моей странной мамули, выпали пять дней спустя. У меня не было ни ногтей, ни бровей, и я весь был ярко красный. Самое раннее моё воспоминание — я кричу. По какой причине, не знаю; может, психанул, а, может, уже репетировал. Я постоянно делаю фальстарты.

Чем, интересно, папаша был недоволен? Полагаю, вы можете заметить, что нам и времени-то не было наладить отношения — слинял он через три месяца. То ли из-за моих выпавших волос, то ли счёл, что я уже достаточно похож на него.

Во время войны мой отец был священником Королевских ВВС, а моя мать была очень симпатичным молодым библиотекарем и ничего не знала о двуличности духовенства. Я имею в виду учение о том, что Мессия был отпрыском жены бродяги (к тому же девственницы) и духа. И это — достаточное основание для всемирной религии? Сомневаюсь. Полагаю, что если Иосиф поверил в это, его место — в хлеву.

Как бы то ни было, по отцу я не скучал, потому что даже не помнил его. К тому же мои мама и бабушка избаловали меня до крайности.

Я встретил его двадцать пять лет спустя, в пиццерии на Эрлс-Корт-роуд (Earls Court Road), когда в нём, видимо, проснулась совесть и он возжелал «помочь мне». Мы с мамулей прикинули: «А не вытрясти ли нам малость деньжат из этого сукиного сына?». Так что я-таки приплёлся туда на встречу с раскаявшимся гадом — я подозревал, что зря, и был прав.

Я узнал его сразу; он измельчал — я оказался гораздо больше него. Передо мной сидел ссутулившийся доходяга в очках и с лысиной во всю голову.

Думаю, ему было страшно неудобно — бросить в своё время того, кому ты должен был стать кормильцем, и затем не объявляться в течение двадцати пяти лет… неудобно, конечно же. Но гораздо неудобнее было моей матери в одиночку поднимать меня, а также содержать мою бабушку!

Итак, он сказал: «Хоть я и недостойный отец, но хотел бы как-то искупить свою вину и помочь тебе». Ха!

Я сказал: «Хорошо, я облегчу тебе задачу. Я играю в рок-н-ролльной группе и мне нужна кое-какая аппаратура» — усилок у нас снова сгорел — «так что, если ты купишь мне усилитель и

пару кабинетов[2], будем считать, что долг погашен, окей?»

Возникла пауза. «Э-э», — сказал он.

Ситуация разыгрывалась явно не по его сценарию.

— Музыкальный бизнес крайне сомнителен, — сказал он. (По слухам, в своё время он был превосходным аккомпаниатором. Но его время прошло.)

— Да, — сказал я, — я знаю, но этим я зарабатываю на жизнь. (Ложь. По крайней мере, в то время!)

— Вообще-то я имел в виду, что оплачу что-нибудь вроде водительских курсов, уроков маркетинга. Я думал, что ты мог бы стать коммерсантом или… — Он умолк.

Остатки моего энтузиазма окончательно испарились.

— Пошёл ты… — сказал я и встал из-за стола. Ему повезло: огромную миротворческую пиццу ещё не принесли, в противном случае эта пицца стала бы его новой шляпой. Я вернулся на улицу безотцовщины. Там не было ни души, и это было на Эрлс-Кортроуд.

К разговору о двуличных ублюдках — моя группа, Motorhead, в 1991 году была номинирована на Грэмми. Музыкальная индустрия сделала нас, понимаешь, очередными счастливчиками. И вот я погрузился в самолёт в Лос-Анджелесе — до Нью-Йорка путь неблизкий и в моём кармане была пинта виски. «Джек Дэниелс» — я всегда находил, что он помогает мне мыслить трезво. Пока мы выруливали на залитой солнцем взлётной полосе, я отхлебнул глоток и расслабился, весь отдавшись приятным размышлениям.

Вдруг раздался голос: «Отдайте мне эту бутылку!»

Я поднял глаза; бортпроводница с волосами, залитыми лаком, и ртом, больше похожим на очко, повторила: «Отдайте мне эту бутылку!»

Не знаю, что ты, уважаемый читатель, сделал бы на моём месте, но эта грёбаная бутыль была куплена мной за мои деньги. Хрен тебе. И я не замедлил огласить эту информацию. Ответ гласил: «Если вы не отдадите бутылку, я высажу вас из самолёта!»

Это становилось интересным; мы были пятыми в очереди на взлет, уже опаздывали, и эта тупорылая сука собиралась высадить меня из-за одной пинты Джек Дэниелс?

— Хватит цирка, и высаживайте меня из вашего грёбаного самолёта прямо сейчас, — сказал я, или что-то в этом смысле. И можете себе такое представить; эта идиотка так и сделала! Ха-ха-ха-ха-ха!! Из-за неё все опоздали и пропустили пересадку в Нью-Йорке, и всё из-за пинты янтарного эликсира бодрости. Ну и что? Да пошла она на хрен! Вместе с лошадью, на которой приехала! Хотя, если подумать — может, она сама и есть лошадь. Я улетел

полтора часа спустя другим рейсом.

Это, конечно, было дурное предзнаменование для предстоящего празднества, и так всё и продолжилось. Когда мы добрались до легендарного Радио Сити[3] (Дома Всех Звёзд, понимаешь!), каждый вырядился пингвином, пытаясь в этих фраках как можно более походить на тех козлов, что крадут наши деньги. Я не ношу фрак, это, понимаете, не для меня. И не думаю, что швейцарам был по душе мой Железный крест.

Так или иначе, будучи выдвинутыми на Грэмми за наш первый для Sony альбом, я, как дурак, полагал, что компания должна быть довольна. Однако, думаю, они этого даже не заметили. Мне до сих пор так и не посчастливилось узреть в оцепенении то величие, что являет собой Томми Моттола[4] — тем вечером он, наверное, был слишком занят, гоняясь за Мерайей Кери по ее гримерке. Я не страдаю избытком амбиций; «Привет!» или «Рад тебя видеть» или даже «Эй, чувак!» было бы вполне достаточно. Но ничего такого. Ни хрена. Пошли они все на хер! Так что я отправился на вечеринку Sire Records. Уж куда лучше. Там и оторвался.

Короче, всех их — на хер!… С лошадьми!

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Козерог (Capricorn)

Я родился в Сток-он-Тренте, на западе Центральной Англии. Сток составляют примерно 6 городов, теснящихся вместе. Барслем (Burslem) был самым грязным, так что я просто не мог здесь не родиться. Этот район называется Potteries (Глиняная посуда), и вся округа была черна от шлака каменного угля, который жгли в печах для производства различных керамических изделий, в том числе знаменитого веджвудского фарфора. Мерзкие кучи шлака усеивали весь ландшафт, куда бы вы ни взглянули, а воздух был грязен от печного дыма.

К тому времени, когда нас бросил мой заблудший папаша, мы, мама, бабушка и я, переехали в Ньюкасл. Newcastle-under-Lyme (Новый-Замок-Под-Песком, вот так), находится недалеко от Стока. Здесь мы жили, пока мне не исполнилось полгода, а потом переехали в Мэйдли (Madeley), в довольно милую деревеньку по соседству. Мы жили на берегу большого пруда — почти озера, — где водились лебеди. Это было красиво, обычно в таких местах живёт элита.

Моя мама с большим трудом пыталась прокормить нас. Сначала она работала медсестрой в туберкулезном диспансере, это была просто ужасная работа, потому что тогда это было сродни работе в палате смертельно больных раком, — так что она, в общем, просто приглядывала за пациентами. И она видела малышей, родившихся в этом туберкулезном диспансере, — должно быть, это действительно было ужасное зрелище. Туберкулез странным образом влияет на хромосомы: дети рождались с какими-то рудиментарными перьями на теле, а один малыш родился с чешуей вместо кожи. В конце концов, она ушла с этой работы и служила библиотекарем, а потом какое-то время вообще не работала. Я не совсем понимал те трудные обстоятельства, в которых она находилась, и был уверен, что с нами все в порядке. Позже она работала за стойкой бара, но это было уже после того, как он вышла замуж за моего отчима.

Я с самого начала столкнулся с проблемами в школе. У меня не было абсолютно никакого взаимопонимания с учителями: они хотели, чтобы я учился, а я учиться не желал. В математике я всегда был полным бездарем. Пробовать научить меня алгебре — всё равно, что говорить со мной на суахили, так что я сразу забросил это дело. Я понял, что не собираюсь становиться математиком, поэтому могу послать всех куда подальше. Я постоянно прогуливал уроки, буквально с самого первого дня в школе.

Я ясно помню первый эпизод моей непростой школьной жизни, это было в начальной школе. Эта глупая женщина хотела научить мальчиков вязанию; не иначе, она была феминисткой. Должно быть, мне было лет семь, так что я не видел в этом никакого смысла. К тому же эта дама была настоящим животным, — ей доставляло удовольствие избивать детей. Я не стал бы вязать, это считалось девчачьим занятием. Мы не могли казаться неженками, понимаете. Феминизация тогда не так была распространена, как сейчас. Я сказал ей, что не стану этого делать, и она меня ударила. Затем я снова ответил ей отказом, и через какое-то время она перестала лупить меня.

Хотя, если честно, я считаю, что телесные наказания в школе непослушному ребёнку идут только на пользу — если, конечно, его не лупят незаслуженно, а лишь за дело. Это, несомненно, сделает его лучше, если только он не чертовски затерроризирован учителем. Я получал нагоняи регулярно: меня били рейсшиной, которая висела рядом с классной доской. Учитель вставал за нашими спинами, и бил этой линейкой нам по затылкам. Позднее учитель физики бил нас ножкой от стула из кабинета химии. Забавно, но я ни разу не получал этой ножкой, потому что знал физику на зубок. Вот таким образом, до самого моего окончания школы, достигалось, так сказать, взаимопонимание.

Если ты получал хорошую затрещину, так что в ухе полчаса звенело и пело, то второй раз ты уже не стал бы творить в классе подобное дерьмо и старался бы прислушиваться к словам учителя. Вот так все и было, в те далёкие времена. Это помогло мне и пошло на пользу целому поколению, потому что, насколько я замечаю, мы куда находчивей, чем поколение нынешнее.

Как бы то ни было, моя мама вновь вышла замуж, когда мне было 10 лет. Его звали Джордж Уиллис (George Willis), и она познакомилась с ним через моего дядю Колина, который был ее единственным братом. Думаю, что они оба были армейскими приятелями, Колин и Джордж. Он был профессиональным футболистом команды Bolton Wanderers, и по его словам, он был «self-made man», человеком, сделавшим карьеру самостоятельно, ставшим хозяином собственного заводика, который выпускал пластмассовые подставки для обуви, выставляемой в магазинных витринах. Через 3 месяца после того, как моя мама вышла за него, его заводик разорился. Джорджа было просто много. Он был весёлым малым: его постоянно ловили за продажу стиральных машин и холодильников, ворованных из грузовиков, но он никогда не признавался в этом. Обычно он говорил: «Мне надо, понимаешь, уехать на месяцок по делам, дорогая», и исчезал, и попадал на 30 дней за решетку. Какое-то время мы не

догадывались об этом, а он все время выпутывался из таких историй.

С ним, конечно же, появилось два ребенка от его предыдущего брака — Патриция и Тони. Я был самым маленьким из трех детей, и меня постоянно задирала эта здоровая, вновь приобретенная родня. С отчимом у меня сложились очень сложные отношения, потому что я был единственным, как считала моя мать, ребенком. За меня она дралась, как дикая бентамка, так что ему приходилось не сладко. Патриция очень хотела работать в государственном казначействе, и, в конце концов, ее мечта осуществилась. Тони живет в Мельбурне, Австралия, руководит отделом компании, производящей пластмассу, (а я и не знал, что пластмасса передается по наследству!) Лет десять он работал на торговом флоте и не писал нам почти 20 лет. Мой отчим думал, что он умер.

Когда моя мама и мой отчим поженились, мы переехали в его дом в Бенличе (Benllech), морской курорт в Англси (Anglesey). Примерно в это время я и получил свое прозвище — Лемми — и все из-за Уэльса, я уверен. Я учился в школе с дурной репутацией и был единственным английским пареньком среди семи сотен валлийцев — на мою радость и выгоду, верно? Так что Лемми я стал примерно с десятилетнего возраста. Я не всегда носил усы… они появились у меня только в одиннадцать.

А развлекаться я умел. Я воровал гелигнит и реконструировал побережье Англси. Там находилась строительная компания, которая ремонтировала всю дренажную систему в округе. Они могли работать только летом, потому что потом наступали ужасные холода. Таким образом они сворачивали работы в сентябре-октябре и хранили все свои запасы в вагончиках. И где-то в конце октября, начале ноября, я и несколько моих друзей взламывали эти самые вагончики. Надо сказать, если ты пацан десяти—одиннадцати лет, то, боже правый, для тебя это настоящее сокровище! Мы находили каски и все остальное, гелигнит, детонаторы, бикфордовы шнуры и прочее замечательное дерьмо. Мы подсоединяли запал к детонатору и запихивали в гелигнит. Потом выкапывали ямку в песке на пляже, закладывали туда все это добро и засыпали песком. Сверху на груду песка мы клали большой камень, поджигали бикфордов шнур и неслись прочь, как обосранные. И БА-БАХ! — каменюка взлетал на 50 футов вверх. Вот это была развлекуха! А потом я наблюдал, как целые толпы стояли там под дождем, смотрели на разрушения и перешёптывались: «Как ты думаешь, что это?». «Понятия не имею, — может марсиане?». Не представляю, что там думал наш деревенский коп, когда слышал

весь этот ужасающий грохот, прибегал на пляж, а там полскалы съехало в море! Под конец наших развлечений побережье было перепахано на две мили. Такое невинное развлечение, верно? До какого только говна не додумываются школьники, но в конце то концов, почему бы и нет? Это их задача, не так ли, — раздражать своих предков, и пусть те несут свой родительский крест; иначе зачем они нужны?

Конечно, это были простые развлечения по сравнению с моим растущим интересом к противоположному полу. Нельзя забывать, что тогда, в 50-х, еще не было ни «Playboy» ни «Penthouse». Тогда были одни журналы с фотками — нудисты играют в теннис — журнал «Здоровье и Эффективность» и подобное говно. Что это был за ужасный мир, эти 50-е! А народ называет это «веком невинности». Хренотень — попробуйте, поживите в таком вот веке!

Мое сексуальное образование началось, когда я был ещё очень молод. Моя мать привела домой приблизительно трех дядей прежде, чем мы выбрали того, который стал Папой. Но проблем со мной не было — я понимал, что она одинока, и работает весь день, чтобы кормить меня и мою бабулю, так что я не возражал, чтобы пораньше ложиться спать.

Взрослея в сельском районе, всегда можно было видеть парочки, направляющиеся куда-нибудь в поле. Плюс всегда были автомобили с запотевшими, конечно, окнами — можно было рассмотреть обнаженную ногу или грудь, когда парочка перебиралась с переднего сиденья на заднее. В те дни была мода на эти юбки с ещё парой нижних, разлетавшихся во время джайва — я много танцевал тогда. Я бросил танцы, когда в моду вошёл твист; он раздражал меня — невозможно было касаться женщины! Кому это надо, когда вы только-только начали испытывать юношескую страсть? Я должен был чувствовать близость и тепло; непосредственно осязать, преодолевать, давать и получать, и ощупывать, и всё в этом духе, понимаешь!

Так вот, когда мне стало четырнадцать и я работал в школе верховой езды, меня действительно обуяла страсть к женщинам всех форм, размеров, возрастов, цветов, кредо и политических убеждений. Весь Манчестер и весь Ливерпуль каждое лето съезжались в наш небольшой курортный городок. Студенты колледжей в каникулы выбирались покататься на лошадях в нашей школе. И девчонки-скауты приезжали каждый год, целыми группами, со всеми их палатками и рюкзаками. И было всего две начальницы скаутов, чтобы присматривать за всеми ними — ха! Кого они пытались обмануть? Мы добрались бы до этих цыпочек, даже если бы для этого пришлось добывать аквалангi. И

девчонки явно хотели того же самого. И мы, и они, мы все стремились учиться, и, между нами, мы научились. Поверьте мне, мы узнали все тонкости этого дела.

Я стал работать в школе верховой езды, потому что любил лошадей. И до сих пор люблю. Мы хорошо проводили время там, потому что лошади раскрепощают женщин. От лошадей исходит сексуальная сила. Женщинам нравится ездить на лошади без седла, и это не потому, что им так удобней. Думаю, что некую особенность даёт ощущение своей кожей тела животного. В седле, особенно английском, этого не почувствовать. Прибавьте к этому то, что они чертовски сильны. Лошадь легко может искалечить вас или даже убить, но не делает этого, потому что, как правило, они — не агрессивные животные. Они признают вас. Думаю, женщинам особенно нравится в лошадях то, что такие сильные создания беспрекословно подчиняются им, или, по крайней мере, не слишком пытаются отстаивать свои права. В это не очень верится, но это так.

В Энн я был влюблён. Она была старше меня на пять лет, что в этом возрасте является непреодолимым препятствием. Но я до сих пор помню, как она выглядела — очень высокая; ноги настолько длинные, что это показалось бы чрезмерным, но она была очень хороша. Она ходила с таким перезрелым уродом, что я не мог понять этого. Я застал их однажды трахающимися в сарае, и ушёл оттуда на цыпочках, повторяя про себя: «Боже мой!». Но самая забавная история, касающаяся этих юных туристок, случилась с моим другом по имени Томми Ли.

У Томми была только одна рука — он был электриком, однажды сунул палец куда не следовало, и удар током буквально сжёг его руку до бицепса. Пришлось удалить её до самого плеча. Этот несчастный случай здорово изменил его; частенько он слышал одному ему ведомые голоса. В общем, у него был протез с черной перчаткой на нём, который он прицеплял к поясу или вставлял в карман. И вот однажды ночью мы с ним прокрались к девчонкам. Мы проползли под изгородью и через скалы…, когда вам четырнадцать, это не преграда, не так ли? Для такого дела всё можно преодолеть. Наконец мы добрались до цели, и я забрался в палатку к своей подружке, и Томми — в другую палатку к своей. И вот в тишине только кровати скрипят. Вероятно, я на некоторое время потерял ощущение реальности, как бывает, когда удовольствие особенно острое (именно поэтому я продолжаю заниматься этим!), поэтому был особенно поражён внезапным шумом.

«[Бам!] Ай! [Бам!] Ай! [Бам!] Ай! [Бам!] Ай!», я откинул полу палатки и увидел, что Томми, голый, словно маньяк, с одеждой в

единственной руке, скачками удирает прочь. А за ним несётся разъяренная начальница скаутов и дубасит его на голове его же собственной рукой! Я так смеялся, что меня тоже поймали! Я не мог не то что сбежать, — не мог двинуться с места и был совершенно беспомощен. Это было одно из самых смешных зрелищ, которые я когда-либо видел в своей жизни.

Мое открытие секса началось раньше открытия рок-н-ролла, потому что вы должны понять: первые десять лет моей жизни рок-н-ролл вообще не существовал. Были Франк Синатра и Розмари Клуни (Rosemary Clooney), и «How Much Is that Doggie in the Window?» — которая находилась на вершине хит-парадов много месяцев подряд! Я непосредственно наблюдал рождение рок-н-ролла. Сначала я услышал Билла Хэйли (Bill Haley), кажется — «Razzle Dazzle». Потом были «Rock Around the Clock» и «See You Later Alligator». The Comets были на самом деле очень плохой группой, но они были единственными в то время. И ещё (правда, в Уэльсе это было сложно) можно было слушать Радио-Люксембург. Волна постоянно уходила, и приходилось постоянно крутить настройку. Исполнителя объявляли только один раз, в начале, поэтому, если вы ловили песню посередине, имени его было уже не узнать. Порой для этого потом требовались месяцы. Например, «What Do You Want to Make Those Eyes at Me For?» Эмиля Форда (Emile Ford) и Checkmates. (Старикан, исчезнувший бесследно. У Эмиля Форда и Checkmates было пять хитов в Англии. Он был очень популярен, но вдруг разразился скандал — он был пойман на том, что требовал деньги за автограф, и это уничтожило его. Checkmates некоторое время ещё пытались что-то делать, но безуспешно.)

Тогда, чтобы купить пластинку, надо было заказывать её, и ждать месяц, пока она придёт. Самый первый купленный мной сингл, на 78 оборотов, был Томми Стил (Tommy Steele), британский ответ на Элвиса Пресли, затем — «Peggy Sue», Бадди Холли (Buddy Holly). Мой первый альбом был The Buddy Holly Story, который появился у меня уже после того, как Бадди Холли погиб. Я видел его выступление в New Brighton Tower. Заметьте, это говорит о вашем возрасте, — я видел Бадди Холли живого! Так что, должен сказать, чистота моего стиля безупречна!

Это было задолго до того, как я купил свою первую пластинку Элвиса Пресли — насколько я помню, «Don't Be Cruel». Он выглядел великолепно, он действительно был неподражаем, но я думал, что он был менее значителен, чем Бадди Холли и Литтл Ричард (Little Richard). Проблема была в том, что у него были действительно неважные Б-стороны синглов. Видите ли, альбомы в те дни отличались от нынешних: альбом мог быть сборником

последних шести сингловых хитов и их Б-сторон. Так что половина альбомов Элвиса была ерундой. Он начал выпускать хорошие Б-стороны только с «I Beg of You». Насколько я мог слышать, Бадди Холли никогда не делал проходных вещей. Эдди Кокран (Eddie Cochran) тоже был моим идолом. Он работал в студии в Голливуде и если кто-то заканчивал запись на час раньше, он не терял времени даром и быстро записывался сам. Обычно он записывал только свой собственный материал. Он первым начал делать это — очень находчивый парень. Я, насколько помню, видел его во время второй половины его турне по Великобритании, после чего он погиб в аварии под Бристолем. И я помню, насколько был этим подавлен. Это было большой трагедией для рок-н-ролла. Он и Холли, именно они вдохновили меня взять в руки гитару.

Я решил научиться играть на гитаре только отчасти из-за музыки — девчонки, по крайней мере на шестьдесят процентов, были причиной того, почему я захотел играть. В конце учебного года я вдруг обнаружил, что гитара притягивает девчонок, словно магнит. Мы бездельничали в классе через неделю после сдачи экзаменов, и один малый притащил этот инструмент. Играть он не умел, но немедленно был окружен девушками. Я подумал, «Ага, вот оно что!» У нас дома на стене висела старая гавайская гитара — мама немного играла, когда была ребёнком, а ее брат играл на банджо. Гавайская гитара была очень популярна незадолго до того: у неё были полированные металлические части, плоский гриф и высокие лады. Она была украшена перламутровой инкрустацией и выглядела просто шикарно. На моё счастье очень немногие в 1957 имели дома гитару.

Так что я приволок этот дьявольский предмет в класс. Я тоже не умел играть, но немедленно оказался в женском окружении. Это сработало мгновенно! Это была единственная вещь в моей жизни, которая сработала так быстро. С тех пор путь мой был предначертан. В итоге, поскольку девочки ждали этого от меня, я стал самостоятельно учиться играть, что было довольно мучительно на гавайской гитаре с её высоко поднятыми струнами.

Когда мне было пятнадцать, мы с классом ездили в Париж, и я выучил «Rock Around the Clock». Однажды ночью я играл эту песню в течение трех часов, несмотря на то, что накануне сильно порезал указательный палец своим вдруг забарахлившим выкидным ножом. Я истекал кровью, играя на гитаре, и девочки посчитали, что это круче некуда. Знаете, в племени Сиу были воины, выходящие один на один с медведем и убивающие его голыми руками. Видимо, я был не менее крут!

Дома мои мать и отчим знали совершенно точно, на что я способен. Это было вполне очевидно — они постоянно видели вереницы моих подружек. Гараж был преобразован в жилую комнату, где, собственно, я жил и принимал девочек. Мой отчим имел обыкновение входить и заставать нас в самый интересный момент. Он ловил меня так часто, что это становилось глупо; думаю, он просто подглядывал.

— Тебе известно, что ты на девке? — кричал он.

— Да, я на этой чёртовой девке! — отвечал я. — Так как ты, говоришь, это делаешь?

Вскоре после той парижской поездки меня выгнали из школы. С двумя из моих друзей мы решили сбежать на денёк с уроков и отправились на поезде на другую сторону острова, а вечером возвратились на автобусе домой. Но поскольку всё не может быть слишком удачно, несколько ублюдков из другого класса видели нас на платформе. А стукач всегда найдётся, не так ли? Так что я оказался перед директором школы. Этот бездельник был настоящим идиотом. Думаю, что он стал директором школы, потому что был слишком стар для судьи. В течение двух гребаных недель он каждый день на переменах и в обед имел меня в своём кабинете, пытаясь сломать.

— Вы были замечены двумя заслуживающими доверия мальчиками при отправлении поезда, — сказал он мне.

— Это был не я, сэр, — отбрыкивался я. — Меня там никогда не было.

Именно тогда я учился лгать. Обратная сторона дисциплины учит лгать, потому что если не соврёшь, то тебе не поздоровится. Так или иначе, если наполовину сократить эту длинную историю, он собрался подвергнуть меня палочным ударам по рукам. Пара ударов по каждой руке. Напомню, это было как раз после того несчастного случая с выкидным ножом в Париже. Требовалось время для заживления раны. Чтобы вы знали, кровь из этой раны при каждом ударе сердца толчками била через всю комнату! Я пинту, должно быть, потерял тогда. Поэтому я сказал директору школы, что недавно чуть не лишился пальца из-за травмы.

Но нет, это не произвело на него никакого впечатления. Он с безразличным видом положил мою руку на стол, и — раз! — кровь опять хлынула во все стороны. И, как будто ничего не случилось, он сказал: «Поднимите другую руку».

«Ну ты ублюдок!», подумал я. Когда трость снова опустилась на мою руку, я выхватил её и ударил ей его по голове.

— Я полагаю, вы понимаете; мы больше не нуждаемся в вашем присутствии здесь, — разъярился он.

— Я и сам не вернусь, — сказал я ему, и с этими словами

вышел за дверь.

Он сдержал слово; я был отчислен, и они больше не вспоминали обо мне. Всё равно, оставалось всего полгода до окончания школы. Я ничего не сказал моим родителям: как обычно, утром я уходил в школу, а вечером возвращался домой. Только школа эта была школой верховой езды, и я занимался там на берегу с лошадьми, и в конечном счете дождался нескольких вакансий. Одно занятие было — красить дома с этим лихим парнишей, мистером Браунсуордом (вот фамилия для гомосека, просто совершенная[5]!) Ничего, он все равно никогда не обращал на меня внимания. Он положил глаз на моего друга-красавца, Колина Первиса, чему я и был очень рад. Я его постоянно подставлял: «Колин будет красить здесь и здесь, мистер Браунсуорд. А я пойду наверх, хорошо?». «Скотина!» — бормотал Колин про себя.

Потом мы уехали с острова на ферму в Конви, на побережье Уэлльса, в горах. Там я учился быть один и не возражал против этого. Я обычно бродил по полям с овчарками. Я до сих пор действительно не против побыть один. Людям кажется, что это неестественно, но я думаю, что это очень здорово.

К тому времени мой отчим устроил меня на фабрику, которая делала стиральные машины Hotpoint. Каждый работник отвечал только за свою часть сборки. Я был одним из первых на конвейере: мне полагалось взять четыре маленьких медных гайки и навинтить их на деталь, после чего машина опускалась и скрепляла края её поперёк друг друга. Затем я снимал эту деталь и бросал в огромный ящик. Надо было сделать 15 000 штук, и когда я справлялся с этим количеством и чувствовал, что совершил настоящий подвиг, приходили рабочие, забирали их и оставляли пустую корзину. Человек не может делать это и не отупеть. Это невозможно — такая работа способна оболванить кого угодно. Я не знаю, как те люди работали там. Я так думаю, что, выполняя свои обязанности, они отключали свои мозги, чтобы не повредить их.

Всем моим знакомым, кто уехал оттуда в поисках лучшей доли, пришлось вернуться. У меня были другие планы относительно моей жизни. Так что я отращивал волосы, пока меня не уволили с фабрики. Ну и хорошо. Я предпочел бы голодать до самой смерти, чем вернуться. Мне очень повезло, что удача не оставила меня, и я этого избежал.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Быстрый и свободный (Fast and loose)

Я нуждался в компаньоне, и он тут же нашёлся, — парень по имени Минг; так звали императора в фильме «Флэш Гордон». У Минга были длинные волосы и длинные, упавшие духом усы. Мы начали болтаться по кафе и танцплощадкам, снимать чужих девчонок и нагонять на всех ужас.

Очень быстро нам показалось, что мы должны принимать наркотики (о которых до того ничего не знали), так что мы связались с моим другом еще со времен Англси, с Робби Уотсоном из Beaumaris (помимо него, местечко было также известно своим хорошо сохранившимся замком). Робби жил в Манчестере и у него были очень длинные волосы, что для нас было важно тогда. Мы начали покуривать травку, а потом, однажды ночью, в «Венеции», кафе в Ландудно, Роб дал мне ампулу «спида» — метиламфетамина гидрохлорида — с черепушкой и перекрещенными костями на ней. Это дело нужно было принимать внутривенно.

Я никогда не любил что бы то ни было вкалывать себе, и до сих пор не люблю. Это затягивает. Я видел, до чего могут дойти люди из-за иглы. Роб сидел на игле и настойчиво советовал мне попробовать. Но я добавил наркотик в чашку с чем-то — с шоколадом, помнится, — и выпил.

В том кафе за стойкой стояла совсем зелёная девчонка, и я после этого часов пять безостановочно втирал ей что-то. Временами поворачивался к Робби заявить, что меня не цепляет, и снова донимал несчастную, которая была уже в каком-то алфавитном шоке от моего бормотания — а мне было по кайфу, я чувствовал себя, понимаешь, Королем Мира! Никаких проблем! (Кстати, Робби Уотсон, который долго был моим лучшим другом, и отличался блестящим, с ледяным сарказмом, чувством юмора, умер в 20 лет; игла — это слишком серьёзно. Есть ещё вопросы?) Но вернемся ко мне и Мингу, или к Мингу и ко мне!

Мне было шестнадцать, когда мы с Мингом уехали из Уэльса и направились на восток, в Манчестер. Вообще-то мы преследовали пару девчонок, с которыми познакомились, когда они были на каникулах в Колвин Бэй (Colwyn Bay). Мы собирались жениться на них и прочая чушь. Конечно, все закончилось постелью, как обычно. Могу вам гарантировать — они только выиграли оттого, что мы не женились на них.

Я не помню, как звали подружку Минга, но мою звали Кэти.

Она была замечательной девчонкой в свои пятнадцать лет; любопытные, восторженные пятнадцать. И вот, когда они вернулись в Стокпорт (Stockport), Минг и я приехали к ним. Мы сняли квартиру на Итон-Мур-роуд (Heaton Moor Road), и знакомились с разными людьми, и если им негде было остановиться, мы позволяли им спать на полу, на диване или еще где-нибудь, и через месяц в одной комнате уже ютилось 36 человек! Я запомнил только Моисея (на которого он был очень похож, если верить всем этим фильмам Чарлтона Хестона (Charlton Heston)). Потом Кэти забеременела…, она, конечно, была замечательной, но ей тоже было всего пятнадцать, — это, между прочим, статья! Ее отец писал письма моему отчиму, в которых называл меня ссыльным Уэльсским битником. Вдвоём они подготовили одно из «удобных» решений, и ребенок, Скен, был усыновлен при рождении. Я помню, как Кэти сдавала школьные экзамены прямо в роддоме, и я навещал ее. Она очень располнела, и обычно я вываливался из автобуса и со смехом кричал — «Привет, толстуха!» И она тоже задорно смеялась. Она была потрясающей девчонкой, моей первой любовью. С тех пор я больше не видел Кэти, не знаю почему. Интересно, что она связалась со мной два или три года тому назад, как раз во время работы над этой книгой… Она сказала, что нашла Скена, но я не стану вдаваться здесь в подробности — пускай у него будет своя жизнь.

Что касается нашей жилищной ситуации, мы (и эти тридцать шесть соседей по комнате) конечно же, быстро оказались на улице, — наверное, домовладелец задался вопросом, почему ему пришёл счет за газ на 200 фунтов. С тех пор как Минг, Бесстрашный Авантюрист, вернулся в Уэльс (чтобы в конце концов стать клерком в министерстве социального обеспечения — в чём, как вы говорите, есть великий пример и смысл жизни…), я снова остался один.

Все то время, пока я общался с Кэти, и еще пару лет после, я был «ночлежником», как тогда говорили. В то время в стране это было распространено среди подростков. Мы все носили американские армейские куртки, водонепроницаемые, с двойной подкладкой. Такие вещи очень дёшево можно было купить в «секонд хэнде», и каждый «ночлежник» должен был иметь такую, чтобы написать на куртке фломастером имена своих приятелей и всю её покрыть этими странными автографами. Мы ездили автостопом по всей стране, ночевали у знакомых девчонок или в вагонах на железнодорожных тупиках, или снимали какие-то углы у симпатизировавших нам местных женщин. Тогда считалось крутым; «быть в бегах». Это было время Боба Дилана, с

гитарой и спальным мешком за спиной. Многим девчонкам нравится кочевая жизнь. Это — традиция, если задуматься: цирк, армия, пираты, гастролирующие рок-группы — девчонки всегда ищут это. Я думаю, что женщины видят нечто романтичное в таком типе, который нынче здесь, а завтра там. Мне такое тоже нравится, — да и что мне остаётся, если я такой тип и есть? Начало 60-х, какое замечательное время! Мы отращивали волосы до задницы, бездельничали, и жили за счет женщин везде, где оказывались. Девчонки обычно воровали еду из родительских холодильников, чтобы кормить нас — как будто подкармливали беглого каторжника. Им нравилась драматичность подобной ситуации, а нам нравилось есть.

Однако, не все было столь безоблачно и весело. Иногда, когда я ездил автостопом, парни останавливали свои грузовики, выходили и лупили меня. Или можно было оказаться в кабине с каким-нибудь огромным педиком, водителем грузовика.

— Привет, сынок. Куда направляешься?

— В Манчестер.

— Манчестер, отлично. А как насчёт отсосать у тебя?

— Тогда мне здесь выходить.

Квартира в Итон-Мур, думаю, была предтечей коммуны. Если вы трахали какую-нибудь подружку, это был полный кошмар. Вас окружали во тьме глаза величиной с блюдце, и вы понимали, что в темноте их зрение лишь обостряется! Тогда трахаться было куда веселее — тогда не было всех тех ужасов, которые теперь неотделимы от секса. А ведь секс должен радовать и не быть всем этим позором — «О, у тебя только одно на уме!» Разумеется — да, а разве ты сама этого не хочешь?! Если секс уже не в радость, — ради бога, завязывайте с этим делом.

Мы все ходили попрошайничать на Мерси-сквер (Mersey Square) и потом делились всем, что удавалось добыть. По-моему, мы питались одними консервами «Ambrosia Creamed Rice». Обычно наливали их в банку из-под пива и потягивали из банки. Это был большой деликатес для нас в то время, особенно, если охладить. Наверное, именно тогда я и привык к холодной пище, и до сих пор так ем — я могу есть холодный бифштекс, холодное спагетти, даже холодное французское жаркое, а это требует усилий! Мне только необходимо, чтобы всё было хорошенько посолено.

Манчестер расположен в нескольких милях от Ливерпуля, и в начале 60-х в этих городах рождалась невероятная музыка. Через оба города протекает река Мерси, поэтому местная музыкальная сцена называлась Merseybeat, «ритм Мерси». Там была даже очень известная по тем временам группа Merseybeats, а также Mersey

Squares, по названию места, куда мы ходили попрошайничать. Там выступали сотни групп из Манчестера и Ливерпуля, и все они играли стандартный набор из двадцати песен — «Some Other Guy», «Fortune Teller», «Ain't Nothing Shaking but the Leaves on the Trees», «Shake Sherry Shake», «Do You Love Me»… Все группы, игравшие в период с 1961 по 1963, были кавер-группами[6], в том числе и Beatles.

Было большое соперничество между группами из-за того, знали вы первого исполнителя песни или нет. Например, команда, выступающая первой, объявляет: «А теперь мы сыграем «Гадалку» группы Merseybeats!», а потом выходят Merseybeats: «Послушайте «Гадалку» Бенни Спеллмана (Benny Spellman)!». Разумеется, подобные несуразицы быстро заканчивались; ведь таким образом все узнавали истину.

Также группы частенько брали старые песни и играли их в рок-н-ролльной обработке. Помню, Rory Storm and the Hurricanes переделали песню «Beautiful Dreamer'», а Big Three попытались переработать «Zip-A-Dee-Doo-Dah»!

Это было уникальное время существования просто потрясающих групп. Одной из таких групп были Johnny Kidd and the Pirates. Джонни Кидд носил повязку на глазу, тельняшку и пиратские сапоги. Иногда он надевал белую рубашку с пышными рукавами, — крутой прикид. У Пиратов был первый стробоскоп, который я когда-либо видел. Создал его их роуди[7] путем простого эксперимента; он стоял у главного светового щитка клуба и очень быстро включал и выключал свет. На гитаре у них играл неподражаемый Мик Грин (Mick Green), я носил его гитары, чтобы нахаляву ходить на концерты. Спустя много лет я записал пластинку с Миком. Тогда такие одиночки, как он, не имели никакого веса на сцене. Эрику Клэптону повезло — имидж одиночки работал на него и люди хотели его слышать. Но все остальные публику не интересовали!

Другой классной группой были The Birds — совершенно не похожие на американских Byrds, которые появились примерно тогда же. В этих Birds играл Ронни Вуд (Ronnie Wood), который позже стал гитаристом The Rolling Stones. The Birds были волшебным коллективом, просто супер, во многом опережающим свое время. Они выпустили всего три сингла и распались. Я ездил за ними повсюду, даже спал в их фургоне. Группа, в которой я тогда играл — Motown Sect, о которой ещё расскажу подробней, — имела честь выступать с ними на одной сцене. Я до сих пор помню состав The Birds: певец Али МакКензи (Ali McKenzie), гитаристы Рон и Тони Манро (Ron и Tony Munroe), Пит МакДэниелс (Pete McDaniels) на барабанах и Ким Гарднер (Kim

Gardner) на басу. Сейчас Ким является владельцем паба-ресторана в Голливуде под названием «Cat and the Fiddle» (Кот и Скрипка). Он был замечательным басистом, но вряд ли до сих пор играет. The Birds были группой красавцев, а Ронни, особенно тогда, был очень харизматичным парнем. Обычно он носил коричневый костюм «в елочку», двухцветные ботинки, и играл на белом Телекастере — что называется «самый писк». Они походили на длинноволосых модов, что мне нравилось, потому что сам я никогда не стригся.

Видите ли, Англия всегда была очень «модной» страной. Модные новинки появлялись и исчезали на глазах. Парни из течения «модов» были очень странными типами, по крайней мере для меня. У них были короткие волосы, зачесанные на одну сторону — как у Джона Кеннеди, но с петушиным коком. Они носили брюки из тонкого блестящего материала, жакеты тропического стиля и двухцветные ботинки. Они были очень похожи на американских Beach Boys, но у нас не было серфинга. Применительно к Англии, это был скорее стиль парней из центра города. И моды также подкрашивали глаза, особенно парни. Мне, как и большинству, они не нравились, но ретроспективно, они были ничем не хуже нас. Я хочу сказать, что мы считали их маменькиными сынками, а они нас молососами — и знаете, и те, и другие были правы.

Я познакомился со многими великими музыкантами на заре их карьеры. Джон Лорд (Jon Lord) был один из них. Он просто совершенный музыкант.

Позднее он играл в Deep Purple, Whitesnake и Rainbow, но когда я встретил его, он играл в составе The Artwoods, лидером которых, как ни странно, был Арт Вуд (Art Wood)! И что еще забавней — Арт Вуд был братом Рона Вуда, и на этом стоит остановиться подробней.

На набережной в Ландудно находилась огромная, великолепная забегаловка под названием «Вашингтон», а в танцзале на втором этаже проводились рок-концерты. Потом там начали устраивать джазовые и блюзовые вечера. Туда приглашали Грэма Бонда (Graham Bond) с Джинджером Бэйкером (Ginger Baker) и Диком Хексталлом-Смитом (Dick Heckstall-Smith) (они играли в Downliners Sect), джазмена Алана Скидмора (Alan Skidmore) и однажды позвали тех самых The Artwoods.

И вот я тусовался в этом месте, пялился на экзотическую аппаратуру и наблюдал за их игрой — неплохо, — думал я со своей колокольни, высокомерный критик с севера Уэльса! После концерта я поговорил с Джоном Лордом, и они предложили мне вернуться с ними в Колвин Бэй. Я уверен, что Джон до сих пор

жалеет об этом! Он, как дурак, дал мне свой адрес на Уест Дрейтон (West Drayton) под Лондоном, и где-то недельки через три я отправился туда. Я думал, что такая супер-пупер звезда должна жить в огромном особняке, и, если повезёт, он разрешит мне спать в комнате прислуги и познакомит с другими супер-пупер звездами, которые помогут мне в карьере, и т. д.

Увы, мечты разбились. Оказалось, по этому адресу находится муниципальный дом. Я добрался туда около трёх утра и начал греметь дверным кольцом и трезвонить колокольчиком.

Дверь открыла милая старая леди: «Да? Кто там?».

— Это я, — сказал я, — гм, Лемми из Северного Уэльса.

— Да?

— Джон Лорд должен помнить меня. Он дал мне этот адрес.

— О, нет, дорогой, он находится на гастролях в Дании!

Почему я не принял это во внимание? Я был молод и глух, наверное.

— Ах… — сказал я.

Она смотрела на меня. Я смотрел на нее.

— Гм, — сказал я. Пауза затягивалась.

И тогда она сказала то, за что я вечно буду ей благодарен. Вот что она сказала: «Ну, хорошо, не бери в голову, дорогой, ты можешь переночевать на кушетке, увидимся утром». Где сейчас встретишь такое в нашем Прекрасном-Новом-Мире?

Утром я проснулся и увидел нависших надо мной Рона Вуда и трёх его друзей: «Эй, ты что тут делаешь на диване моей мамы, а?». Так что это была госпожа Вуд, мать Рона и Арта, а Джон жил у них в доме. Как вам такое совпадение, а? Вечером я пошел на концерт Birds, а потом отправился в Санбери-на-Темзе (Sunbury-on-Thames), но об этом — в своё время.

В те времена самой впечатляющей группой, без сомнения, были Битлз. Они были лучшей группой в мире. И уже никогда не будет ничего подобного Битлз, и нужно было действительно быть там, чтобы понять, о чём я говорю. Сегодня молодое поколение думает, что Битлз были всего лишь группой, но все куда сложнее. Они были величайшим явлением во всем мире. Они изменили жизнь всех людей, даже политиков. Лондонская газета Daily Mirror выделила целую страницу для того, чтобы день за днём рассказывать о том, что они делают. Только вообразите: большая национальная гребаная газета каждый день посвящает страницу музыкальной группе! Их влияние было безграничным.

Битлз совершили революцию в рок-н-ролле и превратились в законодателей мировой моды. Теперь это кажется смешным, но для того времени они носили очень длинные волосы. Я помню, как я думал: «Ничего себе! Как может парень носить такие

длинные волосы?». На самом деле у них были зачесанные на лоб челки, а сами волосы едва спускались на воротник. Тогда мы все поголовно носили челки — еще до Битлз, это были «утиные хвосты» а ля Элвис.

Мне повезло видеть их выступления в ливерпульском клубе «Пещера» (Cavern) еще в самом начале их карьеры. Они были забавны, на сцене жевали булочки с сыром и постоянно хохмили. Они были веселыми парнями. Они вполне могли бы сделать карьеру комиков. И они играли на странных гитарах, которые никто из нас прежде не видел. У Джона был Рикенбекер (Rickenbacker), у Пола — этот бас в форме скрипки. Мы все тогда играли на Стратокастерах; я хочу сказать, что тогда Страт был для музыканта пределом желаний, а Гибсонов (Gibson) вообще ни у кого не было. А Джордж, я уверен, играл на модели Hofner Futurama, храни его Господь. Позже у него было несколько гитар Gretsch. Всё это было что-то! Эти поразительные парни с длинными волосами и забавными гитарами, и они позировали в рубашках с расстёгнутыми манжетами! А все остальные носили эти ужасные, строгие костюмы, замуровывая себя в удушающие итальянские жакеты на десяти пуговицах. Так что такая мода была настоящим откровением.

К тому же Битлз были крутыми парнями. Брайан Эпстайн (Brian Epstein) пригладил их для массового потребления, но они были далеко не слюнтяи. Они были из Ливерпуля, который, как Гамбург или Норфолк, штат Вирджиния, был крутым портовым городом, где все эти докеры и моряки могли в любой момент отделать любого, кто вздумает игриво подмигнуть им. А Ринго был родом из квартала Дингл (Dingle) — этакий гребаный Бронкс. The Rolling Stones были маменькиными сынками — они все учились в колледжах в предместьях Лондона. Жизнь впроголодь в Лондоне не испугала их, но это был их выбор, — взамен они получали столь необходимую рокерам ауру нереспектабельности. Мне нравились The Stones, но они никогда не были на одном уровне с Битлз — ни по части юмора, ни по части оригинальности, песен или шоу. Их главным козырем был танцующий Мик Джаггер. Если честно, The Stones записывали замечательные пластинки, но всегда были дерьмом на сцене, в то время как Битлз по-настоящему цепляли.

Я помню один концерт Битлз в «Пещере». Это выступление состоялось сразу же после того, как Брайан Эпстайн стал их менеджером. Все в Ливерпуле знали о том, что Эпстайн голубой, и какой-то пацан из зала крикнул: «Джон Леннон — гребаный педрила!» И Джон — который никогда не носил очки на сцене — снял с себя гитару, спустился в толпу и крикнул: «Кто это

сказал?», на что этот парень ответил: «Ну я, мать твою». Джон подошел к нему и Ба-Бах! продемонстрировал ему «ливерпульский поцелуй», врезав ему — дважды! Парень упал, весь в крови, соплях и зубах. Затем Джон вернулся на сцену.

— Кто-нибудь ещё? — спросил он. Тишина. — Ну, хорошо. А теперь "Some Other Guy".

Битлз открыли двери для всех местных групп. В Сиэтле, в начале девяностых, было точно так же — фирмы звукозаписи налетели со всех сторон и хватали всё, что подвернётся. Oriole Records организовали прослушивание прямо в танцзале, и это длилось три дня. Они установили кое-какую аппаратуру и там собралось около семидесяти групп. Каждая команда сыграла по песне, и лейбл подписал примерно половину из них.

Эпстайн работал и с другими группами помимо Битлз. Одними из немногих, так и не добившихся успеха, были The Big Three. Джонни Густафсон (Johnny Gustafson), который потом работал в Quatermass, Andromeda, и затем в Merseybeats, играл на басу. У этой группы был потрясающий гитарист, Брайан «Griff» Гриффитс (Brian Griffiths), у которого была старая потрепанная Hofner Colorama — ужасная, раздолбанная гитара с грифом, похожим на ствол дерева, но играл он просто невероятно. А барабанщик Джонни Хатчинсон (Johnny Hutchinson) был лидер-певцом, что по тем временам было просто неслыханно — поющий барабанщик! Они были превосходной ритм-энд-блюзовой группой, но были обескровлены бизнесом. Группа выпустила одну пластинку, которой они были довольны, но запись прошла незамеченной, после этого они записали две песни Митча Марри (Mitch Murray) — он написал множество этих приторных поп-песенок (среди прочих «How Do You Do It?» для группы Gerry and the Pacemakers). Этот сингл тоже ждал полный провал, и Эпстайн отказался от них. И очень жаль, — они были замечательной группой.

Парни во всех этих командах были моими ровесниками — может, самую малость старше меня. И, конечно, я сам постоянно играл в группах. Не сомневаюсь, что вы задаётесь вопросом, когда же я расскажу об этом. Еще в Уэльсе я уже играл в местной команде, но в те времена собрать группу было очень нелегко. Для начала просто невозможно было достать аппаратуру. Какой бы чувак не собирался играть в вашей команде на басу, главным было, есть у него инструмент или нет, а уж потом, насколько он хороший музыкант. А если у него еще имелся и усилитель, то он зачислялся в группу автоматически. Инструменты и аппаратура были, как правило, самым примитивным дерьмом. Я был счастлив, имея гитару Hofner Club 50. Я увидел ее в музыкальном

магазине Вэгстаффа в Ландудно.

Старику Вэгстаффу было почти 107 лет, но выглядел он на 50. Он управлял своим магазином по старинке — можно было внести за товар несколько фунтов залога, и он держал его для вас целую вечность. Само собой, магазина больше нет. Сын старика заполучил его и тут же, к чертям, продал. Кажется, сейчас там торгуют женским бельём.

После того, как я увидел телепрограммы «Oh Boy» (возможно, лучшее рок-шоу всех времен) и «6–5 Special» (полный отстой!), я стал мечтать о гитаре. Мало кто играл в Уэльсе. Если ты узнавал о каком-нибудь гитаристе, то, чтобы поговорить с ним, ехал порой через три города. Я встретил Мелдвина Хьюза (Maldwyn Hughes) где-то в Конви (Conwy) когда сам жил там. Он играл в танцевальном стиле — щетки и кованая тарелка — но для своего времени был неплох. Мы пригласили его знакомого, Дэйва (совершенно не помню его фамилии, но в прошлом году он приходил на концерт Motorhead!), который был хорошим гитаристом, но страшноватым типом. У него были фальшивые зубы, а его отец, неудавшийся остряк из забегаловки, постоянно глупо шутил по этому поводу. Однако сам Дэйв считал своего старика забавным и цитировал его, когда того не было рядом. Сначала мы назвали нашу группу Sundowners (“Бродяги”), затем переименовались в DeeJays.

Мое первое выступление на публике состоялось в полуподвальном кафе в Ландудно. Гвоздем программы было мое пение «Travelin' Man», песни Рики Нельсона (Ricky Nelson), который, между прочим, был очень хорошим певцом и красавцем, каких мало. В дополнение к этому мы играли инструментальные версии песен Shadows, The Ventures, Дуэйна Эдди (Duane Eddy), и т. д. Примерно в то же самое время я играл с парнишкой по прозвищу Темпи. Он был экстраординарным человеком, который научил меня безудержному сарказму, но с ним было просто невозможно ужиться. Он играл на басу (я хочу сказать, он действительно умел играть на басу), и часа на полтора мы связались с местным угрюмым гитаристом, Тюдором, но, учитывая презрительный сарказм Темпи, мои добродушные подначки и хрупкое эго Тюдора, было не удивительно, что нас хватило только на одну репетицию. Хотя мы здорово звучали. Действительно здорово, если я не забыл это даже спустя сорок лет. Но все закончилось, так и не начавшись, а мы вернемся к DeeJays!

У нас был певец, Брайан Гроувс (Brian Groves), смуглый, страстный парень, чем-то похожий на Джонни Джентла (Johnny Gentle), если кто-то еще помнит его. И, наконец, мы нашли

классного басиста, по имени Джон, у которого (редчайший случай!) был бас Fender и усилитель — так что он был такой Билл Уайман северного Уэльса, не менее. Бог ты мой, мы решили, что дело сделано! Странно, почему это оказалось не так? Мы очень часто играли на фабричных танцах, свадьбах и т. д., а потом меня просто понесло — я понимал, что всё это не то. Наш состав неоднократно менялся, пока в группе не остались только я и Дэйв, два гитариста, так что какое-то время мы играли инструментальную музыку. Вот что это была за группа DeeJays. Я присоединился к другой местной группе, которая называлась The Sapphires, но с ними играл этот ужасный суперскоростной гитарист, за которым мне было не угнаться. Вот это всё, плюс работа на заводе Hotpoint, — теперь понятно, почему я уехал из Уэльса.

Когда я приехал в Манчестер, у меня была Eko. Что это была за кошмарная гитара! Словно гребаный сценический костюм Либерас[8] превратили в гитару — одни серебряные блестки на черном фоне. На ней было десять регуляторов, и только два из них работали. Остальные были «для красоты», — я снял панель, и оказалось, что они ни к чему не подсоединены. И вскоре я обменял её на гитару Harmony Meteor (которую следовало бы сохранить), чтобы потом поменять на Gibson 330, которая представляла из себя упрощенную версию модели Gibson 335. И так же часто, как менял гитары, я менял группы. Сначала The Rainmakers: не знаю, как связался с ними, но к тому времени они были уже не популярны, и вскоре я оставил их. После этого около трех недель играл еще в одной группе. Даже не помню, как они там назывались — понятно, насколько крутыми они были. А потом были Motown Sect, где я остался приблизительно на три года.

С гитаристом Стюартом Стилом (Stewart Steele), и его басистом Лесом я сначала просто тусовался в Манчестере. У них был барабанщик по имени Кевин Смит (Kevin Smith) (который жил по соседству с Ианом Брэди (Ian Brady) и Майрой Хиндли (Myra Hindley)), и я стал играть с ними как гитарист и основной вокалист. Я пел с неохотой — впрочем, как и сейчас, но понятно, что теперь я смирился с этим. Примерно через два года из группы ушел Лес и мы взяли моего знакомого, по имени Глин (Glyn). Мы звали его Гланом — совершенно непонятно почему. Глан был очень странной личностью. У него одного была единственная постоянная подружка, — они начали дико трахаться сразу же после знакомства. Она была из породы тех девчонок, что в одиночестве гуляют по песчаным дюнам Уэльса, и всегда носила это белое бикини из замши — очень тонкого облегающего

материала. И никогда ни с кем не разговаривала. Никто не знал, кто она такая, но всем хотелось с ней познакомиться! А потом она вдруг появилась с Гланом, который в свои двадцать уже начал лысеть.

Впрочем, он был красивым парнем. Он был немного похож на Денниса Куайда (Dennis Quaid), актера, который сыграл Джерри Ли Льюиса в фильме «Great Balls of Fire», к тому же у него была копна белокурых, вьющихся волос.

Так или иначе, Motown Sect были забойной ритм-энд-блюзовой группой. Стюарт был очень хорошим гитаристом, опережавшим свое время. У него был Gibson Stereo 345, это производило впечатление. И ещё усилитель Vox с требл-бустером, что тоже было большое дело. Секта играла именно ту музыку, какую и я хотел играть, так что я моментально вписался. Мы назвали себя The Motown Sect, потому что понятие «Мотаун» (Motown[9]) было тогда очень популярно, и это давало нам работу. Но мы не играли ни одной песни в звучании Motown, ни единой. Мы все носили длинные волосы, одевались в полосатые футболки, использовали в песнях губную гармошку и пели блюз. Мы играли несколько замечательных кавер-версий Pretty Things и The Yardbirds. На концертах мы говорили обычно: «Сейчас прозвучит вещь для всех поклонников Джеймса Брауна!» И зрители орали: «Давайте!» Потом мы говорили, «Эту песню написал Чак Берри, и она называется….» Одним зрителям все это нравилось, потому что они еще ничего подобного не слышали. Другие же эти песни ненавидели всей душой, но куда они, мать их, делись бы? Мы были на сцене, — свершившийся факт, знаете ли.

На самом деле у нас не было своего аппарата, да и ни у кого не было. Я помню, мы играли в Галифакской ратуше, в первом отделении у The Pretty Things, и у нас был единственный 30-ваттный усилитель. Представляете? Сейчас у меня два кабинета, каждый по 100 ватт — а в то время всем приходилось включать в один небольшой 30-ваттник и бас, и две гитары, и микрофон. Мне кажется, что сам я всегда играл на оглушительной громкости, но, конечно, это не так. Берусь предположить, что в то время нас больше заботило исполнение, так как можно было расслышать каждый нюанс. И мы постоянно использовали бытовую аппаратуру. Все тогда играли так, и даже Хендрикс (Jimi Hendrix) спустя несколько лет. Выступая в Англии, Хендрикс постоянно играл через бытовую аппаратуру. В некоторых залах, в которых мы выступали, по краям сцены была установлена лишь пара колонок с 10-дюймовыми динамиками, подключенными к небольшому усилителю в металлическом корпусе с ручками

сзади. Дохлый номер. Я никогда не узнаю, как нам удавалось работать так. Но ведь ты сам не понимаешь, как у тебя что-то получилось, когда тебе было двадцать. И вспоминая прошлое, начинаешь думать: «Черт меня подери! Как это я делал? Нет-нет, это точно был не я».

В конце концов музыканты группы начали разбредаться. Стюарт, каким бы талантливым он ни был, исчез в неизвестности, пожертвовав собой ради ворчливой матери и своего брака. Во всяком случае, мне хотелось вырваться из Манчестера, — было совершенно ясно, что группу ждет забвение. И когда я впервые увидел Rocking Vicars, я понял, что они — мой шанс.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Соблазн (Jailbait)

Впервые я увидел Reverend Black & Rocking Vicars в Манчестерском клубе «Оазис». «Оазис» был местом, где играли все успешные рок-группы. Я сразу обратил своё внимание на Vicars. У барабанщика было две бочки — это я видел впервые, и он сидел впереди. На них были финские национальные костюмы: ботинки с оленьим мехом, белые брюки со шнурованной ширинкой, лапландские рубашки и воротнички священников. Я решил, что это классно, знаете ли. Они играли чрезвычайно громко и вдребезги раздолбали всю свою аппаратуру. Это тоже было очень круто. И у них были длинные волосы.

Дело в том, что барабанщик в Motown Sect добивался того, чтобы мы все подстриглись. Как-то мы ходили в «Оазис» на Who и он восторгался: «Как классно они выглядят с короткими причёсками, не так ли?». Да ну на хрен! Я не собирался подстригаться. И оказался в группе последним с длинными волосами. Остальные все подстриглись. И вообще, отношения с парнями в группе у меня портились всё больше и больше. Наконец, я снова увидел Rocking Vicars в Оазисе, они выглядели просто превосходно, и я немного прозондировал почву. Оказалось, что они хотят распрощаться со своим гитаристом, так что я не выпускал их из поля зрения.

В тот вечер, когда я прослушивался для Rocking Vicars, я разбил свою первую гитару. У меня никогда не получалось играть соло, я и до сих пор не могу этого. Но я заморочил их, очень быстро елозя пальцами по всему грифу. В конце-концов я вскочил на фортепьяно. Оно грохнулось на пол, я свалился и разом уничтожил всё своё гитарное имущество. Вообще-то это говорит о многом. За все эти годы я был должен бы разбить множество гитар, но не разбил, потому что долгое время имел всего одну гитару. С другой стороны, если бы разбивал, у меня всё равно появлялись бы новые. Получается — был бы более обеспечен.

Vicars тут же наняли меня, и я был с ними более двух лет, с 1965 до 1967. В группе была гитара, с которой они ездили на концерты, Fender Jazzmaster. Разбитый мной инструмент был Telecaster — я как раз выменял его на свой Gibson 330 — и я переставил гриф Телека на корпус Jazzmaster. Получилась замечательная гитара, и я играл на ней всё моё время с Vicars. Когда я уходил, пришлось вернуть им корпус Джаза — жаль, но что поделаешь?

Вокалист, Гарри Фини (Harry Feeney), был известен как Преподобный Блэк (Reverend Black). Он здорово походил на

Питера Нуна (Peter Noone) из Herman's Hermits. У него была привычка во время пения показывать «автомобильные дворники» — знаете, махал в воздухе туда-сюда указательными пальцами. Но он был хороший фронтмен, и девчонки обожали его.

Басист Пит вскоре ушёл, и его заменил Стив Моррис (Steve Morris), или Моггси (Moggsy). Он был очень скупым человеком, эта черта досталась ему от отца. Я не забуду, как однажды был у него дома. Я поднимался по лестнице в туалет, а его отец кричал мне снизу: «Используй только четыре листа!». Скрудж в городе! понимаешь.

У нас некоторое время был гитарист по имени Кен, который имел Мини-Купер, гоночную модель. Он с неё пылинки сдувал. Но никак не мог купить шины с металлокордом, которые было очень трудно достать. Однажды на дороге другой Мини-Купер пролетел мимо него, как камень из пращи. И за следующим поворотом Кен увидел эту тачку в стороне от дороги, вверх тормашками, всю разбитую, с еще вертящимися колесами, и водителя, висящего из неё, в крови и без сознания. И Кен тут же подумал, «Оба-на! Он же в отключке, верно?», затем отвинтил эти чёртовы колеса, отвёз на ферму и спрятал в стоге сена. Потом вызвал полицию и вернулся к повороту, и этот полицейский стоял там и говорил: «Гляди-ка, какой-то ублюдок успел украсть колёса!» А Кен рядом поддакивал: «Да, бывают же такие козлы!» Вот такими людьми и были Rocking Vicars.

Ещё был Саджи (Ciggy) (уменьшительное от Сайрил), барабанщик. Он был лидером группы, и был одним из тех людей, которые во всём, что делают, стремятся быть лучшими. Если вы проплывёте километр, — он проплывёт полтора. Если вы полезете на дерево, он уже слезет с него прежде, чем вы доберётесь до вершины. Будете играть в бильярд — он загонит в лузы все шары и останется с восьмым шаром, пока вы будете спрашивать себя, как же, чёрт возьми, ему это удаётся. Одержимый человек, но превосходный барабанщик. Он был похож на Кита Муна (Keith Moon).

Помните, барабаны Саджи на сцене всегда находились впереди? Это многое говорит о его индивидуальности.

Саджи был настоящий тиран. У нас был роуди, парень по имени Нод, с которым Саджи жил в одном доме. Нод был, и есть, человек с неустойчивой психикой, но поистине удивительный, на самом деле, человек, — во всём. Он теперь очень успешный бизнесмен на острове Мэн, откуда родом. Он получил работу басиста у Vicers, когда ушёл Моггси, но, как оказалось, только на один вечер; он так перевозбудился во время выступления, что разгромил всё вокруг и чуть не прикончил сам себя. Прежде, чем

попасть к Vicers, Нод был первым ди-джеем, который работал на Радио Кэролин, первой в мире пиратской радиостанции. Такого больше нет, но раньше, в середине шестидесятых, люди ставили судно на якорь в трёх милях от берега Англии, чтобы быть вне ее радио-законов и играть то, что не стали бы обычные радиостанции. Таких пиратских станций было несколько, и Нод был на первой. Но он бросил её и стал роуди Саджи, потому что увидел Rocking Vicars и немедленно ушел с ними.

У Саджи была огромная кровать в его спальне, а Нод спал на раскладушке в нескольких футах от него.

— Ты знаешь, что я делаю сейчас, Ноддер? — спрашивал Саджи.

— Нет, Садж.

— Я вытянулся, а мои руки даже не достают до края кровати, настолько она большая. А ты на этой раскладушке.

— Да, знаю.

— Говори «сэр», когда разговариваешь со мной!

— Да, сэр, я знаю!

А по утрам Саджи щёлкал пальцами, и Нод уже со сковородкой, готовит ему завтрак. Вот такой вид латентного гомосексуализма. Они не трахали друг друга, потому что Саджи спал с подружкой, помнится, её звали Джейн. И Ноддер тоже спал с девчонками. Так что вряд ли они на самом деле думали об этом. Это было, надо полагать, на подсознательном уровне.

Однажды Ноддер вел нашу машину на студенческий вечер в Дуглас, на острове Мэн — большой фургон, с золотым крестом на крыше, весь исписанный губной помадой, вроде «я люблю длинноволосых мужчин». Это тогда была фишка — помада на фургоне; чем больше исписан, тем круче была группа, — обычные, в общем, понты. И вот Саджи обводит нас взглядом:

— Думаю, ребята, вы даже не представляете себе, как Ноддер мне предан, — говорит он.

— Представляем, — отвечаем мы ему.

— Нет, не представляете. Ноддер, останови фургон.

Ноддер останавливает фургон.

— Выходите все, — объявляет Садж.

Мы выходим из задней двери фургона. Саджи захлопывает дверь и говорит Ноду:

— Ноддер, въезжай прямо в это окно, — и указывает на огромную витрину магазина свадебных товаров, со множеством выставленных в ней платьев.

— Есть, сэр.

Гром, звон, лязг!!! Прямо в витрину! Весь наш фургон был покрыт свадебными платьями!

Парни в Vicars были со странностями, но я хорошо провел время, играя с ними. Мы гастролировали по всему северу Англии, и производили фурор везде, где выступали. И я всегда делал трюк с фортепьяно. Часто там, где мы играли, имелся рояль, обычно белый, я прыгал из глубины сцены на его крышку и съезжал по ней к толпе. Мы были адской группой, громкой и дикой, что-то вроде Who, только с длинными волосами. Однако у нас никогда не было собственного материала. Мы играли одни каверы, вроде «Тощей Минни» Билла Хэйли, или Бич Бойс (Beach Boys). Ещё играли «Здесь и сейчас», из альбома Pet Sounds, который был довольно популярен тогда.

Наши выступления были похожи на номера кабаре. С басиста Пита, игравшего ещё до Моггси, во время концерта сваливались штаны, и он оставался в огромных цветастых трусах. В Англии любят такие приколы. Так вот Пит стоял там в своих трусах, а я бил его в лицо тортом с заварным кремом. Я шел к толпе с тортом в руке и кричал: «Уделать его? Уделать?». А они кричали: «Да-а-а-а-а! Давай!» — они же другого не захотят, не так ли? Ведь, само собой, ничего нет на свете смешнее, чем парень, получающий тортом в лицо. Каждый вечер — бац! Пит весь в торте, все веселятся, мы заканчиваем песню и пакуемся. Роуди делали торт из муки и воды, укладывали на картонную тарелку, и каждый вечер ставили позади усилителя. Я никогда заранее не проверял это. И вот однажды я схватил было торт, а он возьми да окажись в оловянной тарелке — тяжеленной оловянной тарелке, вроде тех, что когда-то использовались в армии. Я останавливаюсь, и — к Саджи: «Это оловянная тарелка!»

— Бей его! — шипит он.

— Ты сдурел? Она же металлическая! Ты посмотри!

— Делай, что говорят! Бей его!

— Ну ладно.

И вот я двинулся к Питу и — хрясь! «…Твою мать!» услышали все его приглушенный вопль. Я сломал ему нос в двух местах! И повсюду кровь и сопли. Подростки решили, что это восхитительно, так и было задумано. Так что мы в Rocking Vicars весельчаки были ещё те.

У нас был жуткий менеджер, еврей Джек Венет (Jack Venet), торговец посудой. Он имел оптовый магазин в Солфорде, к северу от Манчестера, недалеко от еврейского местечка Читэм-Хилл. Он там устроил нам квартиру, и все евреи страстно ненавидели нас, потому что мы валялись на лужайке на полотенцах с нашими подружками, которые полировали наши ногти и расчёсывали нам волосы, в то время, как эти ортодоксы тащились мимо, пялились на девок и матерились про себя. Очень они нас не любили.

Неправильную, понимаешь, жизнь мы вели. Но убить нас всё-таки не убили, потому что были людьми тактичными, по крайней мере большинство из них. Конечно, были там и активисты, так и мечтавшие доставить нам всяческие неприятности, но разве не в каждой нации есть деятели, кто за идею или из политических убеждений готов уничтожить кого угодно? Мы тоже были не подарки, доложу вам, так что пошли они на хрен.

Так вот, была у нас там хорошая, большая квартира в Читэм-Хилл, и, пока мы там жили, влюбился я во французскую девочку. Она была прелестной, я был сражен наповал. Её звали Энн-Мэри. Она была похожа на Брижитт Бардо. Она была дочерью дантиста из-под Лиможа, и потом приехала на каникулы ко мне домой в Уэльс. Через два дня я оставил ее одну, а сам уехал с парнями. Не знаю, зачем я сделал это. Наверное, она была не та. Я никогда не находил ту самую. Несколько лет спустя я подумал, что нашел, но она умерла. И теперь навсегда останется той самой, потому что у неё так и не будет шанса доказать обратное.

Когда я был в Rocking Vicars, случилась и моя следующая неумышленная попытка покончить с вольной жизнью. Были две девушки, которые пели в группе, гастролировавшей по американским авиабазам в Европе. Я забыл, как называлась их группа — то ли Rock Girls, то ли Rock Birds (Рок-птицы), то ли какой-то вид птиц (вокруг Ливерпуля тогда сплошь были «птицы»). Так или иначе, Трейси и ее подруга часто заходили в гости. На самом деле я запал на её подругу, но та выбрала Гарри. Трейси тоже была симпатичная, с большой грудью, так что я был весьма не прочь. Обе они снова приехали к нам на квартиру в Манчестере и остались на уикенд. И после этого они приезжали и гостили у нас время от времени. И однажды около шести утра Трейси возникла у нас дома и разбудила меня.

— Я беременна, — сказала она, стоя у моей кровати.

— А? Что? Беременна? — спросонок пролепетал я. В смысле, кто может сообразить что-либо в шесть утра?

Она восприняла как ужасное оскорбление то, что я был невнимателен и немедленно не вскочил.

— Ах так?! — воскликнула она и вышла.

Вот так это было. Она ушла и родила ребенка, Пола, и вырастила его самостоятельно. Я увидел его, когда ему было лет шесть. Я пришел на Эрлс Корт Роуд, чтобы купить немного кокаина у одних бразильцев. Мы все ждали человека, а я был на кухне, делал тосты. И вошёл маленький белокурый мальчик.

— Вы — мой папа, — сказал он мне. — Мамочка в другой комнате.

Я вошел туда, и, действительно, это была Трейси. Я знаю,

почему там был я, но как, чёрт возьми, там оказалась она? Я так никогда и не узнаю. Так что я купил ей холодильник, которого у неё не было. Тащил его к ней четыре лестничных пролёта. Мы с парнем, помогавшим мне, чуть не сдохли тогда.

Так вот, этот мальчик был замечательным ребенком. И есть, конечно. Я помню, однажды он пришёл повидать меня. В то время ему было примерно двадцать три.

— Папа?

— Да?

— У меня проблема.

— Сколько это стоит, Пол?

— Это домовладелец, папа.

— Сколько это стоит, Пол?

— Он сказал, что выбросит нас на улицу со всем нашим барахлом, и хочет забрать мою гитару.

— Сколько-Это-Стоит-Пол?

— Ну, довольно много.

— Чёрт возьми. Сколько это стоит?

— Двести фунтов.

Так что я дал ему эти двести фунтов, и он ушел. На следующий день я увидел этого маленького засранца в подержанном Линкольн-Континентале. Он, не торопясь, проезжал мимо дома: «Ну-ка, взгляни на мою новую тачку!»

— Хорошо нагрел, Пол, — сказал я ему, — Но впредь не проси денег заплатить за квартиру — не получишь.

Превосходное жульничество, конечно. А затем он увёл у меня одну из моих поклонниц. Но я ответил тем же — увёл одну у него. Больше того, мы с ним менялись девочками однажды ночью, в Стрингфеллоус (Stringfellows) в Лондоне. Поразительно, как много женщин хочет трахнуть и старика и его сына!

Пол прилетал в Штаты несколько лет назад. Он приехал ко мне и жил у меня один день. А на другой две крошки заехали за ним в автомобиле и забрали его. Он уехал с ними в Беверли-Хиллс, и я больше не видел его. Он вернулся домой и даже не позвонил, не сказал «до свидания». Я помню, как он спрашивал у меня совета, и я давал ему. А он всегда делал всё наоборот, и, наверное, это нормально. Старая развалюха, разве не так? Но, как обычно, я отвлёкся.

Rocking Vicars записали три сингла за то время, что я был с ними, — два для Си-Би-Эс и один для Декки (Decca) в Финляндии. Одна из песен называлась «It's All Right». Саджи утверждал, что её написал он, но это была просто испорченная версия песни Who — «The Kids Are All Right». Ещё одна песня была «Dandy», из репертуара The Kinks, и мы с ней добрались до 46

места в хит-параде. Мы даже заинтересовали продюсера Who и The Kinks Шэла Талми (Shel Talmy). Он был американцем и жил в Лондоне. Его офис находился над китайским продовольственным магазином на Грик-стрит в Сохо. Лондон — весьма многонациональный город. И тот китайский магазин со всей его имбирью и с дерьмом в банках вонял настолько отвратительно, что, когда нам надо было навестить Шэла, мы зажимали носы и мчались через улицу и вверх по лестнице, пока не захлопывали за собой дверь в офисе.

Шел был слеп, как летучая мышь. Он что-то видел, но очень плохо. Он входил в студию, говорил «Привет, парни!» и тут же натыкался на барабаны. Он всегда пытался пройти сквозь стены, закрытые двери и прочее такое дерьмо. Разные доброхоты его постоянно поднимали, ставили на ноги, но он никогда не признавался, что не может видеть, — у него просто были «друзья, которые случайно оказались рядом» и вытаскивали его из передряг. Его брови, лицо всегда были в свежих шрамах. Но он был в порядке. Своё дело он знал отлично.

У нас никогда не было хита, но на севере мы были очень популярны. К югу от Бирмингема никто и не слышал о нас, но в городах вроде Болтона мы собирали тысячи зрителей. Одна площадка в Болтоне имела вращающуюся круглую сцену, и однажды фаны чуть не разорвали нас прежде, чем мы успели сделать первый круг. Девчонки хватали нас и срывали с нас одежду — настоящая битломания, знаете. Звучит смешно, не так ли? Ха! С вас когда-нибудь срывали джинсы? На внутренней стороне штанин лопались швы! Бывало очень больно, поверьте. А ножницы? Они ведь специально брали их с собой, чтобы заполучить локоны волос своих любимцев! Вы когда-нибудь видели сорок серьезных, мрачных фанаток, стремительно надвигающихся на вас с ножницами в руках?..

На одном концерте, в самом начале, Гарри, как всегда, вышел взять микрофон, но девчонки схватили шнур и тянули его к себе. Так вот, он вышел и не вернулся, потому что его просто стянули в толпу со сцены в семь футов высотой. Позже он рассказывал нам, о чём думал в ту долю секунды, пока летел: «О, какой кайф! Слава! Популярность! Они любят меня! Щас поплыву в море женских ножек, сисек и писек»! Эти девчонки расступились, как Красное море перед Моисеем, и он увидел, как быстро летят на него гвозди в досках пола. Свой нос он сломал тоже в двух местах. А кто-то из девчонок сломал ещё и его палец, пытаясь стянуть золотое кольцо. В другой раз они стащили ботинки Саджи, пока тот играл на сцене. Саджи потом бегал по залу босиком и орал: «Где эта чёртова курица! У меня нет запасных!»

Иногда в голову Саджи ударяла мания величия. Однажды мы должны были играть в Манчестерском Университете вместе с Hollies, и Саджи настаивал, чтобы мы выступали последними. Hollies в то время были суперпопулярны — у них тогда в хит-парадах на первых местах было около шести синглов подряд. А тут Саджи: — «Rocking Vicars будут играть последними, и точка!» Парень, всем там заправляющий, говорит: «Я не могу сказать такое Hollies! Раскиньте мозгами; они — главные на афише!»

Саджи настаивает: «К чёрту! Скажи им, что Rocking Vicars будут последними, только так».

Парень пошел к Hollies, а тем было плевать — «Нет проблем! Свалим домой пораньше!», так что они выступили первыми, а когда вышли мы, зал был пуст — на самом деле все ведь пришли на Hollies, верно? А сцена в этом зале состояла из двух частей, соединявшихся между собой неким замком. Накануне Саджи жаловался Ноду, что бас-барабаны при игре уползают вперёд: «Если завтра, Ноддер, барабаны сдвинутся с места хоть на дюйм, ты знаешь, что произойдёт, мой мальчик». Поэтому Ноддер позаботился об этом и хорошенько укрепил бочки. Прямо в месте соединения двух частей сцены. Единственная проблема состояла в том, что кто-то отпер замок. И вот мы начинаем, Саджи даёт отсчёт, «Раз, два, три, четыре!» Бум — Ба-Бах! Чёртова сцена разделяется, и все его барабаны проваливаются в яму! Один Саджи торчит на своём табурете с палками над головой! Это было концом шоу. Хорошо, однако, что почти никого там не было!

Если все это не достаточно ирреально, то в бытность мою в Rocking Vicars я видел НЛО. Мы ехали в нашем «Зефире» через торфяники, направляясь домой в Манчестер из Нельсона, что в Ланкашире, и ЭТО вдруг появилось над горизонтом. Оно было ярко розового цвета и имело форму шара. Оно подлетело ближе и замерло. И не говорите мне, что это было скопление чаек, или какой-нибудь воздушный шар, — забудьте это. Ничего подобного. Этот объект двигался, словно адская летучая мышь и так же резко останавливался. Мы все вышли из машины и смотрели на это. Оно висело там, и, казалось, пульсировало, но это, может, было эффектом атмосферы, вроде мерцания звёзд. И вдруг — раз! — оно прошло прямо над нашими головами, мгновенно набрав скорость от полной неподвижности до ста миль в секунду. И через мгновение исчезло за горизонтом. Ни одна земная машина не может совершить такое. Так что, судя по его возможностям, это был НЛО, как бы ни казалось это невероятным. Я уверен, что эта штука не заметила нас. Она, наверное, больше интересовалась Америкой — и явно была уже там к тому времени, как мы вернулись в машину!

Несколько раз Rocking Vicars выезжали, чтобы поиграть вне Англии. Один раз ездили в Финляндию (снова я туда попал уже только с Motorhead). Vicars имели там сингл на первом месте в хит-параде. Для этого понадобилось продать около 30 000 сорокапяток.

Vicars была первой британской группой, которая играла за Железным Занавесом. Я не знаю, как это было устроено — наш менеджер был инициативным старикашкой, несмотря на посуду. Мы играли в Югославии, которая была типа буфера со странами Восточного Блока. Такой край вообще-то мало подходит для этого. В основном, всё, что там было, это камни, кустарник и всеобщая бедность. Мы играли в Любляне, теперь столица Словении. Потом мы поехали в Черногорию и Боснию. И все там жаловались друг на друга. Думаю, они действительно хотели поубивать друг друга, очевидно по историческим причинам, о которых теперь и сами не помнят. Это у них впитывается с молоком матери и потребуется чудо, чтобы они когда-нибудь остановились. Сербы, ненавидящие хорватов — это то, что вы могли слышать тогда, и это то, что вы слышите теперь. Конечно, я понимал, что все они были типа «плохие парни должны проиграть», потому что коммунисты творили такое дерьмо, чего никому не пожелаешь. Я не знал, что мы делали им то же самое. Не сказал бы, что поездка в Югославию открыла нам глаза. Мы видели лишь хорошую сторону — вам дают гида, понимаешь, но в коммунистической стране этот гид становится надсмотрщиком, верно? Если он говорит, что мы туда-то не пойдём, то мы не имеем права идти туда ни под каким видом!

Наконец, в начале 1967 я оставил Rocking Vicars. Они потом ещё семь или восемь лет работали в своём стиле кабаре. Что касается меня, я имел гораздо более далеко идущие планы. Завоевание севера Англии меня больше не устраивало. Мне нужен был Лондон.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. Столица(Metropolis)

Я ушел из Rocking Vicars, рассчитывая, что сразу же стану звездой. Мне виделось заманчивое будущее, в котором великое множество женщин стремится овладеть мной и позаниматься моей морковкой — ну, вы понимаете, — и всё в таком духе. Конечно, на деле получилось не совсем так.

Когда я посетил Лондон в первый раз, я прожил там около месяца, — после того самого пробуждения на диване мамы Рона Вуда. Я тогда остановился у своего друга по имени Мэрфи, которого знал ещё по Блэкпулу. Он был малоизвестным ирландским фольк-певцом, братом-ночлежником. Яркий персонаж. У нас было двое знакомых голубых портных, которые шили нам всю одежду — они измерили бы внутреннюю поверхность вашей ноги раза четыре или пять. Мэрф им нравился, и он периодически тусовался с ними. Он с ними не трахался, — по крайней мере, я так не думаю. Но они сшили ему костюм Бэтмена, с капюшоном и крыльями летучей мыши от рук до талии. Он собирался прыгнуть с блэкпульской Башни, такой рекламный трюк, типа.

Блэкпульская Башня похожа на Эйфелеву, только размером в четыре раза меньше. Всё равно, если подумать, — слишком высока для таких полётов. Но Мэрф нарядился в свой бэтменский костюм, мы пришли с ним к Башне и направились прямо к старикашке за билетной кассой.

— Привет! — объявляет Мэрф. — Я — Мэрф, Человек — Летучая мышь! Пропусти меня!

- Зачем? — флегматично спрашивает билетер.

— Я собираюсь прыгнуть с башни! — заявляет Мэрф.

— Не прыгнешь.

— А вот и прыгну! — наседает Мэрф.

— Не прыгнешь.

— Прочь с дороги! — требует этот мутант с крыльями.

— Вот что я скажу тебе, приятель, — говорит ему старикашка, — Давай мне фунт и прыгай себе на здоровье, и если прыгнешь, я верну тебе твой фунт. Согласен?

Он не дал прославиться бедному Мэрфу, лишил, понимаешь, единственного шанса стать известным. В общем, когда я в тот раз решил двинуть на Лондон, Мэрф уже был там. Он жил в ужасной квартире, настоящей крысиной дыре, на Санбэри-он-Тэмз (Sunbury-on-Thames). Впрочем, могло быть и хуже. Кроме него, в

четырёх или пяти комнатах жило еще человек двадцать бродяг, и не было никакой горячей воды. А у меня — ни жратвы, ни денег. Мы решили сколотить группу, я, Мэрф и барабанщик Роджер, — причём барабанов у него не было — он играл на диванных подушках! Очень быстро мое терпение лопнуло, и я направился на север. Как-то утром я обнаружил себя, сидящим на пляже в Саут-Шилдсе (South Shields) и выковыривающим своей расческой холодные печеные бобы из банки. И я подумал: «Ну что это за жизнь у меня такая» и вернулся домой немного подкормиться. С тех пор я не видел Мэрфа лет тридцать, а когда встретился с ним, было приятно узнать, что он пережил все эти годы в относительно здравом уме и памяти (по крайней мере, он помнил все, что было после 60-х). Теперь он писатель; при встрече он подарил мне свой роман. Когда я найду время прочитать его, обязательно выскажу вам свое мнение!

Вскоре после того, как я вернулся домой, Birds выступали в Нортвиче (Northwich), около Манчестера, так что я поехал вместе с ними опять в Лондон. Добравшись туда, я позвонил своему единственному знакомому в Лондоне (помимо Джона Лорда!) — Нэвиллу Честерсу (Neville Chesters). Он к тому времени уже поработал роуди у Who и Merseybeats. Я спросил, можно ли переночевать у него, и он сказал, — приходи. В то время Нэвилл работал на группу Jimi Hendrix Experience, и жил на одной квартире с Ноэлом Реддингом (Noel Redding), басистом Хендрикса. Им был нужен помощник, и примерно через три недели, как я остановился у Нэвилла, я стал работать у них.

Джими Хендрикс был тогда очень популярен в Англии — он только что выпустил два сингла, попавшие в хит-парады на первые места, — но пока еще был совершенно неизвестен в Америке. Я работал на его группу около года, помогая на всех телешоу и на гастролях по Англии. Мне, к сожалению, не удалось поучаствовать ни в одном из заграничных туров, потому что я был всего-навсего посыльным и грузчиком. Тем не менее, это был удивительный опыт. Хендрикс, безо всякого сомнения, был самым поразительным гитаристом, существовавшим когда-либо. Все в нем было просто великолепно — его игра по настоящему поражала, и к тому же он потрясающе выглядел на сцене. Он был похож то на кота, то на змею! Когда он играл, у девчонок просто крыша съезжала. Я видел, как он входил в свою спальню с пятью цыпочками — и все они потом выходили от него, улыбаясь. Конечно, дорожной команде тоже кое-что перепадало. Хендрикс был настоящим жеребцом, и только глупец скажет, что это плохо. Не знаю, почему это предосудительно, — конечно, быть жеребцом куда веселее, чем не быть им! К сожалению, я не был его близким

другом и мало общался с ним за кулисами. Я лишь работал на него. Он запомнился мне очень славным, лёгким в общении парнем. Но тогда большинство людей были такими. Это была эпоха невинности, знаете ли. Все еще были живы.

Мне также нравились и два других музыканта Experience. Ноэл Реддинг был парень что надо, только у него была привычка ложиться спать в мужской ночной рубашке, тапочках Алладина с загнутыми носами и ночном колпаке с кисточкой. Ну и вид, скажу я вам. Митч был просто чокнутым типом, впрочем, он нисколько не изменился. Однажды я стоял на островке безопасности посередине Оксфорд-стрит, и Митч подскочил ко мне, — на нем было белое меховое пальто, белые брюки, белая рубашка, ботинки и носки — полный набор, ну вы понимаете. «Привет, я не знаю, кто я!» — ляпнул он и убежал прочь. Не думаю, чтобы он знал к тому же, кем был я!

Конец шестидесятых был золотым веком для рок-н-ролла в Британии. С тех пор никогда больше не было такого богатства талантов в одно время. The Beatles, The Stones, The Hollies, The Who, Small Faces, Downliners Sect, Yardbirds, все эти группы появились за какие-то три года. «Британское Вторжение» навсегда изменило лицо рок-музыки, и живя в Лондоне, мы сидели на крыше мира. Многие группы продолжали развивать блюз: Savoy Brown (которые были намного популярней в Штатах, чем в Англии) и Foghat, все они начинали как блюзовые группы и на какое-то время увлеклись джаз-блюзом. Были такие люди, как Грэм Бонд (Graham Bond), у которого играли Джек Брюс (Jack Bruce) и Джинджер Бейкер (Ginger Baker), продолжившие карьеру в группе Cream. Битлз только что выпустили своего «Сержанта Пеппера», став, конечно, событием месяца! Двое из них были уже надломлены, но то, что они делали, не могло быть неправильным — Джон Леннон был святым в глазах поклонников, и Йоко рядом с ним выглядела пострадавшей.

В то время хорошие группы росли как грибы. Сейчас нужно еще попотеть, чтобы отыскать действительно стоящую группу в огромном количестве просто ужасных. Тогда тоже были тысячи групп, но по крайней мере половина из них были великолепны. Приведу простой пример: я работал на втором британском турне Хендрикса, который проходил с 14 ноября по 5 декабря 1967. Компания была такая — Move, только что выпустившие два хита № 1 подряд; потом Pink Floyd с Сидом Барретом (Syd Barrett) — это был его последний тур; Amen Corner, которые тогда были на втором месте в хит-парадах; Nice, в составе которых играл юный органист Кит Эмерсон (Keith Emerson); и Eire Apparent, которые позднее превратились в Grease Band, аккомпанировавший Джо

Кокеру (Joe Cocker). И на все эти группы вы могли посмотреть за 7 шиллингов и 6 пенсов (американские 70 центов). И для того времени это было нормально.

Но не думаете же вы, что я завел разговор о Лондоне 60-х и при этом не расскажу о наркотиках, не так ли? Конечно, расскажу. Вся наша команда сидела на «кислоте»[10] в течение всего тура. И мы прекрасно справлялись со своими обязанностями. Оргазмы под кислотой, между прочим, чертовски классная вещь, просто невероятная, — я неоднократно испытал это на себе. Небольшой факт — кислота тогда была ещё совершенно легальна. И не было никаких запретов на ее употребление до конца ‘67. А что касается марихуаны — можно было спокойненько пройти мимо копа, куря косячок, а он и знать не знал, что это такое. В самом деле; мой друг однажды сказал полицейскому, что это травяная сигарета, и пошёл себе дальше. Кажется, тогда у всех в Лондоне съехала крыша. Порой мы раскумаривались, шли прогуляться в парк и беседовали там с деревьями, и если спорили с ними — деревья иногда побеждали. Нам говорили, что на второй день кислота уже не цепляет, но мы обнаружили, что если удвоить дозу, то проблема легко решается!

В Лондоне было несколько популярных клубов, таких как «Электрический сад» (Electric Garden) и «Средиземье» (Middle Earth). Стоило заглянуть туда, и обнаруживалось, что абсолютно все были под кайфом. На входе в «Средиземье» рядом с кассой стояла девица и раздавала всем кислоту. Она выдавала это дело каждому, неважно, парень это был или девушка, и совершенно бесплатно. Обычно мы брали кристалл кислоты, с которого можно было получить сто доз, и растворяли его в бутылке в сотне капель дистиллированной воды. Потом брали пипетку и капали раствор рядами на газетный лист. Потом, когда все это дело высыхало, мы накрывали пропитанный кислотой лист бумагой, выходили на улицу, отрывали кусочками и продавали людям для жевания. Иногда, если повезёт, тебе доставался клочок газеты, на котором оказывалась пара «поездок»; при неудачном раскладе можно было купить просто чистую бумагу!

В то время настоящая кислотная «поездка» не была таким балдежным, спокойным дерьмом. В самый первый раз я отъехал на восемнадцать часов, и ничего не мог видеть. То, что я видел — с реальностью не имело ничего общего. Все вокруг, каждый звук — можно было щелкнуть пальцами, — опля! — все превращалось в калейдоскоп! Глаза воспринимали любой шум, как яркие цветные импульсы. Вы словно отправлялись в бесконечное путешествие по «русским горкам», то замедляясь при подходе к вершине, то затем — вау! Ваши зубы вдруг обжигали, и если вы

начинали смеяться, то было невероятно трудно остановиться. Вы можете сделать вывод, что мне нравилась кислота. Но ЛСД — опасный наркотик, — если понравилось, — береги задницу! Если тебе становилось немного не по себе, то кислота во много раз усиливала беспокойство, вплоть до того, что тебя закрывали, понимаешь, — забирали галстук, шнурки и ремень, и помещали в палату без окон с мягкими стенами. Многие мои знакомые закончили одинаково — в психушке.

И все также глотали таблетки. Такие амфетамины, как Blues, Black Beauties и декседрин. Все это были пилюли — за многие и многие годы я никогда не использовал порошки. На самом деле, если ты играешь в группе, или, особенно, если ты роуди, то тебе просто необходимо принимать все это, потому что иначе тебе не выдержать такого напряженного жизненного ритма. Просто нереально поехать в трехмесячный тур и при этом ни на чем не «сидеть». Я ни гроша не дам за все эти полезные советы, — мол, спорт, свежие продукты, соки, — да пошли вы все со своими советами! Все это бред сивой кобылы! Мне плевать, съедай хоть по двести артишоков, но ты должен остаться жив через три месяца гастролей, делая по концерту в день.

Все также принимали антидепрессанты. Лично мы глотали Mandrax (эквивалент штатовского Quaaludes). Однажды мы купили целую коробку мандрекса, тысячу таблеток, и когда открыли ее, все они оказались растаявшими, — должно быть, были влажные. На дне этой коробки было настоящее месиво мандрекса. Так что мы вывалили всю эту кашу на разделочную доску, раскатали скалкой, а потом положили этот блин в гриль, и в результате у нас получилась белая лепешка мандрекса, от которой мы отламывали куски и ели. Правда, иной раз ты набивал себе полный рот мела-закрепителя, а в другой раз доставалось сразу три таблетки мандрекса — своего рода наркотическая русская рулетка! У меня имелся аптечный рецепт на получение декседрина и мандрекса. В то время многие доктора за деньги могли выписать вам любой рецепт. Доктора на Харли-стрит (Harley Street), например. Тот, к которому пришёл я, отказался выписать мне мандрекс, потому что как раз был принят закон, запрещающий продавать его в аптеках, и в качестве заменителя он выписал мне Tuinol. Это жуткая штука, правда. Долбанный туинол был в 7–8 раз круче мандрекса. Мандрекс просто младенец по сравнению с туинолом! Полнейший идиотизм. Впрочем, как обычно.

Но вернемся к рок-н-ролльной части моей истории, в противоположность наркотикам или сексу. В общем, я начинал играть в нескольких лондонских группах. Сначала получил

работу гитариста у Пи Пи Арнолд (P. P. Arnold). Она была одной из Ikettes[11], и уже выпустила парочку хитов в Англии. Через две недели она обнаружила, что я не умею играть соло и я потерял эту работу. Потом в 68, я пел в группе Сэма Гопала (Sam Gopal). Он был наполовину бирманцем, наполовину непальцем или что-то типа этого — не помню уже. Он играл на таблах, которые было невозможно усилить аппаратурой. Это слишком гулкий инструмент, понимаете, — по крайней мере, их нельзя было подзвучить на оборудовании того времени. До этого группа называлась Sam Gopal Dream, и в декабре 67 года она попала на шоу «Рождество на Земле» в одной компании с Хендриксом. Некоторые считают, что я играл на том выступлении, но это не так. Когда я встретился с Сэмом, он уже выбросил слово «Dream» из названия своей группы, и команда стала называться скромнее — просто «Sam Gopal»!

С Сэмом меня познакомил мой друг по имени Роджер Д'Илайя (Roger D'Elia). Он играл на гитаре, и его бабушкой была Мэри Клэр (Mary Clare), когда-то очень известная английская актриса. Я жил в доме Роджера, и он сказал мне, что собирает группу с Сэмом Гопалом и басистом Филом Дьюком (Phil Duke), и им нужен вокалист. Они играли такую смесь из психоделии, блюза и средне-восточных ритмов, встречающихся у группы The Damned. Мы записали один альбом, провели один тур по Германии и дали концерт в лондонском клубе «Speakeasy». То шоу в «Speakeasy» было встречено на ура, и мы уже решили, что станем звездами, но на самом деле после этого выступления начался наш упадок!

Сэм хотел стать звездой. У него были самые серьезные намерения. Он был настоящий позёр, но меня это нисколько не волновало. Я хочу сказать, что я сам понтарь — что тогда делать в этом бизнесе без понтов, верно? Так что с Сэмом все было в порядке. У него были свои идеи и все остальное, но он дал мне полную свободу творчества. Я написал почти все песни, которые попали на наш единственный альбом. Тогда у меня еще была фамилия моего отчима, так что на конверте пластинки фигурировал Ян (Лемми) Уиллис (Ian (Lemmy) Willis). В авторстве некоторых песен были заявлены все музыканты группы, но на самом деле все песни я написал сам за одну ночь. Это случилось, когда я открыл для себя этот замечательный наркотик под названием метедрин. На всей пластинке было лишь две песни не моего авторства, «Angry Faces», которую написал Лео Дэвидсон (Leo Davidson), и песня Донована (Donovan) «Season of the Witch», — мы записали действительно неплохую версию этой композиции.

Альбом «Escalator» был выпущен записывающей компанией Stable. Это был прикол. Компанией владели два индийца, которые понятия не имели, как руководить рекорд-лейблом. Не знаю, как мы вообще связались с ними. Это был один из проектов Сэма — он был знаком с продюсером и всё такое. Escalator прошел абсолютно незамеченным. Stable был самым независимым лейблом из всех независимых. В конечном счете до нас дошло, что группу ждет забвение, и мы просто бросили это дело. Забавно, что я столкнулся с Сэмом Гопалом в 1991, перед самым моим отъездом в Америку. Это было очень странно, потому что я не видел его десять лет, и вдруг он просто идёт по улице мимо моего дома. Мы немного поболтали, и он сказал мне, что собирает группу: «Знаешь, та идея очень классная. До сих пор!»

После Sam Gopal я не играл на гитаре около года, а только и делал, что наркоманил, бродяжничал и питался подножным кормом. Легко жить такой жизнью, когда ты молод, а мне было двадцать три. Именно тогда я научился ненавидеть героин. Конечно, эта дрянь всегда была вокруг, но не в таком количестве — это превратилось в реальную проблему примерно к семидесятому году. У меня был один знакомый, Престон Дэйв (Preston Dave) — он даже не был героинщиком. Иногда он кололся, но очень редко. И наша компания тусовалась в баре Wimpy, первой, можно сказать, попытке англичан организовать что-то подобное забегаловкам Burger King. Это заведение находилось на Эрлс Корт Роуд и было открыто всю ночь. Престона терзала ломка, и он ушел на площадь Пикадилли (Piccadilly) — там можно было купить героин. Вернувшись оттуда, он прошел в туалет. Он выполз через несколько минут. Лицо у него почернело, а язык вывалился изо рта. Кто-то подсунул ему крысиный яд — взял деньги, улыбнулся и продал смерть. Я подумал, — «Черт подери, если такие типы вертятся вокруг героина, однажды тебе обязательно попадётся то же самое». И я также видел, как люди кололись старыми, тупыми иглами, которые навсегда портили их вены. Вы бы видели этих людей, страдающих закупоркой сосудов со свищами на руках размером с крикетный мяч! И они продали бы свои задницы всего за одну чертову дозу. Я не в силах видеть все это страдание. В этом нет ничего хорошего.

У меня была целая уйма гребаных друзей, которые умирали от героина, но хуже всего было то, что девочка, которую я больше всего любил в своей жизни, тоже умерла от этой дряни. Ее звали Сью, и она была первой девчонкой, с которой я жил. Когда мы познакомились, ей было всего пятнадцать, — пикантное обстоятельство, если бы об этом узнали в полиции, но такова

жизнь. Так или иначе, мне в 1967 был всего двадцать один год, и я, конечно, еще не был похотливым, опытным типом. Скорее это была молодая пара, сгорающая от страсти друг к другу! Но вот в чем была проблема — по крайней мере, для всех остальных — она была чернокожей. Мы были отрезаны от всего общества. Все наши друзья (и ее, и мои) отреклись от нас. И то время еще называют эрой мира и любви, знаете! Черную музыку хоть и начали слушать, но на этом — всё. Ха! Вот вам доказательство всего их лицемерия. Никто не мог сказать, что нам теперь делать. Мои друзья кинули меня, потому что я связался с черномазой, и меня это ужасно угнетало, — чертовы засранцы. Ее черные друзья считали меня угнетателем, укравшим молодую черную девочку и превратившим её в свою сексуальную игрушку и все такое. Мудаки! Я втолковывал им, что не тащил её за руку из дома — она сама решала, пойти со мной или остаться. Но нам со Сью было наплевать, правда. Черт подери, если вы теряете таких друзей, то они вам вовсе не друзья. Кроме того, мы были влюблены, так что все остальное было неважно.

Хотя, мы со Сью жили, как кошка с собакой. Она была тройной Близнец, так что было абсолютно непонятно, с какой её сущностью вы в данный момент говорите. Мы постоянно нуждались в деньгах, а потом она начала работать в клубе Speakeasy. Ей все время делали разного рода предложения — она была молода, и только что обнаружила, что красива, так что люди не преминули этим воспользоваться. Пока она работала в Спикизи, мы расстались — в четвертый или в пятый раз за все время наших отношений — а затем ее трахнул Мик Джаггер. Потом я спросил ее: «Ну и как?». На что она ответила, «Ну, он не плох, но не так хорош, как Джаггер, знаешь ли», — вот это ответ, я понимаю! Конечно, она хотела сказать, что Джаггер не соответствовал своей собственной репутации. У него не было никаких шансов, даже если бы он с шестом запрыгнул с улицы в окно прямо на неё — ну, вы понимаете, о чем я.

В итоге Сью получила работу в Ливане, танцовщицей в Бейруте. Это было до того, как город был разрушен, и он еще оставался детской площадкой Западного мира. Она вернулась с неустойчивой героиновой зависимостью, и это была уже не та Сью. Как-то, когда мы в очередной раз помирились, она зашла к своей бабушке. И пока была у нее, упросила одного из своих друзей принести ей героин. Она пошла в ванную и заперла дверь. Приняла это дерьмо, легла в воду, потеряла сознание и утонула в своей собственной ванне. Ей было всего девятнадцать.

Когда она умерла, я был в Лондоне — к этому времени я уже играл в Hawkwind — но не пошел на похороны. Я имею в виду,

кому приятно смотреть на них, мертвых? Я любил их живыми. У неё была сестра, Кей. Такая же симпатичная, как Сью. Я ничего не знаю о ее судьбе, но если ты, Кей, читаешь эти строки, свяжись со мной — мы вспомним Сью. Хорошо?

Вот так на личном опыте я узнал, что героин самый страшный наркотик на свете, но это еще не означает, что у меня самого не было проблем в поисках своей собственной отравы. Однажды, в 69-м или 70-м, я чуть было не склеил ласты. Как-то мы сидели всей компанией и ждали, когда посыльный принесет нам «спид». Этот парень появился с медсестрой. Видать, она работала в амбулатории, и он заплатил ей, чтобы получить сульфат амфетамина. Она пришла с банкой, на которой вроде бы было написано «амфетамина сульфат». И мы, жадные ублюдки, тут же набросились на него. Но это был не амфетамин, это был сульфат атропина — белладонна. Яд. Мы все приняли по чайной ложке этого зелья, порцию, в двести раз превышающую допустимую дозу, и буквально сошли с ума, все разом.

Я бродил с телевизором под мышкой и разговаривал с ним. А кто-то кормил деревья из окна. В общем, какое-то время было интересно, правда. Потом мы все отрубились, и кто-то позвонил в службу спасения наркоманов, у которой был фургон скорой помощи с бесплатными наркотиками, и они погрузили нас, как дрова, и отвезли в больницу. Я очухался на больничной койке и мог видеть свою руку насквозь. Я видел складки больничной простыни под своей рукой. А потом увидел больничные стены. «Ё-моё!» — подумал я. Я был уверен, что приземлился в психушке. Потом до меня дошло, что это обычная больница, потому что рукава на моей пижаме были обычной длины. А на соседней койке я увидел своего друга Джефа, который только начал приходить в себя.

— Тс-с-с! Джеф!

— Что?

— Мы в больнице.

— Вау!

— Надо сваливать отсюда. Ты в порядке?

— Да.

— Давай, по-тихому!

Но едва мы встали с кроватей, как раздался вопль:

— А-А-А-А-А! ОНИ ВЕЗДЕ!

Он прыгал и орал с выпученными глазами:

— Черви, личинки, муравьи — А-А-А-А-А!

Я вернулся в кровать.

Наконец пришел доктор. — «Если бы мы опоздали хоть на час, вы были бы уже мертвы».

Я подумал: «Могу поспорить, ты жалеешь, что не опоздал, педераст несчастный».

Он сказал, что нам дали противоядие, и что нужно подождать, чтобы действие наркотика прошло. На это ушло целых две недели, и это было очень странное время. Я хочу сказать, что я мог сидеть, читать книгу, и вот я дочитываю до страницы 42 — и понимаю, что никакой книги и в помине нет. Или я мог идти по улице, и думать, что несу чемодан и вдруг — оп! оказывается, в руках — ничего. Странно… но интересно. Впрочем, не так уж и интересно, чтобы повторить это!

Наконец, после нескольких месяцев бродяжничанья, я оказался в очередной группе, Opal Butterfly. Я встретил их барабанщика, Саймона Кинга (Simon King) в Челси, в месте, прозванном нами «Аптекой». Эта самая Аптека была большим ярким мюзик-холлом, в три этажа. На третьем этаже был ресторан, на втором пивная, и магазин грампластинок на первом. Там же находилось множество бутиков и других магазинов. Это было одним из первых торговых центров. Довольно дорогое, но отличное местечко. Парни из Opal Butterfly обычно приходили туда выпить, и я скорешился с Саймоном и стал своим в группе. Понятия не имею, почему я стал тусоваться с ним — с Саймоном было сложно ужиться. Но рассказ о нём еще впереди.

Во всяком случае, Opal Butterfly были хорошей группой, но они так никуда и не пробились. На момент моего прихода в группу они уже несколько лет работали на сцене, а через несколько месяцев распались. Один из парней, Рей Мейджор (Ray Major), еще играл в Mott Hoople. Они распались как раз вовремя, потому что буквально через пару месяцев я уже играл в Hawkwind.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Наркоман (Speedfreek)

Мой союз с Hawkwind начался с Дикмика (Dikmik). «Инструмент», на котором он играл в группе, представлял из себя маленькую коробку с двумя регуляторами на лицевой панели. Это называлось кольцевым модулятором, но фактически это был звуковой генератор с диапазоном, превышающим возможности человеческого уха. Если частоту сигнала до предела повысить, это вызовет потерю равновесия и рвоту; если понизить — можно наложить в штаны. Этим хитрым изобретением можно было довести людей до эпилепсии. Находясь на сцене, Дикмик мог выбрать какого-нибудь впечатлительного зрителя. Когда мы играли с ним в Hawkwind, я подходил к нему и спрашивал: «Ну что, нашёл кандидата?». Он говорил: «Да, вон тот парень. Видишь?». Он крутил регулятор — вззз-зззз — и парень начинал спотыкаться. Звук может творить чудеса. Хотя, конечно, мы никогда не были уверены, творит все эти чудеса звуковой генератор или это происходит, потому что перед концертом мы нашпиговали нашу еду кислотой. Но, как обычно, я опережаю события.

Так или иначе, именно благодаря Дикмику я попал в Hawkwind. Он активно тусовался, искал «спид» и, конечно же, наткнулся на меня. Я жил с одной девочкой в какой-то дыре на Глочестер-роуд (Gloucester Road) в Лондоне, и она столкнулась с ним. «О, у меня есть друг, который сидит на колесах» — сказала она. Он зашел к нам, и мы обнаружили, что нам обоим интересно, сколь долго можно без остановки пичкать человеческое тело наркотиками. И мы устроили эксперимент, который закончился недели через три, из которых мы спали всего часа два. Он хотел ехать в Индию разгадывать суфийскую тайну и искать ответы на всякое мистическое дерьмо, но добрался только до Глочестер-роуд, а эта улица в любом случае не смогла бы вывести его, куда он хотел, и поэтому от затеи пришлось отказаться. Зато ему попался я, на его счастье, потому что в Hawkwind он был единственным амфетаминовым наркоманом — остальные сидели на кислоте — и ему нужен был компаньон.

Я уже видел Hawkwind до этого — хотя и не в самом начале, когда они были известны как Group X. Вся публика на концерте дергалась словно в эпилептическом припадке, все 600 человек повторяли одно и то же движение. Помню, я подумал, — «Да, я должен играть с ними — я не могу быть одним из зрителей!» Я

хотел получить место гитариста. Их лидер-гитарист, Хью Ллойд Лэнгтон (Huw Lloyd Langton), как раз ушел из группы — просто пропал. Они должны были выступать на фестивале в Айл-оф-Уайт (Isle of Wight). Хотя, на самом деле, они играли не на фестивале; они участвовали во внефестивальной программе — надо же поддерживать статус альтернативной группы? И вот сидели они всей компанией вокруг костра, а Хью закинул таблеток восемь кислоты и говорит: «Пойду прогуляюсь, ребята». Он скрылся за холмом, и лет пять его никто больше не видел! Вот такие дела творились в Hawkwind — полная свобода действий. Через несколько лет Хью объявился в группе под названием Widowmaker (не путать с проектом 90-го года Ди Снайдера, о котором речь пойдет позже).

Так что я надеялся получить место гитариста, а в итоге стал играть на басу. В самом деле — я начал играть на бас-гитаре с того самого дня, как присоединился к Hawkwind. Это был август 1971. Группа должна была выступить на открытой площадке Поувис-сквер (Powis Square) в Неттинг Хилл Гейт (Netting Hill Gate), а их басист, в то время Дэйв Андерсон (Dave Anderson), так и не появился. Но, как идиот, оставил свой бас в фургоне, тем самым открывая дорогу своему преемнику, не так ли? Словно приглашал кого-то и предлагал ему работу, чем я и не преминул воспользоваться. Очевидно, Дэйв не любил играть на бесплатных фестивалях, таких, как в тот вечер. Ему был нужен стабильный заработок, а группа, между тем, постоянно выступала на всех этих благотворительных шоу. Я помню, как мы играли в защиту «Стокньюинтонской восьмёрки», не знаю, кем там они были. Их за что-то засадили в тюрьму, а мы решили, что это не справедливо, потому что мы были хиппарями и считали, что все зло в этом мире из-за свиней — вспомните царивший в то время раскол в обществе. И мы давали все эти концерты для этих людей, но нас постоянно подставляли. Прибыль оседала в карманах организаторов таких мероприятий. Это был настоящий рэкет. Впрочем, как и сейчас. Но я опять отвлекся от темы.

Короче, в Поувис-сквер Hawkwind появились без басиста, и кто-то прибежал с вопросом — «Кто будет играть на басу?». Дикмик, понимая, что он может найти работу своему приятелю наркоману, показал на меня и сказал: «Он!». «Ну ты гад!» — прошипел я, потому что ни разу в жизни не играл на басу! А Ник Тернер (Nik Turner), который играл на саксофоне и пел, подошел ко мне и сказал очень важным тоном: «Наяривай в ля. Песня называется «You Shouldn't Do That», — и снова удалился. Подробное объяснение, не правда ли? Тем более, что начали они всё равно с другой песни. Видать, я не облажался в тот раз,

потому и задержался у них на четыре года. Они так и не объявили мне официально, что я принят в группу. Дел Детмар (Del Dettmar), который играл на синтезаторе, продал мне бас Hopfbass, который купил за 27 фунтов на аукционе в аэропорту Хитроу (Heathrow). Вообще-то я ему до сих пор не заплатил.

Как я уже сказал, в Hawkwind царила полная свобода. Музыканты менялись каждые несколько месяцев; люди приходили и уходили. Было совершенно непонятно, кто в данный момент играет в группе — по крайней мере, никогда нельзя было сказать, кто придет на выступление. Одно время в группе играло девять человек, а уже через несколько недель осталось только пятеро, потом шестеро, семеро и снова пятеро. На фотографиях той поры представлены совершенно разные составы. Это было очень странно. Дэйв Брок (Dave Brock), который пел и играл на гитаре, основал группу в июле 1969 и все эти годы был единственным постоянным музыкантом. И нет никакого сомнения в том, что это его группа, так же, как никто не сомневается, что Motorhead — это группа Лемми. Без него Hawkwind просто не существовал бы. Но даже он исчезал время от времени. У него случались разные заскоки, например «Зов Природы», как мы это называли, когда он шагал с посохом по полям в одной набедренной повязке, и до него в такой момент было просто не достучаться. Было совершенно бессмысленно говорить: «Дэйв, мы играем сегодня вечером», потому что он находился в другом измерении. Он слышал «Зов Природы», понимаете?

Кроме того, что он был основой и мотором Hawkwind, Дэйв также написал большинство песен. Но он никогда не стал бы писать песни в соавторстве с музыкантами группы. В Motorhead, например, я даю другим творческую свободу, но Дэйв был совершенно самодостаточен. Я многому научился у него. О таких вещах, как интуиция и упорство, я уже имел понятие, но, наблюдая за ним, я укрепил уверенность в себе. Ещё он имел свои причуды, вроде прикола насчёт «отшлепайте меня». Ему нравилось, проезжая мимо школьниц, высовывать голову в окно машины и кричать: «Отшлепайте меня! Отшлепайте! Привет, девчонки, ну что, поиграем в шлепки?». Под кайфом он всегда боялся откусить себе язык. Конечно, ничего подобного с ним не случалось, но дело в том, что он таскал красную бандану в заднем кармане штанов и утирался ей. Вытрет рот, а потом увидит, что бандана вся красная; — А-А-А-А!! И бежать! Однажды в Гранчестере (Grantchester) мы так подшутили над ним, а потом мне потребовалось сорок пять минут, чтобы заткнуть его (в тот момент я сам был под кайфом, так что, наверное, плохо старался!). Ещё Дэйв всегда пытался провести налоговую

полицию. Однажды объяснял нам: «Идёшь и покупаешь себе новый участок. А в бумагах оформляешь, как свой старый, — и ферму получаешь, и налоговая тебя не трогает». А потом выяснилось, что пока он в Лондоне рассказывал нам все это, судебные исполнители в Девоне нагрянули к нему домой и конфисковали всю мебель. Вот такие чудеса.

Ник Тернер (Nik Turner) был тогда второй половиной мотора и основным фронтменом группы. Он тоже играл в Hawkwind с самого начала и был одним из тех нудных, убежденных в своей правоте засранцев, какими только могут быть люди, родившиеся под знаком Девы. По возрасту Ник был самым старшим в Hawkwind, — даже старше Дэйва, и это отчасти объясняло его поведение. Так, с одной стороны он мог быть очень консервативным, а с другой — ему хотелось казаться этаким вызывающим типом. Думается, это был такой постхиппизм, кризис среднего возраста. Порой он всех раздражал; играл на своем саксофоне — через педаль «вау-вау» — и при этом еще и пел. Всякий раз, когда у нас появлялся новый звукооператор, Дэйв или я говорили ему: «Если он поёт — убирай саксофон».

Помню, однажды Дэйв не пришел на концерт в северном Лондоне, и мы позвонили ему в Девон. Его крайне неразговорчивая жена сказала нам: «Я не знаю, где он. Он достал немного мескалина и пошел прогуляться. Это было еще утром, и больше я его не видела». Поэтому на место соло-гитариста Ник срочно подрядил одного парня, Твинка (Twink) (который потом собрал группу Pink Fairies). Под рукой оказалась единственная гитара, и та с двумя струнами, хотя Твинку это было безразлично — он был барабанщиком. Это было одно из крутых решений Ника. Он также был один из тех, кто позднее уволил меня из группы, так что делайте выводы сами.

Но периодически Ник давал повод поугорать. Однажды он со своим саксом подошел к микрофону, и его так долбануло током, что он буквально исчез в снопе синих искр! Мы развеселились: «Круто, Ник!». Затем его отбросило на усилители, и они свалились на него, к моей огромной радости. В другой раз мы выступали на открытой сцене, а перед ней был ров. Мы играли, и дождь лил, как из ведра — все эти хиппи сидели, кто под полиэтиленовой плёнкой, кто просто мок, и покупали гамбургеры по 15 фунтов — обычные дела на подобных фестивалях. Часть сцены находилась под козырьком в форме чаши, но передние четыре фута были полностью залиты водой. И вот стоим мы там с Дэйвом, а слева появляется Ник, одетый лягушкой — черные ковбойские сапоги, зеленое трико, и резиновая лягушачья голова. И прыгает, как полагается, со своим саксофоном по сцене — он

был талантливым прыгуном, этот Никки. Он скачет, а я говорю Дэйву: «Хорошо бы кто-нибудь столкнул в пруд эту гребаную лягушку», — и только сказал это, как он тут же поскользнулся и — бултых в долбаную яму! Мне пришлось бросить бас, — я просто умирал со смеху. Стася (Stacia), наша танцовщица, полезла его выручать и тоже свалилась к нему! А я на четвереньках ползал по сцене, давясь от смеха.

В другой раз мы были в Филадельфии или где-то еще и он проделал свой фокус с огнеглотанием — он зажигал эти китайские свечи, набирал в рот бензин для зажигалок и — ПУХ! — получался такой большой огненный шар. И вот вечером он переусердствовал с этим бензином. Как обычно, дунул бензином, — ПУХ! поджег себе руку, — и начал метаться с горящей рукой и орать: «Ой! Ой! Ой!». Пришлось везти его в больницу, и вся рука покрылась пузырями, похожими на сосиски. Но, надо признать, он умудрился выйти на сцену в тот вечер, тем самым продемонстрировав свою силу духа. Он жутко накачивался винищем и однажды в Швейцарии отошёл на край сцены и облокотился на стек, и все эти усилители рухнули на него. Только одна рука с саксофоном торчала из груды аппаратуры. Бедный Никки, — с ним постоянно что-то происходило.

В то время на барабанах у нас играл Тэрри Оилис (Terry Oilis) — мы называли его Борисом или Бриалесом. На сцене он предпочитал находиться голым. Выходил в каких-нибудь панталонах — больше на нём ничего не было, — и всё равно снимал их после первых же номеров. Он был взрывным барабанщиком, и ему постоянно мешал его собственный член, — болтался из стороны в сторону, ну, вы понимаете, и в итоге он бил по нему барабанной палочкой. — Ой! — вместо удара по барабану. Но он был превосходный музыкант и яркий персонаж. Он работал на барахолке своего папаши в предместьях Фар Уэстленда (Far Westland), и часто появлялся на репетициях и на концертах в странной одежде, которую откапывал там. Как-то объявился в немецком военном мундире, а другой раз — в каком-то старушечьем платке. Потом он увлекся антидепрессантами, и это погубило его. Последний раз он играл с нами в Университете города Глазго в январе 72. Пока мы туда ехали, он выпал из фургона. Мы остановились на светофоре, а он решил, что уже приехали, открыл дверцу и вывалился на улицу. И развалил все свои сумки и остальное дерьмо по всей дороге. Мы обнаружили его пропажу, только приехав на место. Но всё-таки нашли и привезли на концерт. Помню, в первом отделении играли Nazareth, и когда они закончили, мы начали устанавливать на сцене аппаратуру, а он вышел на сцену и просидел там весь вечер,

скрестив свои палочки на малом барабане. Он так и не сделал ни одного удара. Очень досадно, но пора было ему уйти. Мы заменили его Саймоном Кингом (Simon King), которого я знал еще по Opal Butterfly. Еще один тип, который способствовал моему увольнению из Hawkwind — а ведь именно я привел его в группу!

Ещё у нас был парень по имени Боб Калверт (Bob Calvert), из Южной Африки, который был поэтом и периодически появлялся на наших концертах. Когда он приходил, то читал со сцены свои стихи, или что-нибудь из фантаста Майкла Муркока (Michael Moorcock), что придавало группе таинственную космическую ауру. Но у Боба было несколько очень странных идей. Например, он хотел выйти на сцену с пишущей машинкой на гитарном ремне, печатать на ней и бросать листы со своими стихами в зрительный зал. «У тебя ничего не получится, Боб», — говорил я. «Это не прокатит». Но он не верил мне. К счастью, ему так и не удалось осуществить этот бред. В другой раз, когда мы играли на стадионе Уэмбли, он вышел на сцену в колдовском колпаке и в длинном черном плаще, с мечом и трубой. И потом, на середине второй песни, он напал на меня с мечом! Я орал: «Пошёл к чёрту!» и лупил его по голове своим басом, — «Да отвали же!». Это было самое важное выступление за всю нашу карьеру, а он докопался до меня с этим долбаным мечом — очень вовремя, не так ли?

Боб был яркой личностью, но, работая с нами, совершенно сошел с ума. Он начал принимать много валиума, его легкие были перенасыщены кислородом, и он говорил слишком быстро и слишком много. И он поехал в буддистскую лечебницу для наркоманов, что находилась в гребаном Девоне или еще где-то, и этот парень, у которого он был на попечении — новый гуру Боба — оказался натуральным шарлатаном. Ну, вы понимаете, хиппи сидели у него в ногах и смотрели с обожанием на этот источник мудрости. Я сразу же понял, что он — натуральный козел. А потом Боб начал вести себя очень странно — «Вы не верите в этого человека! Вы не понимаете его величия!» и так далее. В конце концов, мне пришлось дать ему в морду — он играл с мотком провода, и ударил им меня по лицу, так что я не выдержал. Поднялся с пола он более умным человеком. И всё же он конкретно деградировал — однажды его сознание затуманилось настолько, что пришлось посадить его с подругой в такси и отправить в дурдом. По дороге туда он с заднего сиденья вцепился в водителя борцовским захватом, и тому пришлось включить кнопку сигнала тревоги под приборной панелью. Боб был настоящей проблемой. Мы время от времени сдавали его в

разные психушки, его там держали по три-четыре дня, а потом выпускали. Ему приходилось не сладко; что уж говорить о всех остальных! Его больше нет, он умер от инфаркта совсем молодым. Он был весьма талантливым человеком, но, конечно, не таким выдающимся, каким его нередко преподносят сейчас. Конечно, после своей смерти ты вырастаешь в глазах остальных людей процентов на 58. Твои пластинки продаются еще большими тиражами, и сам ты превращаешься в безгрешного человека — «Блин, как жаль, что мы так и не купили ни одной пластинки при его жизни…» Уверен, меня ждет то же самое — «Как вам Motorhead? Чумовая команда! Жаль, что мы ни разу так и не увидели их на сцене…»

Но Боб мне нравился. Я играл на его сольном альбоме «Капитан Локхид и Старфайтеры» (Captain Lockheed and the Starfighters), который он записал в начале 1974. Он назвал его в честь того кошмарного самолета, F-104 Starfighter, которые американцы поставляли в Германию. Тогда немцы шутили: «Хотите Starfighter? Купите акр земли, и ждите», потому что эти самолеты разбивались по всей Европе. «Captain Lockheed…» был хорошим альбомом. Брайан Ино (Brian Eno) спродюсировал и сыграл на нем, и среди прочих приглашенных музыкантов были Дэйв, Ник, Саймон Кинг, Твинк и Адриан Вагнер (Adrian Wagner). Мне на днях должны прислать эту пластинку.

С Бобом связано много диких историй. Как-то он встретился с Вивом Станшаллом (Viv Stanshall), певцом Bonzo Dog Doodah Band и это был просто угар! Мы с Бобом и Ником решили пойти перекусить. И по дороге взяли с собой Станшалла. У него был с собой портфель, он был в синем костюме в большую черную клетку, и у него была бритая голова, потому что он тогда играл в группе Sean Head Band. И на нем была фетровая шляпа, и он жевал валиум. И вот мы все отправились в греческий ресторан и как только сели, Вив и Калверт начали бить тарелки и кричать друг на друга через стол в пылу замысловатых интеллектуальных дискуссий. Бог ты мой — они спорили несколько часов! Потом мы пошли к Станшаллу, который жил поблизости.

«В дверь не пойдём — там черепахи», — сказал Вив. У него было множество аквариумов с водяными черепахами, и между аквариумами узкие проходы, и эти твари, конечно же, выбрались на свободу и расползлись по всему дому. Поэтому, чтобы попасть внутрь, нам пришлось обогнуть крыльцо и залезть в прихожую через окно. Мы проникли в дом, Боб наступил на черепаху, и между ним и Вивом снова завязалась перебранка. Потом мы поднялись наверх, а там у него с потолка свисали какие-то протезы, стояли роботы и лежали целые груды редчайших

пластинок на 78 оборотов, вроде Джелли Ролла Мортона (Jelly Roll Morton). И Боб тут же свалился на них и начал все ломать и бить. Где-то часа через три я решил поехать домой. Когда я уходил, один из них собрался принять ванну, а второй направился туда же отдохнуть на унитазе, так что у них появился еще один повод поспорить! Я решил, что с меня хватит, — но я ошибался! В пол-восьмого утра меня разбудил Станшалл. Он стоял под моим окном и орал:

— Ты убил моих черепах!

— Ты мудила! — рявкнул я в ответ. — Это Боб! — И захлопнул окно.

Станшалла тоже больше нет с нами — он умер в начале 95 года.

Помимо музыкантов и Боба, в Hawkwind были и танцоры. Стася дольше всех остальных работала с нами — все время, пока я играл в группе, и некоторое время после, а потом ушла, чтобы выйти замуж. У неё были огромные чулки и бюстгалтер пятого размера. Весьма внушительный вид. Она была переплетчицей из Девона, и когда впервые увидела группу, то разделась догола, раскрасила себя с головы до пят и крутилась на сцене всё время, пока они выступали. Да так и осталась с ними. У неё было множество поклонников среди нашей аудитории. Была ещё Рени (Renee), отличавшаяся феноменальной гибкостью. Она была миниатюрная блондинка и выглядела очень симпатичной до тех пор, пока — очень быстро! — ее позвоночник не начал искривляться, и она резко подурнела. А потом появился Тони, который был профессиональным танцором и мог показывать пантомиму.

Майкл Муркок время от времени выступал и записывался с нами, — он участвовал в записи «Warrior on the Edge of Time». Впрочем, чаще его стихи декламировал Боб. Его творчество вдохновляло Hawkwind — само название группы было взято из книжной серии Муркока Hawkmoon. Это был замечательный человек. Периодически мы заходили к нему домой подкормиться и порой видели записки на его двери: «Если я не отвечаю на первый звонок, не трезвоньте, или я выйду и убью вас. Это не значит, что меня нет дома, это значит, что я не хочу вас видеть. Пошли все на хер. Я работаю. Оставьте, мать вашу, меня в покое». Просто блестяще!

Вся наша аппаратура была раскрашена в психоделические цвета одним парнем, Барни Бабблесом (Barney Bubbles) — тоже давно покойником. Он использовал флуоресцентную краску, светящуюся в ультрафиолетовом свете. Он также оформил обложки наших пластинок «Silver Machine» и «Doremi Fasol

Latido». Это был очень умный парень и здорово помог нам с «глючным» оформлением.

Обложки альбомов в начале семидесятых были гораздо лучше, чем сейчас — это были тщательно разработанные проекты. Если вам попадется оригинальный альбом Space Ritual, вы поймете, о чем я говорю. Конверт раскладывался и был заполнен рисунками, фотографиями и текстами. Теперь этот альбом стоит хороших денег. Такое оформление помогало доносить идеи группы до публики. Сейчас, в век компакт-дисков, трудно разглядеть на них детали оформления, и записывающие компании такие же убогие, дешевые и жалкие. Им жаль потратить лишние пять центов, чтобы продукт смотрелся получше. А помните эти длинные коробки, когда компакт-диски только появились? Настоящий маразм. Компакт-диск занимал только половину коробки, и было непросто открыть её, чтобы достать CD. Без ножа было не обойтись, и приходилось вспарывать эту роскошь, царапая её и рискуя повредить диск. Потребовалось время, чтобы они отказались от длинных коробок. Я помню, какая борьба развернулась из-за них, в бытность Motorhead на Sony. Люди увольнялись из компании из-за отказа от длинной коробки! Ну не идиотизм?

Во всяком случае, мы были рождены для яркого шоу. Hawkwind не были какими-нибудь блаженными хиппи с их лозунгом Мир-и-Любовь — мы были адским кошмаром! Хотя на сцене мы использовали яркое, мощное освещение, сама группа, как правило, оставалась в темноте. А над нашими головами разворачивалось грандиозное световое шоу — на восемнадцати экранах расплывались гигантские цветные пузыри, демонстрировались военные и политические баталии, мелькали странные лозунги, мультипликация. Рёв музыки, фигуры, корчащиеся на сцене, встряхивающий аудиторию звуковой генератор Дикмика… Вот это было представление! Тем более, что большинство наших фанов перед концертом накачивались кислотой… не говоря уже о музыкантах группы. Включая меня и Дикмика, конечно, — несмотря на наши с ним амфетамины, это не значит, что мы не баловались всем, что только могли достать! Существует легенда о том, как я настолько нагрузился перед концертом, что мог стоять, только прислонившись к своему стеку. Возможно, я и порядком накачался, но я помню то шоу, значит, всё-таки не настолько был готовый, чтобы не мог стоять сам.

Этот концерт мы играли в 1972 в Roundhouse, когда записали песни «Silver Machine» и «You Shouldn't Do That». Это был большой концертный зал. Когда-то там было паровозное депо, где локомотивы разворачивали на огромном поворотном столе. Рок-

н-рольщики арендовали это здание, демонтировали поворотный стол, установили сцену и превратили в концертный зал. Вокруг него еще долго валялись локомотивные запчасти и прочее дерьмо. Замечательное было место, но теперь там выступают театральные труппы — японские акробаты, знаете, и все такое. Очень интересно, наверное, но… вернемся к моей истории.

Перед этим мы с Дикмиком дня три накачивались декседрином. А как добрались до паранойи, то приняли антидепрессант — мандрекс, после чего решили, что это не очень интересно, потому что слишком успокоились, поэтому добавили кислоты, и затем для остроты еще и мескалина. Крыша у нас поехала, так что мы заглотили еще парочку колес мандрекса…, и потом еще немного амфитаминчиков, потому что снова начали тормозить. И поехали в Roundhouse. Дикмик вёл машину, но его интересовало всё, кроме дороги. Так он и рулил, глазея вокруг. Наконец мы прибыли на место, вошли в гримерку, а там было не продохнуть от дыма, — все курили траву. Спустя некоторое время кто-то пришёл с кокаином, и от него мы тоже не отказались, а затем еще принесли «Черных Бомбардировщиков» (или «Черных Красоток», как эти стимуляторы называют в Штатах), и каждый закинул по восемь колес. Совсем забыл, — все это дело мы еще «полирнули» кислотой. Так что ко времени выхода на сцену мы с Дикмиком стали дрова дровами!

— Черт подери, Мик, — сказал я. — Не могу сдвинуться с места. А ты?

— И я тоже, — ответил он. — Круто, правда?

— Да, но нам пора на сцену.

— Нам, конечно, помогут, — заверил он меня.

Роуди нашли за кулисами наши тела и вытолкнули их на сцену, повесив на моё бас-гитару.

— Ну ладно, — сказал я. — В какой стороне зрители, чувак?

— В той.

— Сколько до них?

— Десять ярдов.

Я начал отсчитывать: «Один, два, три, четыре, пять, стоп. Поехали».

И это получился один из лучших живых концертов, которые мы когда-либо записывали на пленку. Я классно поджемовал с Броком. Но так и не увидел публику! Запись «Silver Machine» с этого концерта стала нашим единственным хитом, причём поднявшимся до второго места! И моё пение попало на запись, несмотря на то, что на шоу пел Боб. В тот вечер он был не в форме и пел просто ужасно, так что позднее, в студии, все по очереди попробовали перезаписать вокал, и я оказался

единственным, кто сделал это, как следует. «Silver Machine» стала одной из редких песен Hawkwind, которые я спел ведущим вокалом. Остальные — это «The Watcher» с альбома «Doremi Fasol Latido», «Lost Johnny» с «Hall of the Mountain Grill», и «Motorhead», которая попала на обратную сторону сингла «Kings of Speed» и позднее появилась на переиздании альбома «Warrior on the Edge of Time». Чаще я был на подпевках.

Я провел волшебные годы в Hawkwind. Мы забирались в огромное заброшенное поместье и наркоманили. Великолепные запущенные сады с узкими тропинками, декоративные озера и туннели окружали старый сгоревший дом. Там царило настоящее безумие. Вся группа, десяток девчонок, парочка парней из окружения, — мы перелезали через стену, заправлялись как следует и бродили по окрестностям, — а под деревом можно было найти случайного прохожего, связанного и невнятно бормочущего. Что это было за чудесное время, лето 71, - мне уже не вспомнить всё, но и никогда не забыть его!

Наверное, вы задаётесь вопросом, как я умудрился выжить, несмотря на такое огромное количество наркотиков? Действительно, один раз я уже умер — ну, по крайней мере группа решила, что умер. Но я не умер. Все началось, когда мы ехали в фургоне с концерта домой. Нашим водителем был Джон по кличке «Трясина» — между прочим, он умер года через два после этого случая, стоит задуматься. Он развозил всех по домам, и я оказался последним. Мы решили поделить на двоих около сотни «блюзов» (такие таблетки, смесь «спида» и антидепрессанта). У меня на коленях лежал пакет с этой дрянью, и я только что отдал ему его пятьдесят блюзов. И в этот момент нас обогнала патрульная машина с копами. Очень вовремя.

— Смотри, Лемми, — сказал Джон, — нас сейчас повяжут!

Разве я мог допустить такое? Так что я сказал: «Хер вам!», и запихал в рот все свои таблетки — Джон сделал то же самое со своими. Только представьте: сжевать пятьдесят «блюзов» за раз! Что за гадость это была, скажу я вам! Даже запить нельзя было, потому что снаружи стояли фараоны.

— Выходите из фургона.

— Хорошо, офицер, — пробормотали мы с набитыми ртами.

— Что ты там делал в фургоне? — начал допрашивать меня один из полицейских. — У тебя что-то было в руках, когда мы остановили вас.

— Ничего подобного, — отпирался я, пуская синие слюни.

Они так ничего и не добились и отпустили нас. Так что Джон высадил меня в Финчли (Finchley), где я жил в доме с остальными музыкантами группы. Очевидно, я заснул, и обмен веществ в

моем организме сильно замедлился. Можно было подумать, что я перестал дышать, хотя это было не так. Я лежал на кровати с открытыми глазами, и очень напугал Стасю. Она была просто в шоке.

— ОН МЕРТВ! ОН МЕРТВ! — закричала она. Прибежал Дэйв, склонился надо мной и тоже заорал: «ОН МЕРТВ!».

Между тем я лежал и думал: «О чем это они, черт возьми? Разве они не понимают, что я пытаюсь заснуть?». Я хотел сказать им, чтобы они заткнулись, но не смог произнести ни слова. В конце концов они поняли, что я жив, и через какое-то время я полностью пришел в себя.

Если не считать пары подобных жутких инцидентов, должен признаться, что я замечательно провел время. Как и все остальные. Надо помнить, что тогда легко было жить такой жизнью. Сейчас все иначе — политическая корректность, здоровый образ жизни, борьба с наркоманией и все такое. А во времена Hawkwind наркотики были неотъемлемой частью нашей жизни. Они были для нас, наркоманов, средством общения. Мы всегда начинали свои выступления, нагрузившись наркотиками под завязку. И как я уже сказал, в таком состоянии иногда мы давали свои лучшие концерты. По легенде мы сыпали наркотики прямо в еду и запивали кислотой. На самом деле, так мы сделали всего пару раз, — в Roundhouse, насколько я помню. И большинство наших фанов приходило на концерты уже под кайфом, так что между нами не было никакой разницы. Но это были ещё невинные времена; мы ещё не знали, как люди от кислоты начнут сходить с ума, а другие начнут втыкать в себя иглы и умирать от эмболизма. У нас случались какие-то психические расстройства, но спустя какое-то время они обычно проходили. Так что мы пребывали в полном неведении. Для нас это было просто развлечением.

Из-за того, что мы так активно налегали на наркотики, всегда можно было ожидать неприятностей с полицией. Но, как видно из моего приключения с Джоном «Трясиной», копы зачастую были туповаты. Вот вам еще один пример полицейской глупости. Частенько фараоны устраивали засаду у входа в клуб. Как-то раз я выходил из клуба Speakeasy с одним парнем, Грэмом (Graham), который работал на Джимми Пейджа (Jimmy Page), а позднее стал гастрольным менеджером Motorhead. У меня с собой было полграмма «спида», и мы шли по улице к его грузовику, а эти два копа, которые торчали в дверях напротив клуба, последовали за нами.

«Ну, давай по-быстрому», — сказал я и развернул пакетик. Когда я стоял с развернутым пакетиком в руке, чужая рука

протянулась сзади и накрыла мой кулак — и его содержимое!

«Что у тебя там, сынок?» — спросил полицейский.

«Это, эээ… бумажка».

«Хорошо, давай посмотрим».

Я раскрыл свою ладонь, и он взял клочок бумаги. И весь этот белый порошок рассыпался по его черной полицейской форме — он стал похож на малыша, напудренного детской присыпкой! Он скомкал бумажку и сказал: «Там ничего нет».

— Вот сука! — сказал я. — Она так и не дала мне свой телефонный номер!

— О, точно, — кивнул он. — А теперь проверим твои карманы.

Всё это дерьмо было на нем — и его напарник тоже ничего не заметил! Он обыскал нас, но у нас ничего с собой не было, и они ушли. Как можно быть таким тупым?

Но нас задерживали постоянно. Полицейские стояли у нашего дома и просто караулили нас. В конце концов мы научились довольно ловко скрывать нашу контрабанду; Ник прятал наркотики в своем саксофоне. Даже переодетые, копы не могли взглянуть на это дело глазами хиппи. Знаете, парень стоящий там, в куртке Nehru, с большим «пацификом»[12] на шее, считал себя выглядящим вполне хиппово. Но стоило вам опустить взгляд и вы видели его пластмассовые сандалии. Иногда всё это, конечно, нас ужасно доставало, но остановить, разумеется, не могло.

Первым альбомом, который я записал с группой, был «Doremi Fasol Latido», их третья работа. Я играл на трех следующих полноформатных альбомах: двойном концертнике «Space Ritual» и студийных «Hall of the Mountain Grill» и «Warrior on the Edge of Time». Hawkwind записали большинство своих лучших песен, пока я играл в группе. Когда нужно было записываться, было абсолютно не важно, кто будет продюсером, — этим вопросом всегда занимался Дэйв. Тем не менее, мне никто не помогал, когда я записывал «The Watcher», учитывая, что это была моя песня, а не Дэйва. Но ему понравилось. Где-то между «Space Ritual» и «Hall…» мы записали альбом «Greasy Truckers», в котором участвовало также несколько других музыкантов. Этот диск был записан вживую 13 февраля 1972 года в лондонском Roundhouse. Одна сторона альбома называлась «Обесточивание», и на ней не было записано ни звука, потому что в день концерта шахтеры отключили на три часа всю электроэнергию в Англии, таким способом вынуждая правительство принять их требования. Все сидели в темноте, смолили косячки, пока снова не включили электричество и не продолжился концерт.

Примерно в это время из команды ушел Дикмик; он устал от дележа власти и всего остального дерьма, которое постоянно творилось в группе. Он ушел и жил с одной девчонкой, которая была моим лучшим другом, а сейчас с ней живёт Саймон Кинг — в Лондоне инцест творится сплошь и рядом. Пока Дикмик жил с ней, он очень долго торговал марихуаной, пока его не арестовали. Он отсидел в тюрьме полгода или год, вышел и стал попрошайкой, живущим за чужой счёт. Он прожил у меня два года, пока я его, наконец, не выгнал. Какой позор — Мик был умным парнем, но тюрьма навсегда сломала его. Я думаю, он был глубоко потрясен тюремной жизнью. После освобождения он стал другим человеком — ты превращаешься в жертву вместо хищника, — печальное зрелище.

Больше всего мне нравилось в группе то, что мы частенько играли за границей, а я уже давно не путешествовал. Мой первый концерт за границей с Hawkwind состоялся в зале Olympia в Париже. С нами играла немецкая группа под названием Amon Duul, — тогда они имели индустриальное звучание, и были очень хорошо известны в Европе. На том концерте мы устроили настоящий бардак: подростки буквально спятили, но CRS (полицейский отдел по ликвидации беспорядков) вел себя, как долбаное гестапо. Мне еще запомнился наш концерт в клубе Lem в Италии — там Дэйв превзошёл себя!

В первый раз я приехал в Америку в 1973, после выхода «Space Ritual». И с самого начала я был втянут в беспредельный разгул! Это было настоящее, мать твою, Эльдорадо для англичанина. Вы должны понимать, насколько скучная и чопорная была тогда Англия — куда скучнее, чем теперь! И вот вы попадаете в Техас, — на территории штата Техас уместится три с половиной Англии! Вы можете два дня ехать через Техас и все еще находиться на территории этого штата. А какой чистый воздух в таких местах, как Аризона и Колорадо, это просто невероятно! Когда я впервые оказался в Булдере (Boulder), я увидел в окно горы, — их очертания виднелись прямо над крышей отеля, но на самом деле до них было пятьдесят миль! Мы никогда не видели ничего подобного, как и любая другая европейская группа.

Наше первое турне началось с концерта в зале Tower Theater в Филадельфии, и потом мы поехали в Нью-Йорк и играли там в планетарии Hayden — над Землей пролетала комета Kohoutek, понимаете, и мы все были очень увлечены космической темой. Пролетать-то она пролетала, но невооруженным глазом была еле видна. Но в Планетарии был званый вечер, и мы посмотрели программу, посвященную Kohoutek и всему тому, что с этим

связано. Это мероприятие было организовано с большой помпой, именно там я впервые встретился с Элисом Купером (Alice Cooper). Стиви Уондер (Stevie Wonder) тоже был там. Посередине холла был установлен здоровенный кусок лунной породы, и помощница Стиви подвела его, положила его руку на эту глыбу, — «Лунная порода, Стиви» — и увела. Потом, по ходу программы, я огляделся, и снова увидел Стиви Уондера, а его помощница говорила ему: «Теперь это переходит, Стиви, слева направо». Не пойму, кто из нас придурок, я или они?

Путешествуя по Америке, мы постоянно сидели на кислоте. Пока мы находились в Кливленде, три разные наркоманские тусовки трижды угощали нас «ангельской пылью», и никто из нас не отказался. Вот сколько кислоты мы тогда принимали!

А потом ты приезжаешь в Лос-Анджелес, и думаешь, что умер и попал в гребаный рай. Эти пальмы… Я помню, как наш самолет приземлялся в аэропорту LAX; пока мы заходили на посадку, я смотрел вниз, — вся земля была в голубых бассейнах и огромных пальмах. И когда мы ехали по голливудскому бульвару, а вдоль дороги тянулись ряды пальм, я думал, «Да… вот это местечко!». Действительно, тогда мы словно оказались в сказке, молодые люди, прилетевшие из Англии. Конечно, когда через много лет я переехал сюда, я уже знал, что всё не так просто — понимал умом, по крайней мере. Но вам никогда не потерять чувство удивления полностью.

Именно в Лос-Анджелесе я написал свою последнюю песню для Hawkwind. Ей оказалась «Motorhead». Мы остановились в отеле Hyatt на Sunset Boulevard. Этот отель стал известен по разрушениям, учинённым в нём Led Zeppelin. Тогда же там находилась группа The Electric Light Orchestra и их гитарист, Рой Вуд (Roy Wood), одолжил мне свою Ovation[13]. Так что в 7.30 утра я стоял на балконе отеля и, надсаживаясь, орал новую песню. Копы казались смутно обеспокоенными моим шумом. Они останавливали свои машины, выходили и смотрели на меня. Но только качали головами и уезжали. Наверное, думали, что я глюк. Кстати, на оригинальной версии «Motorhead», записанной Hawkwind, было соло скрипки. Если кто-то из вас считает скрипку нежным инструментом, то вы никогда не слышали Саймона Хауса (Simon House). Он играл, словно маньяк, он разорвал эту песню. Он был великолепен, этот Саймон. Позже он закончил свою карьеру, играя у Дэвида Боуи (David Bowie).

Мы четыре раза ездили на американские гастроли, пока я играл в Hawkwind. Саймон Хаус (Simon House), который играл на синтезаторе и скрипке, появился в команде как раз перед вторым туром. В итоге он заменил Дела Детмара (Del Dettmar), но в

начале турне они вместе играли в группе. Дел ушел в середине гастролей и обосновался в Канаде, где своими руками построил себе бревенчатый дом. А ведь он был низкорослым парнем! Он построил этот дом для своей беременной жены, которая ждала ребенка дома в Англии. И где-то через семь месяцев, когда дом уже был построен, она вместе с ребенком отправилась к нему морем — а ребенок оказался наполовину пакистанцем. Вот засада, не так ли? Малыш был вылитый папочка. Не думаю, что он тут же посадил ее обратно на корабль, но ему явно было не по себе. Дурные новости.

Hawkwind начали катится по наклонной, когда к власти пришла «барабанная империя». Все началось в июле 1974, когда в группе появился Алан Поуэлл (Alan Powell). Саймон Кинг получил травму, играя в американский футбол, и Алан заменил его на время норвежских гастролей. Потом, когда через несколько недель Саймон вернулся, Алан захотел остаться, потому что ему так понравилось играть в группе, и он дружил с Саймоном, и все такое. Так что они начали играть вместе. Это, насколько я понимаю, стало концом Hawkwind, потому что эти двое совместными усилиями угробили группу.

За свою жизнь я видел много помпезных барабанщиков, но если говорить об этой парочке, это было просто смешно. Барабанные установки Саймона и Алана устанавливались в центре сцены в огромном полукруге ударных эффектов, которые мы никогда не использовали. Там были наковальня, несколько видов колокольчиков, тубулярных и на подвеске, и прочая перкуссия. Конечно, это создавало потрясающее впечатление, — и всем становилось ясно, кто в доме главный хорёк. Только не мне, разумеется. Я не давал покоя этим двум придуркам. Стоял рядом с ними и давил: «Быстрее, раздолбаи! Медленней, медленней! Ну же!». Наверное, они за это ненавидели меня, зато группа не теряла заданный темп. Но не только такая линия поведения с барабанной империей могла рассорить людей. Я оказался слишком впереди остальных парней. Играя в составе Hawkwind, я действительно вышел из своей раковины, в которой, быть может, находился до этого, если говорить о сцене. Я всегда находился на переднем крае и красовался, а так как не был лидером группы, все остальные считали мое поведение слишком самонадеянным. И я начал писать песни, которые, думаю, всех раздражали. Что уж говорить о наркотиках. Понимаете, я стал единственным амфетаминщиком в группе. Дикмик ушёл пару лет назад, и я оказался в меньшинстве. Я был плохим парнем…, впрочем, как и сейчас. Так что, когда при переезде через канадскую границу меня арестовали за хранение кокаина, они воспользовались

возможностью, чтобы уволить меня.

Ужасная ситуация, но вместе с тем и удачное стечение обстоятельств, потому что у меня с собой не было ни грамма кокса. Это произошло в мае 1975. Мы только что отыграли в Детройте, а на следующий день рано утром отправились в Торонто. Какая-то девчонка на шоу передала мне несколько таблеток, и таким образом у меня оказалось около одного грамма амфетамина сульфата. Когда вы направляетесь из Детройта в Канаду, можно проехать либо по мосту, либо через тоннель. Если вы не хотите быть остановленными для досмотра, надо ехать по мосту, но мы не обратили на это внимания. Мы поехали через тоннель и неожиданно были разбужены пограничной полицией. Я еще толком не проснулся, поэтому засунул свою контрабанду в карман штанов. Плохая идея — они обыскивали нас до трусов и нашли мою заначку. Они засыпали сульфат амфетамина в свою пробирку и встряхнули. Если жидкость в ней изменяет цвет — жди неприятностей. Но с тем реактивом невозможно было определить, кокаин это или «спид». Ну и, конечно, жидкость окрасилась в нужный для полицейских цвет. «Это — кокаин, приятель, готовься сесть на нары!». На что я ответил: «Сомневаюсь». Эти ублюдки задержали меня, а остальных отпустили в Торонто.

Вот так я и был арестован канадской полицией. Они даже забыли предъявить мне обвинение в хранении таблеток, но я был привлечен к суду и взят под стражу. Это был, как вы можете себе представить, неприятный опыт. Меня продержали в тюремной камере всю ночь, а я до тех пор ни разу не сидел в настоящей тюрьме. Я помню, что находился в комнате санобработки, готовый пройти эту процедуру, когда приятнейший голос за моей спиной сказал: «За тебя внесли залог». Как я узнал позднее, группа вызволила меня из-за решетки лишь потому, что моя замена не успевала добраться в Канаду к выступлению. В противном случае они просто плюнули бы на меня. Но я и так не собирался гнить там вечно, — так как у меня нашли сульфат амфетамина, а не кокаин, то судебное дело закрыли по причине «неправомерного обвинения», и они не имели права обвинять повторно за хранение того же самого вещества. Так что я был свободен и чист перед законом.

Группа купила мне билет на самолет, и я прилетел в Торонто. Я добрался туда как раз, когда они закончили саундчек. Мы отыграли концерт под оглушительные аплодисменты, а в четыре часа утра я был уволен. Я принимал неправильные наркотики, понимаете ли. Если бы меня повязали с кислотой, то они всей толпой защитили бы меня. Думаю, что даже если бы я принимал

героин, для них это было бы лучше. При ближайшем рассмотрении вся эта субкультура хиппи оказалась чертовски двуличной. Все сводилось к банальным разговорам: «спид» убивает — о, чувак, это плохой наркотик», — и подобные глупости (при том, что все мои знакомые, которое это говорили, уже в могиле или испорчены героином). Ну, по крайней мере я должен сказать, что, принимая «спид», всё-таки можно жить и работать. Почему же они все эти годы пугают домохозяек своими россказнями?

Hawkwind выбрали не самое удачное время, чтобы выгнать меня из группы. К тому времени всё было готово к прорыву в Америке, так что они оказались полными идиотами. После моего ухода никакого прорыва у них не получилось; а все из-за того, на кого они меня променяли, в дополнение ко всем ложным причинам моего увольнения. После меня они пригласили на место басиста парня по имени Пол Рудольф (Paul Rudolph). Он был великолепным соло-гитаристом в группе Pink Fairies, но на деле оказался очень посредственным басистом, в отличие от меня. И с ним группа сразу же попала в «сумеречную зону» — это был тотальный хаос. Они попробовали продолжить в штате Огайо, дали еще где-то четыре концерта и отменили остальную часть тура. Дэйв, помогай ему Господь, действительно хотел вернуть меня в группу, но барабанная империя не дала ему сделать это. Так к власти пришли барабанщики и басист, и группа пошла в неверном направлении. Они записали парочку — ну ладно, неплохих альбомов. Музыкально они были превосходны, но это были безликие работы. Никаких ярких моментов — когда я ушел из Hawkwind, со мной ушла и их магия.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Рождённый для скорости (Built for Speed)

Я отомстил Hawkwind за своё увольнение. Когда они вернулись в Англию, я украл свою аппаратуру со склада группы. Не помню уже, как я попал туда. Должно быть, кто-то из офиса стащил для меня ключ или что-то в этом роде. Я даже не помню, кто был со мной в тот момент — возможно, Лукас Фокс (Lucas Fox), который барабанил в Motorhead первые несколько месяцев. У него единственного из всех, кого я знал, была машина. Алан Поуэлл застал нас, когда мы как раз закончили грузить аппаратуру в фургон. Забавное совпадение — перед этим я встретил его жену! Он закричал: «Эй, ты, мудила! Ты думаешь, что вернёшь свой аппарат назад?». Мы, смеясь, рванули с места, и я заорал: «Да! Не веришь — спроси у своей жены!». Не думаю, что он так и поступил, потому что я виделся с ней через неделю и она не упоминала про этот случай.

Также я был занят другим, более важным делом. Две недели после возвращения в Лондон я собирал группу, которая должна была стать Моторхэдом. Мне хотелось нечто вроде MC5, очень уважаемых в андерграунде, плюс что-то от Литтл Ричарда и Hawkwind. И это более-менее получилось. Мы были блюзовой группой, на самом деле. Мы играли рок со скоростью в тысячу миль в час, но его блюзовая основа была очевидна, по крайней мере для нас.

Собрать группу оказалось легко, может, даже слишком легко. За очень короткое время я завербовал гитариста Ларри Уоллиса (Larry Wallis) и барабанщика Лукаса Фокса.

Ларри я уже знал раньше — он был в UFO ещё до того, как они записали первый альбом, и играл в Pink Fairies после ухода Пола Рудольфа (Paul Rudolph), парня, который заменил меня в Hawkwind. Миленькое кровосмешение, а? Вдобавок ко всему, Pink Fairies и Hawkwind часто играли на одной сцене, причём объявлялись, как Pinkwind («Hawkfairies» — не звучит, не так ли?).

Лукас был представлен мне моей тогдашней соседкой по комнате, девочкой по имени Ирэн Теодору (Irene Theodorou), которую я назвал Распутная Ирэн (Motorcycle Irene), как в песне Moby Grape. Я начал жить с ней ещё до своего последнего турне с Hawkwind. Она не была моей девушкой, только другом, хотя у нас и были некоторые интересные моменты вместе. Она была очень хорошей девчонкой, и хорошим фотографом. Она сделала

несколько удачных снимков на заре нашей карьеры. Лукас вился вокруг Ирэн, надеясь трахнуть ее. Ему это так и не удалось, конечно. Он был немного деревенщина, но очень музыкальный парень, действительно, и так как всегда был рядом, и барабанщик, и с машиной, — то оказался весьма кстати. Я не хотел петь; я предпочёл бы, чтобы это делал кто-то другой. Но с этими грёбаными певцами вечно возникают проблемы! Короче говоря, мы никого не нашли, и петь пришлось мне.

Сначала я собирался назвать группу «Bastard» («Ублюдок»), такое название в значительной степени отражало моё мироощущение. Но парень, который был нашим менеджером в то время, Дуг Смит (он работал с Hawkwind — это к тому, откуда я знал его) не думал, что это хорошая идея. «Сомневаюсь, что мы попадём в «Top of the Pops»[14], называясь Ублюдок», — сказал он. Я подумал, что, наверное, он прав, и решил назвать группу «Motorhead». Это имело смысл: «Motorhead» — так называлась последняя песня, которую я написал для Hawkwind, и к тому же на американском сленге это был синоним «speedfreak» («любитель «спида»), так что всё подходило. И это было всего одно слово; я предпочитаю названия для групп в одно слово — так легче запомнить.

И вот я перекрасил свои усилители из психоделических цветов в строго черный, и история Motorhead началась. Пресса следила за нами — мое увольнение из Hawkwind освещалось во всех британских музыкальных газетах, и все хотели знать, что последует дальше. Это тогда я придумал знаменитую фишку, которая сначала появилась в газете «Sounds»: «Это будет самая грязная группа рок-н-ролла в мире. Если мы станем вашими соседями, ваш английский газон погибнет!». Вообще-то я украл её из шоу «Dr Hook», но она быстро стала первой из многих броских фраз Моторхэда.

Наше первое выступление состоялось 20 июля 1975 года в Roundhouse. Довольно скоро, если учесть, что я оставил Hawkwind в мае. Мы играли на разогреве у Greenslade, группы своего рода помпезного рока, созданной этим парнем, Дэйвом Гринслэйдом (Dave Greenslade), до того игравшим у кого-то на клавишах. Все группы в те дни имели фонограммы, которые включались перед выходом на сцену, а так как я всегда был фанатиком истории Второй Мировой Войны, мы использовали записи германских марширующих колонн и вопли «Зиг Хайль!». Это звучало действительно мощно и невероятно круто; сокрушительное бр-р-рум, бр-р-рум! подкованных сапог по немецким булыжникам. Этими звуками мы также заканчивали наше выступление. У меня на усилителе даже находился

человеческий череп, выкрашенный серебряной краской. Но, несмотря на эти театральные эффекты, должен признать, что мы были не очень хороши (просто ужасны, если сказать честно!). Неудача не сломила нас, и мы колесили по Англии почти весь август. В конце концов, единственный способ стать лучше — продолжать играть.

Тем не менее, у нас уже стали появляться поклонники, — панки, старые фаны Hawkwind и орды всяких негодяев приходили послушать нас. И некоторые из них действительно врубались. Один подросток на нашем первом концерте оказался в белых сапогах и с патронташем, точно так же, как я — а ведь у меня сапоги появились всего за две недели до этого, так что он позаботился об этом действительно заблаговременно. С самого начала мы вселяли в людей чертовски рабскую преданность, и это — фишка Моторхэда: наши фаны и наши роуди действительно зацикливаются на нас. Звукорежиссер, с которым мы работаем сейчас, — с нами где-то с 1977 года. Он получал кучу денег, когда работал для Black Sabbath. Турне, в которое мы собирались, принесло бы ему только треть этих денег, но он ещё в самолете с командой Black Sabbath уже планировал, как будет выстраивать наши звук и свет. Кто-то сказал ему: «Надо работать на Black Sabbath», а он ответил: «Да, парень, но они — мои ребята!». И оставил то турне ради нас. У нас всегда были именно такие люди. Это что-то вроде заразной болезни, поражающей людей даже в самой конченной неудачливой группе.

А мы определенно были неудачниками на нашем следующем лондонском концерте, который состоялся в Hammersmith Odeon 19 октября 1975. Мы играли в первом отделении у Blue Oyster Cult, разогревая для них публику, но от них не получили никакой помощи! Фактически, они полностью сорвали наше выступление. Они оставили нас без саундчека, и это в Одеоне, печально известном своей плохой акустикой! Я заметил, что многие американские группы наплевательски относятся к новичкам на разогреве, как будто хотят уничтожить конкурентов ещё до того, как они встанут на ноги! Британские группы так не поступают — по крайней мере большинство из них — и в том числе Motorhead.

То выступление заработало нам новую репутацию и нашу собственную категорию в опросе «Sounds» за тот год! Мы были номинированы, как «Лучшая из Худших Групп в Мире»! Однако, нам удалось получить контракт на запись в United Artists — они были фирмой Hawkwind и решили не упускать меня, по крайней мере какое-то время. Это было хорошо… вернее, так мы тогда думали. Итак, в конце года мы прибыли записываться на студию Rockfield, расположенную на ферме в Монмаусе (Monmouth), на

юге Уэльса. Продюсером должен был быть Дэйв Эдмундс (Dave Edmunds). Дэйв — один из моих кумиров. Он стал известным, играя в Rockpile и как сольный артист, но я знал его ещё по Love Sculpture, его первой группе. Они записали инструментальную версию «Танца с саблями», которая была самой быстрой вещью, которую вы когда-либо слышали в жизни! К тому же с одной из лучших гитарных партий, потому что в то время, как все пытались ускориться колёсами, Дэйв уже был быстр.

К сожалению, Эдмундс записал с нами только четыре трека: «Lost Johnny», «Motorhead» (песни, которые я написал ещё в Hawkwind), «Leaving Here» (превосходная песня Эдди Холланда (Eddie Holland) — её играли The Birds в мои манчестерские дни) и «City Kids» (вещь Pink Fairies, написанная Ларри). Потом Дэйв был подписан на Swan Song, лейбл Led Zeppelin, и его сняли с нашего проекта. Это было очень плохо, потому что мне действительно нравилось работать с ним — он был словно один из нас. Я вспоминаю, как однажды ночью, когда мы слушали записанные треки, Дэйв встал и сказал: «Извините». Он вышел из комнаты, проблевался, потом вернулся, сел и продолжил. Мы часто находили его спящим за пультом, в то время, как лента давно перемоталась и из динамиков шёл один фон. Ещё Дэйв помог мне привести в порядок мою гитару. Одна из струн постоянно соскакивала с колка. Это такие штуковины, на которые крепятся струны наверху грифа. Дэйв сказал мне: «Всё, что тебе нужно — скобка над струной рядом с колком. Иди за мной». И мы залезли в окно кладовой на этой ферме, чтобы раздобыть дрель. Потом он сломал старую гитару, взял с неё скобку, высверлил отверстия на моей гитаре и привинтил её. Она до сих пор там. Эдмундс — замечательный человек и всегда готов к импровизации. И он был продюсером некоторых очень хороших альбомов. В числе многих других он записывал Everly Brothers с Джефом Линном (Jeff Lynne) после их воссоединения, и Stray Cats. После Дэйва мы закончили сессию с продюсером Фрицем Фрайером (Fritz Fryer). Он был в группе шестидесятых, которая называлась Four Pennies и заняла несколько первых мест в хит-парадах Англии. Очень хорошая группа, но немного сыровата. Так что Фриц закончил нашу запись, и она была позорной, действительно. Он был в порядке, но он не был Эдмундсом, что неудивительно, ведь он был Фрайер!

К тому времени, как Эдмундс оставил нас, мы заменили барабанщика. Мы решили, что Лукас должен уйти, потому что он стал очень уж странным. Он решил не отставать от меня в моей привычке к «спиду», и, конечно, совершенно зря! Я вообще настоятельно не рекомендую мой образ жизни — он погубит

обычного человека. Я не шучу, я расскажу то, что было на самом деле: приблизительно в 1980 году я решил сделать себе полное переливание крови — по слухам, через подобную процедуру прошел Кит Ричардс (Keith Richards). Хорошая, в принципе, идея, потому что ты немедленно получаешь чистую, свежую кровь, и сразу избавляешься от всех неприятностей детоксикации. И вот мы с моим менеджером пошли к доктору, он сделал анализ крови и возвратился с плохими новостями.

— Должен сказать, — сообщил он, — что чистая кровь убьет тебя.

— Как это?

— У тебя уже не обычная человеческая кровь. И ты, кстати, не можешь быть донором. Забудь об этом. Ты убьешь обычного человека, настолько ты ядовит.

Иными словами, что является нормальным для меня, смертельно для другого человека — и что является нормальным для других людей, смертельно для меня. И это мне нравится. Вроде как я отношусь к особому виду с собственной историей болезни. Надо предложить мое тело для фантастического фильма с медицинским уклоном! Я и Стивен Райт (Stephen Wright) в главных ролях.

Так вот, мои дурные привычки перенапрягли нашего Лукаса. Вены на его голове вздулись, и он долго мог таращиться на тебя и за всё это время не проронить ни слова. А мы переглядывались между собой: «Да, парень, видать, приехал». Однажды мы в студии прослушивали записанный материал, и Лукас прислонился к пульту. Крышка пульта была съёмной, чтобы его можно было чистить, и крепилась на винтах. И кто-то забыл закрутить их. На крышке, как обычно, стояли недопитые стаканы, пепельницы, полные окурков, и прочее дерьмо. И вот когда Лукас облокотился на крышку, она опрокинулась, и всё это дело обрушилось на пульт. Посыпались искры, и раздался взрыв! Лукас заорал, отпрянул назад, свалил на пол телефон со стены, и выскочил в дверь. Ларри закричал ему вслед: «Эй Лукас, не подходи близко к моим усилителям — они взорвутся, на хрен!». Ясное дело, дальнейшая история продолжилась без Лукаса. Забавно, я встретил его несколько лет назад в Париже. Он был одет, как француз, с носовым платком в нагрудном кармане. Я подумал, что он стал голубым, но он сказал, что живёт там с девушкой. Старина Лукас был славным парнем и моим хорошим другом, но в нём не было изюминки.

Тем временем, рядом ошивался Фил Тэйлор. Я встретил его примерно за шесть месяцев до этого в квартире знакомого гитариста Пола. Пол может служить хорошей антирекламой

героину. Как-то он ширнулся и отрубился, а его руку зажало железной станиной кровати, и он её почти потерял. Он повредил все сухожилия. Я спас Полу жизнь — он валялся синий, как мертвец, и я делал ему массаж сердца, пока оно снова не забилось. Он был не первый, кого я спас, и, уж конечно, не последний. Но вернёмся к Филу.

У него была машина, так что он иногда подвозил меня до студии, находившейся примерно в двухстах милях от Лондона. Как-то он сказал мне, что время от времени стучит на барабанах, и мы решили дать ему шанс. Мы сыграли несколько вещей в студии, и Ларри был им просто очарован: «Какой ужасный маленький раздолбай! — веселился он, — Само совершенство!».

Фил переписал барабаны на всём альбоме, кроме одной песни, «Lost Johnny», — она и так звучала, как надо. Дублирование барабанов — настоящий подвиг, потому что именно на барабанах обычно основывается запись песни. Но у Фила всё получилось замечательно, и он на долгое время стал ценным приобретением Motorhead. Единственное, что он не мог, это петь. На этом альбоме — который в конечном счете был назван «On Parol» («Под честное слово») — Ларри пел три песни: «On Parol», «Fools», которые сам написал, и «Vibrator», написанную им совместно с его роуди, Дезом Брауном (Dez Brown). (Дез также написал слова к «Iron Horse/Born to Lose») Ларри подумал, что хорошо бы Филу тоже спеть на одном треке, и мы испытали его на «City Kids». Ничего не вышло — его пение напоминало вопли сцепившихся котов. Было настолько смешно, что я вывалился из студии во двор фермы под дождь, и, упав на колени, хохотал до слёз! Так что эту идею мы похоронили.

Мы закончили альбом, который также включал в себя «The Watcher» (ещё одна песня, написанная мной в Hawkwind). А потом эти козлы из United Artists положили запись на полку. Много месяцев они кормили нас обещаниями, в то же время не расторгая контракт. И мы, разумеется, не могли записываться ни в какой другой компании. Они выпустили «On Parole» через четыре года после того, как мы были освобождены, наконец, от наших обязательств по контракту. Они утверждали, что руководство UA поменялось и имело другой взгляд на запись. Странное дело — они изменили своё мнение, когда мы начали становиться популярными. Совпадение? Чёрт возьми, я так не думаю! Это было началом наших дерьмовых отношений с записывающими компаниями.

Примерно в то время, когда UA поимели нас, началась наша хреновая эпопея со сменой менеджеров. Дуг Смит сдал нас одному парню из Бельгии, имя которого я не смогу вспомнить

даже под страхом смерти. Он был забавным малым: пытался говорить на британском сленге в тщетной попытке выглядеть хиппово. В Англии можно сказать — «a bunch of cunts» («куча влагалищ»), чтобы описать группу парней. Никогда в Англии не говорят «влагалище» о женщине (кстати, я с удивлением обнаружил различие в Америке!). Так этот бельгиец входил в комнату и заявлял: «Где мои кучи влагалища?». Бельгийские переводы с английского порой удивительны. В общем, он был безнадёжен, и исчез, когда у него кончились деньги.

Потом какое-то время у нас в менеджерах был этот потный маньяк, Фрэнк Кеннингтон (Frank Kennington). Он был другом нашего гитариста, к тому времени уже Эдди Кларка (очень скоро я расскажу и о нём). У отца Фрэнка была фабрика. Не знаю, что они там делали — кажется, что-то мелкое, но востребованное… Линзы, вот что это было, линзы, призмы и тому подобные вещи для промышленности. Фрэнк унаследовал фабрику от своего отца, поэтому имел немного денег. Что ж, мы исправили эту ситуацию, разорив его дотла! Мы были должны этому бедному ублюдку до самой его смерти (Хотя лично я всё-таки выплатил ему свою долю в 1996 — двадцать лет спустя! Впрочем, лучше поздно, чем никогда). Он в конце концов уехал в Америку, где был известен (не удивительно), как Фрэнк-Англичанин.

После того, как мы обанкротили Фрэнка, за нас надолго взялся парень по имени Тони Секунда. Кажется, меня познакомила с ним Крисси Хинд (Chrissie Hynde), которую я знал много лет. Крисси была журналисткой New Musical Express, и оказывала на меня огромное впечатление. Не сиськами, которые у неё были никакие, а тем, что очень хорошо играла на гитаре! Она была замечательная, на самом деле. Когда я общался с ней, она нелегально жила в Челси, и я частенько приходил к ней и мы джемовали ночи напролёт. Прежде, чем попасть в Pretenders, она была в группе под названием Moors Murderers, которая отличалась крайне дурным вкусом. На сцене они все были в черных остроконечных капюшонах — выглядело это, конечно, довольно убого. Хорошо, что у них не было хитов, в противном случае мы, возможно, никогда не увидели бы лица Крисси — черный капюшон скрыл бы его на всю дальнейшую карьеру.

Но вернёмся к Тони Секунде. Тони был менеджером Move и Steeleye Span и владел английской фирмой Wizard Records. Он был очень интересным человеком… с антропологической точки зрения. И с напрочь рухнувшей крышей. Он ездил в Перу и вернулся с индейцем, которого всюду таскал за собой. Кокаин он потреблял, как никто, — просто чайными ложками. И ещё имел паранойю; ему повсюду мерещились подслушивающие

устройства. Постоянно бормотал: «Чёртовы «жучки»! Прослушивают меня, везде понаставили «жучков». Гребаные ублюдки!». И этот индеец позади, со скрещенными на груди руками. Просто фантастика!

Но именно Секунда придумал несколько убойных рекламных проектов. Это ему принадлежит идея сфотографировать Move с атомной бомбой посередине Пикадилли в Манчестере. А однажды, получив очень большой счёт из налоговой инспекции, он разменял 20000 фунтов стерлингов по одному фунту. И в конце одного из концертов Steeleye Span в Hammersmith Odeon выбросил их в зал из люка в потолке — он решил, что если всё равно потеряет эти деньги, то лучше пусть они пройдут в финансовых отчётах, как необлагаемый налогом подарок. Другой рекламный трюк Секунды для Move состоял в изготовлении порнографической открытки с британским Премьер-министром Гарольдом Вилсоном (Harold Wilson), но это повлекло неприятные последствия. Он вынужден был принести Премьер-министру извинения и выплатить кучу штрафов — за клевету, порнуху и т. п. Когда он работал с Motorhead, ему нарисовали нашу эмблему на стене дома у главного кольца при въезде в Лондон с запада. Ушёл всего час на то, чтобы десять студентов-художников, поднятых на подмостках, выкрасили каждый свой квадрат, но потребовалось целых три месяца, чтобы убрать это. Вот так три месяца мы имели супер-рекламу. Бесплатно!

Сначала я предполагал, что Motorhead будет квартетом, и мы пробовали несколько различных гитаристов. Один из них был Эриел Бендер (Ariel Bender) — известный, как Лютер Гросвенор (Luther Grosvenor), — он играл в Mott Hoople и Spooky Tooth. Мы несколько раз репетировали с ним, но дальше этого дело не пошло. Он был хорошим парнем, но не подходил к группе. У него не хватало чувства юмора, и я не мог представить его в гастрольном автобусе вместе с остальными. Так что мы оставались трио, пока не нашли Эдди Кларка (Eddie Clarke)… и всё равно остались втроём.

Фил познакомился с Эдди, когда они оба ремонтировали жилую баржу в Челси. Но привёл его к нам не Фил, а Герти Аэроплан, которая в Челси работала секретаршей на репетиционной базе. Мы репетировали там нахаляву — если кто-то уходил пораньше и оставалось несколько свободных часов, мы быстренько привозили аппаратуру и использовали оставшееся время. У Герти была бейсболка с прикрепленным на ней пластиковым самолетом, поэтому мы и прозвали её Герти Аэроплан. Она жила с Эдди, и привела его к нам на репетицию. Мы решили испытать его, и получилось это странным образом.

Ларри запаздывал, так что я, Эдди и Фил начали без него. И играли несколько часов, пока не появился Ларри. И когда он подключился, то играл настолько громко, что целых полчаса не было слышно никого, кроме него. А после этого он ушёл, и, как оказалось, навсегда. А ведь именно Ларри больше других говорил о необходимости второго гитариста, вот как.

Но Моторхэду всегда лучше работалось втроём, так оно продолжается и до сих пор. Если в группе две гитары, и они даже самую малость играют не слаженно, да ещё и бас, конечно, — получается сплошная грязь. Но с одним гитаристом можно чувствовать себя посвободней. Рядом с Эдди я играл что попало, и это всегда срабатывало.

Сразу же я постарался найти прозвища для каждого. Людям это нравится. Так что Эдди стал «Быстрым Эдди» Кларком, что было логично. Я имею в виду, — он был на самом деле быстрым гитаристом. Фил на несколько месяцев стал «Dangerous» (Опасным) Филом Тэйлором, и хотя это прозвище ему подходило — он действительно был опасен даже для самого себя! — оно не прижилось. Распутная Ирэн окрестила его «Грязным Животным» (Philthy Animal). Фил и Ирэн тогда жили вместе, так что она знала, что говорила.

Эдди и Фил были большими друзьями — одно время Фил даже жил в доме Эдди. Они были близки, как братья, что иногда доставляло проблемы, потому что они и дрались, как братья. Стоило одному зазеваться, как другой тут же, — бац! и понеслось, они уже выколачивают дурь друг из друга. Эти двое постоянно бились на кулачках. Как-то мы ехали в своём фургоне на концерт в Брайтон, и они мутузили друг друга всю дорогу. Мы добрались туда с фонарём под глазом у Фила, и с повреждённой рукой Эдди. Но когда подошло время, я сказал: «Ладно, хватит. На сцену!». Они оба отряхнулись: «Нет проблем!», и пошли. Мы отыграли концерт, а когда уходили со сцены, Фил саданул Эдди по шее, тот растянулся, и всё началось заново. Эти бойцы стоили друг друга.

Наши фаны всегда считали Эдди тихоней, но на самом деле он был яростнее Фила. Когда он пускал в ход кулаки — мало не казалось. Я помню, как они с Филом вытащили меня из драки. Один парень напал на меня сзади в пивной на Портобелло-роуд, а Эдди и Фил схватили его и двух его дружков, вышвырнули из дверей и пинками погнали по улице! Я так и не смог никому врезать, потому что до них было не добраться — ими занимались Фил и Эдди. Кстати, через неделю после этого придурок в пабе сломал кий об мою голову! Вот были деньки, а?

В новом составе Motorhead работал нескольких месяцев, когда Тони Секунда получил для нас контракт на запись сингла в

Stiff Records. Так что летом 1976 мы записали «White Line Fever», которую сочинили втроём, и «Leaving Here». До UA дошёл слух об этом, и они начали гадить нам, потому что контракт с ними не был официально расторгнут. Кстати, мы не общались с UA несколько месяцев, — не знаю, откуда протекло дерьмо. Но они не давали выпустить сингл до 1977 года, и это срывало все наши планы.

На протяжении второй половины 76 и начала 77 мы отыграли множество разовых концертов. Помню, однажды в Шрусбери (Shrewsbury), в дискотечном зале Tiffany's — Боже ж ты мой! — мы с Эдди поскользнулись на сцене и оба грохнулись на спины. Это был один из этих скользких прозрачных настилов с подсветкой снизу. Но роуди подняли только меня — Эдди относился к ним высокомерно, вот они и не помогли ему. Так он и валялся там, тщетно ожидая помощи. В другой раз по дороге на концерт Фил, будучи в дурном расположении духа, пнул фургон и сломал себе палец ноги. Вообще, боевой дух группы тогда здорово упал; все наши усилия не давали никакой отдачи. Мы голодали, жили чёрт знает где, и ничего не менялось. Я-то был готов продолжать, но Фил и Эдди уже собирались всё к чертям бросить. Это была не их группа, у них не было моих амбиций. И вот, наконец, в апреле, после долгих споров, мы решили отыграть заключительный концерт в лондонском Marquee и разбежаться.

К тому времени я познакомился с Тэдом Кэрроллом (Ted Carroll) из Chiswick Records. Я попросил Тэда записать наш прощальный концерт на мобильную студию, фанам на память. И хотя студию Тэд, видимо, привезти в Marquee не смог, он объявился за кулисами после концерта и сделал нам предложение:

— Если хотите записать сингл, я дам вам два дня в студии Escape в Кенте.

Так что мы приехали в Escape с продюсером Спиди Кином (Speedy Keen), который с группой Thunderclap Newman занимал первое место в Англии с хитом «Something in the Air». За два дня мы записали одиннадцать треков без вокала. Все согласились, что в сингле не было никакого смысла, потому что хотели оставить после себя альбом, хотя бы как сувенир. Так что сорок восемь часов безо всякого сна мы записывали свои самые удачные вещи. Спиди Кин и его помошник Джон Бамс (John Bums) выбивались из сил, потому что времени не хватало даже на сон, они хотели довести до ума всё, что мы записали. Они свели двадцать четыре версии одной «Motorhead»! Потом они спросили меня, какая из них мне нравится больше, как будто я мог их вспомнить! В смысле, после третьей выбрать уже невозможно. Я только сказал:

«К чертям! Вот эта!».

К исходу этих двух дней приехал Тэд послушать две законченные песни, а мы дали ему одиннадцать незаконченных. И так как, слушая, он пританцовывал буги-вуги в аппаратной, то мы поняли, что заполучили его! Он дал нам еще несколько дней, чтобы добить вокал и всё такое, и, таким образом, «Motorhead» стал нашим первым альбомом, увидевшим свет. К тому времени мы уже давно освободились от UA, так что Motorhead вернулся в бизнес.

Всего для Chiswick мы записали тринадцать песен, и восемь из них вошли в альбом. Почти весь материал альбома «Motorhead» был взят из «On Parole» и переписан: «Motorhead», «Vibrator», «Lost Johnny», «Iron Horse/Born to Lose» и «The Watcher». Также добавились две новые песни, «White Line Fever» и «Keep Us On the Road», и песня Джонни Бернетта (Johnny Burnett) «Train Kept A-Rollin» (вам наверняка знакома версия Aerosmith — у них она была хитом). Остальные песни, которые не вошли в альбом, назывались «City Kids» (попавшая на обратную сторону сингла «Motorhead»); «Beer Drinkers and Hell Raisers» группы ZZ Top; «I'm Your Witchdoctor» — замечательная песня Джона Майалла (John Mayall) и Эрика Клэптона (Eric Clapton); «On Parole», и инструментальной вещица, которая мы называли «Instro». Последние четыре песни Chiswick выпустила в 1980 году, как EP[15] «The Beer Drinkers», спустя много времени после нашего ухода от них и опять-просто-по-совпадению почти на пике нашего успеха. Для записывающих фирм такие вещи — как вдруг обнаруженные наличные в кармане. Никогда с тех пор я не записывал больше, чем нам было необходимо! Но, должен сказать, мне не жаль этого для Тэда Кэрролла, — ведь он спас мою группу, в конце концов!

Это было примерно в то время, когда у нас начались некоторые разногласия с Секундой. Например, он хотел, чтобы мы подстриглись! Мы, разумеется, этого делать не собирались. Дуг Смит снова появился на горизонте, когда он взял нас в турне по Англии с Hawkwind, которыми все еще управлял. Это было в июне 1977. Но, с нашим обычным везением, за день до турне Фил в драке повредил свою руку. Мы все были у меня дома, красили наше оборудование, и припёрся этот парень, героинщик, зануда и тормоз. Мы сказали ему проваливать, он не понял, так что Фил вытолкал его в дверь и ударил кулаком. И выбил себе сустав пальца. В качестве шины мы примотали к руке Фила барабанную палочку, вот так он и провёл всё турне. Между прочим, оно получилось замечательное, и отношения между нами и Hawkwind были прекрасные.

Через несколько месяцев Фил поранился снова, но с более бедственными результатами. Мы как раз начали своё хэдлайнерское[16] турне, рекламируя новый альбом, выходящий через несколько дней. Концерты открывали Count Bishops, очень неплохая группа. Мы назвали этот тур «За болевым порогом», что должно было бы служить нам намёком. Где-то после пятого концерта Фил подрался с Бобсом, одним из наших роуди, из-за Распутной Ирэн. На сей раз он сломал своё запястье, так что пришлось отменить целое турне. Тони Секунда уволил Бобса в тот же вечер, хотя Бобс был мало в чём виноват. Это было неудачное решение, потому что Bobs очень много делал для нас — вплоть до того, что закрывался в телефонных будках с мешком двупенсовиков и устраивал нам концерты. Впрочем, его увольнение не имело значения — всё равно надо было ждать выздоровления Фила, так что мы бездельничали до ноября, пока не выступили в Marquee.

В течение первых месяцев 1978 года ничего особенного не происходило; случайные концерты тут и там, включая один в Colwyn Bay, недалеко от места, где я рос, о чём я уже рассказывал. Тони Секунда поссорился с Chiswick и расторг контракт. Думаю, как раз в то время разошлись и наши с Тони пути. Он ушёл, и в конце концов оказался в Shelter Records в Сан-Франциско. В 1995 он умер, мир его праху. Это было унылое время для нас. Нас тогда даже не арестовали ни разу. Отсутствие перспективы опять заставило Эдди и Фила упасть духом, они ушли и несколько раз играли со Спиди Кином и басистом Билли Ратом (Billy Rath) (он работал с Джонни Тандерсом и Heartbreakers (Johnny Thunders and the Heartbreakers) и Игги Попом (Iggy Pop)). Они назвали себя Muggers. Думаю, Спиди намеревался создать с ними постоянную группу, и, может, преуспел бы в этом, потому что мы были на грани распада. Но Дуг Смит, наконец, подобрал нас и привёл на Bronze Records, где были такие группы, как Uriah Heep и Bonzo Dog Doodah Band. Сначала только для записи сингла — они хотели посмотреть, стоит ли инвестировать в нас большие деньги. Но оказалось, что это стало началом нашего долгожданного взлёта.

Мало того, что Bronze дали нам хороший старт, — на этой фирме у нас выйдут самые знаменитые наши хиты. Они действительно отнеслись к нам очень хорошо. Мы тогда не оценили это должным образом. Наоборот, считали, что нас слишком угнетают! Нам казалось, что Bronze поставили нам слишком жёсткие условия, но сейчас, учитывая последующие контракты, которые мне пришлось подписывать с другими компаниями, я вижу, что они были чертовски замечательные. С

тех пор я часто с ностальгией вспоминаю те дни в Bronze. Глава фирмы, Джерри Брон (Gerry Bron) и его жена, Лиллиан, были в восторге от нас, и агент по работе с артистами и репертуаром Говард Томпсон (Howard Thompson)(именно он выбил нам контракт) был отличнейший парень. Они поверили в нас и предприняли всё для нашего успеха.

Так что летом мы вошли в студию Wessex в Лондоне и записали сингл «Louie Louie» со своей «Tear Ya Down» на второй стороне. Переиграть «Louie Louie» было идеей Фила. Он придумал это несколько месяцев назад, в бытность нашу еще с Тони Секундой. Мы перебрали несколько старых песен, и я хотел взять «Bye Bye Johnny» Чака Берри, или что-то похожее, но «Louie Louie» действительно стала лучшим выбором. Думаю, у нас получилась очень хорошая версия — люди говорят, что она является одной из редких, где понятен текст! Вообще-то, я взял только первые два куплета, а последний был в значительной степени импровизацией. Мы спродюсировали песню вместе с Нейлом Ричмондом (Neil Richmond). Нам с тех пор никогда не довелось работать с ним снова, но он был очень неплох… если бы не та странная клавишная партия, которую он вставил. Я счёл это подозрительным. Мы называли его Нейл Fishface (Рыбья морда). Не помню, почему — он не был похож на рыбу, — ну, разве что самую малость.

Таким образом, сингл вышел 25 августа 1978 года (сфотографировала нас на обложку, кстати, Распутная Ирэн). К концу сентября он поднялся до 68-го места в хит-параде, что оказалось достаточно для Bronze, чтобы дать нам добро на полноценный альбом. Чтобы авансом продвинуть его в чартах, мы начали турне по Англии, но перед этим я немного поработал с The Damned.

В Америке Damned всегда были не более, чем известной культовой группой, но в Англии они были намного более знамениты. Они были настоящей панк-группой, не то, что Sex Pistols. Pistols был великолепной рок-н-ролльной группой, но это всё, на самом деле, чем они были. Я дал Сиду Вишесу несколько уроков бас-гитары — он подошел ко мне и сказал: «Слушай, Лемми, покажи, как играть на басе», и я ответил: «О'кей, Сид!», но через три дня я был вынужден признаться: «Сид, ты не можешь играть на басе». Он сказал: «Да, я знаю», и ушел, весь расстроенный. А несколько месяцев спустя я встретил его в Speakeasy, и он заявил: «Лемми, прикинь — я в Pistols!», «Что ты имеешь в виду?» — спросил я. «Я — басист Pistols!» — повторил он. «Здорово, да?». «Ты же не умеешь играть на басе, Сид!». «Знаю, но всё-таки, чёрт возьми, я — в Pistols!». Стив Джоунс (Steve

Jones) обучил его основам основ основ основ основ. Это — все, что от него требовалось. Всё чуть более сложное на альбоме, это или Стив, или Глен Матлок (Glen Matlock). Сид просто хотел находиться в панк-группе. Три недели он был в Flowers of Romance, три дня — в Siouxsie and the Banshees — и каждому говорил про них. Но он был очень хорош для имиджа. Он был совершенен — чёрт возьми, он был больше Pistols, чем для имиджа это было необходимо!

Несмотря на своё неумение играть на басе, старина Сид был неплохим человеком и я подружился с ним. Правда, у него была привычка постоянно лезть в драку. Однажды ночью в Marquee он сцепился с Брюсом Фокстоном (Bruce Foxton), басистом из Jam, и Брюс ткнул его в лицо разбитым стеклянным стаканом. Я шёл по Уордор-стрит (Wardour Street) в Speakeasy и по пути заглянул в ещё открытый Marquee (на предмет подцепить какую-нибудь девчонку), и на меня налетел Брюс. «Спрячь меня», и все такое. Я спрашиваю: «Что случилось-то?», а он: «Кажется, я только что насмерть зарезал Сида». Я ему говорю: «Ясное дело, насмерть. Если бы не насмерть, он бы сейчас здесь на тебя прыгал». Брюс волновался, что серьёзно ранил его, так что я пошел в Speak — там были тогда ряды кресел перед сценой, и Сид сидел прямо посередине в полном одиночестве. Я прошёл к нему и спросил: «Ну как, Сид?». «Уделал меня, сволочь», — сказал он, а через всю щёку у него — три глубокие борозды. «Ну, дай мне только подлечиться», — но никогда он так и не попытался отомстить Брюсу.

Однажды он снял девчонку и повёл её в туалет, ну, вы понимаете, а вышибала, огромный такой мальтиец, действительно сильный мужик, преградил ему дорогу: «Тебе туда нельзя!». И Сид полез на него! Я никогда не видел ничего подобного — этот бугай свалился на спину и грёб на локтях вверх по лестнице, а из него вышибал дерьмо этот чёртов трубочист в кедах. Парень не знал, куда деваться — Сид напугал его до смерти! Эра панка, понимаешь.

Так что я люблю Pistols, хотя, повторю, я считал их на самом деле рок-н-ролльной группой. И я никогда не любил Clash в этом отношении. Джо Страммер (Joe Strummer) выглядел лучше в 101'ers, группе, в которой он играл до Clash. Что касается панка, Damned были его воплощением. Они остались недооцененными, хотя это был один сплошной прикол. Дэйв Вэниан (Dave Vanian) не умел петь, ни один из гитаристов не умел играть, а барабанщик, Рэт Скабис (Rat Scabies), только делал вид, что играет вместе со всеми. Они были настоящие сумасшедшие, я имею в виду — серьезно нуждались в медицинской помощи. Как-

то мы и Adverts играли с ними — они были хэдлайнеры — в Roundhouse. В начале их выступления Капитан Здравомыслящий (Captain Sensible) — вот настоящий маньяк, к слову! — вышел в розовой балетной пачке, чулках в сеточку, в подбитых гвоздями ботинках, в огромных солнцезащитных очках-каплях, и с оранжевыми волосами. И все панки плевали в них, и к концу концерта группа скользила по сцене, словно на льду. И все они были мокрые от плевков. А потом Капитан разделся догола… впрочем, он устраивал стриптиз почти на каждом выступлении. Когда они играли в другом лондонском клубе, «Rainbow», он принялся ссать на передний ряд. В него стали кидать стулья, а он отбрасывал их назад — не прекращая ссать себе на ногу, спешу заметить. Вот вам типичный панк-концерт середины семидесятых.

А вот как я познакомился с ними: я встретил Рэта в Dingwalls. Я сидел в баре, а это расписное пугало подошло ко мне сзади и спросило: «Это ты, мать твою, Лемми, да?», на что я ответил: «Да, я, мать твою».

— Да? И ты чё, мать твою, думаешь, что ты — рок-звезда? — спрашивает этот маленький ублюдок.

«Я — нет, — говорю, — а ты — да. Потому и подошёл ко мне». «Базара нет, — пожимает он плечами, — я угощаю». Damned какое-то время не играли, когда Брайан Джеймс (Brian James) покинул группу. После реорганизации Капитан решил играть на гитаре. Наверное, это была его идея попросить меня помочь им с басом на концерте в лондонском Electric Ballroom. Для того шоу они назвали себя Doomed (Обречённые), но потом снова вернулись к Damned (Проклятые). У нас было около пяти часов репетиции. Я разучил одиннадцать их песен, а они одну мою, которую выбрали, чтобы испоганить на сцене. Впрочем, я с лёгкостью отдал её им. Это было прикольно, — играть с этими пацанами.

Забавна также история, как Эдди, Фил и я записывались с ними. Мы сделали пару песен — версию Sweet «Ballroom Blitz» и вещь Motorhead «Over the Top». Это было посмешищем. Капитан, не отрываясь, смотрел крикет по ТВ. Эдди и Фил дрались, как обычно. Дэйв Вэниан опоздал, и к тому времени, как появился, все уже были пьяные в сиську. Он посмотрел на нас, повернулся на пятках и ушёл. В конце концов в живых, так сказать, остались только я и басист Damned Элджи Уорд (Algy Ward). Мы собрались с силами и попытались что-то сделать. Я записал басовое соло на «Ballroom Blitz», а он спел. Эта песня вышла на второй стороне сингла Damned «I Just Can't Be Happy Today», правда, грязный микс, который сделали мы, был намного лучше того, который в итоге появился на пластинке. Вокальные партии для «Over the

Top» мы так и не записали. Ах да, ещё мы сломали унитаз в студии. Кажется, Капитан пнул его. Но вернёмся к Моторным делам.

Сентябрь и почти весь октябрь мы гастролировали, а 24 октября нас впервые снимали для «Top of the Pops». «Top of the Pops» — программа, конечно, ужасная. Они приглашали любого, кто попал в Top 30, вроде Slade или Nolan Sisters (я как-то записался с этими «маленькими невинными девственницами» — потом расскажу подробней), или кто, по мнению программы, достоин Top 30. Талант и прочее не имели никакого значения — только строчка в хит-параде. Нас в то время и близко не было в Top 30 («Louie Louie» достигли максимум 68-го места), но наш друг из Bronze, Роджер Болтон (Roger Bolton), часто работал для БИ-БИ-СИ и имел там серьёзное влияние. Роджер устраивал нам это шоу раз пять до того, как у нас действительно появился хит! Фактически, усилия Роджера здорово помогли нашему продвижению в чартах, так что в любое время я готов угостить его выпивкой.

Вот так мы очутились в лабиринтах студий БИ-БИ-СИ, чтобы увековечиться на видеопленке. Там настоящее крысиное гнездо — сотни студий и коридоров — и необходим гид, чтобы провести вас к нужной студии. Это сумасшествие. Обычно в нужный день все гиды заболевают, и идите вы ко всем чертям. Мы, как предполагалось, должны были для эфира перезаписать песни, но на самом деле никто никогда этим не занимался. Мы обычно просто делали небольшой ремикс, немного поднимали вокал и тому подобное. Потом мы ставили наши усилители, доставали из кофров гитары и все подключали. Затем ассистент режиссёра приходил посмотреть, всё ли готово. Он, конечно, знал, как это делалось, и мы знали, что он знал. Такого рода игра — назовём это молчаливым соглашением. По крайней мере на наших записях играли действительно мы, а не студийные музыканты, как у многих поп-звезд.

Люди в «Top of the Pops» принимали нас хорошо, — может, по долгу службы. Не думаю, что они действительно полюбили нас, — особенно, после того, как я выиграл 100 фунтов у их «однорукого бандита»[17] в столовой. У каждого в БИ-БИ-СИ, наверное, сердце кровью облилось, когда их денежки ушли на сторону!

К этому времени мы уже обкатали на концертах несколько песен для предстоящего альбома, и пора было думать о продюсере. Мы получили Джимми Миллера, продюсировавшего альбомы Rolling Stones «Exile On Main Street» и «Goats Head Soup». Так что удача сама начала искать нас. Годы борьбы, наконец,

стали давать свои плоды, а Фил и Эдди перестали ныть из-за отсутствия перспективы (это не значит, впрочем, что они вообще перестали ныть!). Старт был дан в ноябре, когда мы стали хэдлайнерами в Hammersmith Odeon, то есть там же, где Blue Oyster Cult так основательно трахнули нас со звуком более трёх лет назад. В зал набилось 3000 фанов, подбадривающих нас. Мы почувствовали энергию — наше восхождение в рок-звезды началось.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Любители пива и скандалисты (Beer Drinkers and Hell Raisers)

У нас было только две недели, чтобы записать «Overkill», наш второй альбом и первый для Bronze. Однако, учитывая наш студийный опыт, для нас это была уйма времени, — мы всегда записывались очень быстро. И с большим удовольствием. На этот раз это была студия Roundhouse, что находилась рядом с одноименным клубом в северном Лондоне. Джимми Миллер (Jimmy Miller) был превосходен, как и техники Тревор Халлеси (Trevor Hallesy) и Эшли Хоу (Ashley Howe). «Overkill» должен был стать для Джимми Миллера альбомом-возвращением, каким он и получился. Он плотно сидел на героине (пристрастившись к нему, наверно, ещё во время работы с Rolling Stones) и потерял из-за этого пару лет. Как только «Overkill» попал в чарты и в итоге достиг 24 места, ему поступила масса предложений, но через несколько месяцев, работая с ним над альбомом «Bomber», все с горечью осознали, что он опять сорвался. Сейчас, вспоминая все это, я прихожу к выводу, что он сидел на игле и во время работы над «Overkill», потому что начал постоянно опаздывать в студию и придумывать совершенно нелепые оправдания. Вот вам один инцидент, который хорошо демонстрирует его поведение!

В тот день он опоздал на пять часов, и мы все сидели в студии, валяли дурака за тысячу долларов в час, и бормотали: «Вот козел! Где он торчит?». Наконец он появился и еще в дверях начал свой рассказ — мы даже не успели сказать: «Ты ублюдок! Где ты был?» и тому подобное.

— Парни! Парни! Вы не поверите, что случилось! — начал он. — Я вызвал такси, а оно так и не приехало, и мне пришлось вызывать его по новой, а потом мы застряли в сугробе, представьте! А потом у него кончился бензин, и нам пришлось толкать машину до заправки! А потом у неё пропала искра, и пришлось вызвать с заправки другое такси, и я прождал его целую вечность. А потом машина тоже сломалась, и я три часа тащился по снегу! Только посмотрите на мою одежду!

Мы знали, что на самом деле он три минуты валялся в снегу перед входом в студию, так, что даже подштанники промокли — я это видел в окно! Но, во всяком случае, он был веселый парень и хорошо сделал свою работу. И постарался, чтобы она была оригинальной. Храни Господь его душу.

Как обычно, у Motorhead уже было готово несколько новых песен, обкатанных на концертах. Среди них такие, как «Damage Case», «No Class», «I Won't Pay Your Price» и «Tear Ya Down». Остальные песни мы написали в студии. «Козерог» (Capricorn) (кстати, это мой знак зодиака) был написан за одну ночь. Я помню, что соло для него получилось у Эдди во время настройки. Джимми включил запись, пока он дурачился со своей гитарой, и добавил эхо. Когда Эдди настроился и сказал: «Я готов», Джимми заявил: «Всё, соло у нас уже есть». Вот так мы сэкономили немного денег!

«Metropolis» тоже получился очень быстро. Как-то вечером я ходил на «Metropolis» в кинотеатр Electric Cinema в Портобелло (Portobello), а когда пришел домой, то написал песню за пять минут. Впрочем, в словах нет никакого смысла. Полная тарабарщина:

Метрополис, столкновение миров
Нет никого, кто был бы на твоей стороне
Мне наплевать
Метрополис — нечто новое
Нет никого, кто бы заметил тебя
Мне все равно

Что-нибудь понятно?

Но у меня есть кое-что и посодержательней. Например, мне всегда хотелось, чтобы Тина Тёрнер записала песню «I'll Be Your Sister», — мне вообще нравится писать песни для женщин. Я с женщинами даже сочинял песни. Некоторые радикальные фригидные феминистки (из тех, что мечтают заменить слово «manhole» на слово «personhole»[18], что есть полное дерьмо) заклеймили меня женофобом, но они ничего не смыслят в этом. Когда я вижу хорошую рок-вумен, я всегда готов помочь ей. Я никогда не требую никакого вознаграждения за помощь в продвижении женщин в рок-н-ролле, но мне возвращается сторицей. Пример тому — группа Girlschool. Они были совершенно неизвестны в Штатах, но в Англии какое-то время были весьма популярны. В марте 1979, когда мы начали наши гастроли, раскручивая «Overkill», — между прочим, наш первый заметный тур — они играли у нас на разогреве. Мы в значительной мере способствовали их первому успеху, и работа с ними нам тоже пошла на пользу.

Girlschool открыл один из парней в нашем офисе, Дэйв «Джиглз» Джиллиган (Dave «Giggles» Gilligan). Группа была из Тутинга (Tooting), южного Лондона. Я послушал сингл «Take It All

Away», выпущенный ими на каком-то маленьком лейбле, и решил, что они великолепны. К тому же мне нравилась сама идея девичьей группы — мне хотелось утереть нос этим напыщенным ублюдочным гитаристам, потому что гитаристка Girlschool, Келли Джонсон (Kelly Johnson), была не хуже любого гитариста, которого я когда-либо видел в своей жизни. Если она была в ударе, то играла не хуже Джефа Бека. Так что я сходил к ним на репетицию и пришел к выводу, что они замечательная группа. Вернувшись, я сказал остальным: «Они поедут в турне». Сначала парни скептически отнеслись к этой затее, но умолкли после первого же совместного концерта.

Girlschool были не только превосходной группой, они были очень злющими и не давали себя в обиду. На одном концерте, через пару дней после начала гастролей, они вышли на сцену и какой-то парень из зала крикнул: «Следующие! Уберите этих отсюда!», — а Келли подошла к микрофону и сказала: «Попробуй убери. А мы повеселимся». Хороший ответ, — мне нравятся девчонки, которые могут постоять за себя. И затем они грянули свою программу и просто порвали зал.

В первую неделю гастролей, когда мы выступали в Эдинбурге, мы сидели в холле отеля Crest — я, Эдди, Келли и вокалистка Girlschool, Ким МакАулифайф (Kim McAulifife), со своим другом Тимом (потом он стал другом их барабанщицы Денис Дюфорт (Denise Dufort). Понимаете? Нет большой разницы между рокерами и рокершами). Я не помню, где были Фил и остальные музыканты Girlschool. И я сделал Келли Джонсон самое убогое предложение, которое когда-либо сделал женщине в своей жизни: «Не хочешь подняться в мой номер и посмотреть «The Old Grey Whistle Test»?». Нет, черт подери, не так: «Хочешь, пойдем в мой номер и посмотрим телик?». И что показательно, — она согласилась! И мы удалились. А потом я узнал, что Ким наклонилась к Эдди и сказала: «Давай пойдем в твой номер и посмотрим «The Old Grey Whistle Test». Эдди немного смутился, но она встала и повела его к лифту, а Тим остался сидеть в холле! Потом Тим вышел из отеля, сел в фургон и уехал домой в Лондон, бросив всех девчонок в гостинице. Так что нам пришлось возить их в своём автобусе, чему я был очень рад. Они были замечательные и очень забавные девчонки.

Они могли быть настоящим наказанием — Келли порой вела себя почти как Кит Мун (Keith Moon): обычно она напивалась в стельку, а потом набирала воду в ванну и падала в неё одетой, и все в таком духе. В конце концов Келли ушла из группы, потому что влюбилась в Вики Блю (Vicki Blue) из группы Runaways и перебралась в Штаты. У Вики было американское гражданство,

так что, возможно, они поженились? Когда у меня была связь с Келли, она сама еще не понимала, что она лесбиянка, или, скорее, бисексуалка. Но, общаясь с ней, я понимал, что что-то не так, когда она самозабвенно пыталась достичь оргазма, и все напрасно. Но потом, после того, как она рассталась с Вики, она вышла замуж за какого-то парня, так что, может, мы с ней просто не подошли друг другу! Но это не важно. Она — превосходная гитаристка и очень милый человек и не важно, с кем она там трахается. Она мой старый друг, — как и все девчонки из Girlschool. Я всегда готов помочь им в трудную минуту.

Как всегда, я отвлекся, и если честно, здесь мои мысли, так или иначе, начинают путаться, потому что следующие несколько лет я помню плохо. Вот что получается, когда твои дела идут в гору, и ты играешь в рок-группе. Ты или месяцами в дороге, или в студии, или постоянно занят какими-то другими делами, — выступаешь на телешоу, радио или еще где-то — и очень часто даже не можешь понять, где находишься. События и люди смешиваются, и всё выглядит одинаково.

Однако, некоторые инциденты забыть просто невозможно, и финский фестиваль Punkahaarju, на котором мы играли в июне 1979, - определенно один из них. И вовсе не потому, что это был замечательный концерт. На самом деле — настоящий ужас. Фестиваль состоялся на берегу озера, а вокруг сосновые и березовые леса, настоящий грёбаный Пэр Гюнт, понимаешь. И публика оказалась тяжёлая, и играли мы ужасно, и звук был полное дерьмо, и вообще — слов нет, до чего было хреново. Когда мы ушли со сцены, то поняли, как облажались, и я бросил клич: «Ладно. Вперёд! Громи аппаратуру!». Я зашел за свои стеки и пинками свалил их на пол, — Ба-Бах! Эдди тоже пытался повалить свои — боже, как он был ужасен! Эд никогда не умел как следует громить аппаратуру. Потом Фил — Неуклюжий Чудило — прошелся по своим барабанам, но, думаю, больше изуродовал себя, чем свою установку. Наш роуди, Грэм, настолько вошел в раж, что столкнул колонки в толпу. Ну и так далее.

В качестве гримерки нам предоставили ужасный автофургон. Кондиционера в нем не было, а летом в Финляндии чертовски жарко и нет никакого житья от комаров. И ни капли алкоголя — катастрофа! Так что мы изнемогали от зноя в этой табакерке, и Крис Нидс (Chris Needs), корреспондент журнала Zig Zag, зашел к нам почему-то с этой металлической стойкой в руках. Стойка была небольшая, но, тем не менее, он за разговором с нами разбил ей одно из окон фургона. Наверное, просто забыл, что она у него в руках. Так что мы решили, что, поскольку всё равно испортили фургон, нам лучше скрыть этот факт, подпалив и

столкнув его в озеро — устроить похороны викинга. И все получилось просто замечательно, фургон плыл по воде прямо в стиле короля Артура, из него валил огонь и дым, и он утонул со всем драматизмом. Но на этом все не закончилось.

Вернувшись в отель, Фил и Эдди вытащили всю мебель и все остальное из своего номера и расставили в саду на улице. Это была точная копия гостиничного номера, только на открытом воздухе, — как я уже сказал, лето в Финляндии теплое. Потом по дороге в аэропорт мы устроили в автобусе потасовку едой. Нас на это спровоцировал водитель, заявив с сильным финском акцентом: «Если что-то случится с моим автобусом, если вы его загадите, — у вас будут неприятности!». Тут же все достали свои продукты и начали ими кидаться. Автобус был в жутком состоянии, весь в раздавленных фруктах и яйцах, но при этом никаких видимых повреждений. Потом, когда мы добрались до таможенного терминала аэропорта, у нас действительно начались неприятности.

— Кажется, вы натворили делов в Punkahaarju? — остановил меня таможенник.

— Это не я, папаша!

— Пройдите сюда, пожалуйста.

Они завели меня в комнату и отобрали паспорт. А потом, один за другим, в этой комнате оказались и все остальные. В камеру посадили всех, и группу, и дорожную команду, кроме Риша (Rish), нашего роуди, который отвечал за мониторы на сцене. Он зарегистрировался в отеле как Риш, что не было его настоящим именем, поэтому его пропустили без проблем, он сел на самолет и улетел домой, и не мог понять, почему он один в салоне. Все остальные просидели в финской тюрьме три или четыре дня. Всё, что у нас там было — один номер «Melody Maker», который мы зачитали до дыр, а я изучил эту газету буквально от корки до корки. Я читал раздел знакомств по объявлению, телефонные номера, рекламу, каждое гребаное слово. И кормили там просто отвратительно.

Наконец нас депортировали из страны. Они посадили нас на самолет до Копенгагена, где должна была быть пересадка на Лондон. Первый полет прошел нормально, не считая того, что Эдди тут же пролил свою водку с апельсиновым соком на шею женщины, которая сидела перед ним — мы отмечали свое освобождение. Потом мы пересели на второй самолет, и перед взлетом между рядами возник свирепый капитан.

— Я слышал о вас и вашей депортации из Финляндии, — обвёл он нас негодующим взглядом, — но если вы попытаетесь устроить бардак и на моём самолете, в Лондоне я сдам вас

полиции.

Мы были паиньками до самого Лондона, но когда приземлились, увидели на бетонке полицейских. «О, черт!» — подумали мы. Но они арестовали капитана! Оказалось, что он вел самолет пьяным!

Через пару недель после нашей поездки в Финляндию мы вернулись в студию и начали работать над нашей следующей пластинкой, «Bomber», с тем же Джимми Миллером. К тому времени он был уже совершенно невменяем, и это очень доставало нас. Он мог сказать, что ему нужно на минуточку отлучиться в туалет, и торчал там целый час, а когда выходил, то клевал носом. Однажды он пошел в туалет, да так и не вернулся, и когда мы пошли за ним, его там уже не было! Очевидно, он собрался разыскать своего дилера[19], и мы обнаружили его в машине, спящего за рулем. Даже будучи рядом, он всё равно отсутствовал. Когда у нас был готов сырой микс, мы переписали его на четвертьдюймовую пленку и включили послушать. Пока мы все это монтировали, Джимми клевал носом в своем кресле, а когда зазвучала музыка, он, наконец, проснулся, посмотрел на нас и начал двигать регуляторы, делая вид, что работает! А мы даже не пропустили запись через пульт, — но не стали говорить ему. Бедняга умер пару лет назад. Печально; он был замечательным парнем.

Забавно (а, может, и не забавно) — на «Bomber» попала одна из моих первых антигероиновых песен, — «Мертвецы не болтают» («Dead Men Tell No Tales») (которую мы на концертах часто объявляем, как «Мертвецы с вонючими ногами» («Dead Men Smell Toe Nails»)). Впрочем, эта песня не была посвящена конкретно Джимми. Эдди тоже спел на «Bomber» одну песню, «Step Down». Его задевало, что я находился в центре внимания публики, и он никак не мог изменить эту ситуацию. Мне надоело его нытьё, так что я сказал: «Ну, хорошо, черт тебя дери, тогда спой песню на этом альбоме».

— О нет, чувак, — запротестовал он. — Я, чувак, не умею петь. Я, мать твою, безголосый…

— Ты, чувак, — само совершенство, давай иди к этому долбаному микрофону.

Так что он спел с большой неохотой. И мне стоило огромных трудов заставить его петь эту песню вживую. Он ненавидел петь, но, право, он был хорошим певцом. Не понимаю, почему он не развивал в себе это. Позже в группе играл Вёрзел (Wurzel) и тоже отказывался петь, и он тоже был хорошим певцом. И пел во всех своих остальных группах. Так что я давно уже сделал для себя вывод, что гитаристы совершенно особый народ. Они скулят о

том, какие они художественные натуры, и какие недооцененные, и считают себя движущей силой команды… Когда такое начинается в моей группе, это действительно опасно.

В целом «Bomber» получился хорошим альбомом, но там есть пара неудачных треков, вроде «Talking Head». «Bomber», «Stone Dead Forever», «All the Aces» — замечательные песни. «Lawman» была выдержана в необычном для нас ритме — что тоже было неплохо. По большому счету «Bomber» стал переходным звеном между «Overkill» и нашим следующим альбомом, «Ace Of Spades», и в этом было его назначение. Пластинка поднялась в чартах на 11 место, так что для нас этот диск стал очередной ступенью к успеху.

В разгар работы над «Bomber» мы отыграли на фестивале в Рединге (Reading). Мы выступали в тот же вечер, что и Police с Eurythmics. Тогда выступить на рединговском фестивале было почетно, — в программе участвовало много разных групп. Рок-н-ролл еще не успел превратиться в упорядоченный беспорядок, каким он является в наши дни. В тот год мы продавали флаги с логотипом Motorhead, и на шоу они в изобилии пестрели в толпе, пугая некоторых наиболее претенциозных критиков из публики.

После Рединга мы закончили микшировать «Bomber», и Bronze устроили презентацию альбома в лондонском клубе Bandwagon Heavy Metal Soundhouse. Это было ужасно — я всегда ненавидел подобного рода мероприятия. Тебе полагается весь вечер всех развлекать, что невыносимо и вообще чертовски неприятно. Фальшивая чушь, вот что это такое. Нас куда больше волновало возвращение к гастрольной деятельности: мы впервые должны были дать несколько концертов в Германии, а затем вернуться и вновь прокатиться по Англии. К тому же у нас на сцене появилась новая игрушка: тот самый сверкающий огнями Бомбер.

Этот агрегат имел вид немецкого бомбардировщика времен Второй мировой войны, размером сорок на сорок футов, и был сделан из тяжелых алюминиевых труб. Он мог летать над сценой в четырёх направлениях; вперёд, назад и в стороны — первая такая световая установка в своём роде. Это была чертовски тяжелая штуковина, и если бы она когда-нибудь навернулась, то раздавила бы нас в лепешку. Но, как часть шоу, Бомбер очень внушителен и мы использовали его в нескольких турах. Однако ни разу не возили его в Штаты, потому что он был слишком громоздким для тех залов, в которых мы играли. Так что Америка, к сожалению, так и не подверглась настоящей атаке Motorhead.

В то время группа приносила немного денег, и то кому-то, а

не нам. После того, как «Bomber» попал в чарты на 11 место, стало ясно, что мы продолжаем идти вверх. Но никто в группе не видел прибыли. Всё, что зарабатывали, мы тут же вкладывали в дело. Хотя наше положение и так было стабильным. После выхода в свет альбома «Overkill» нам выплатили гонорар, и мы, наконец, нашли себе приличное жилье. До этого мы постоянно скитались по чужим углам. Эдди жил еще с пятью другими людьми, так что у него еще было более-менее приличное жилье. Фил жил с парой парней в Батерси (Battersea). А я целую вечность ошивался по чужим квартирам и шатался по Лондону с небольшим танковым планшетом времен второй мировой войны, в котором находились магнитофон, пять бобин с пленкой и пара носков. Правда, карты в нем не было. А она бы пригодилась мне в моих скитаниях по Лондону. Мне действительно нравилось вести подобный образ жизни, — можно было пожить неделю у очередной девчонки, а потом исчезнуть. Меня это устраивало. Но все изменилось, когда наши пластинки начали продаваться, — наш быт значительно улучшился, пусть мы переехали и не во дворцы.

Конечно, иметь свой дом совсем не обязательно, когда большую часть времени ты проводишь на гастролях. Мы давали примерно по пятьдесят три концерта с двумя выходными, прежде чем сделать перерыв в гастрольном графике. В туре по Англии в первом отделении у нас играли Saxon. Они были славные ребята, но со странностями, потому что не пили и не курили. У них в номере всегда был электрический чайник. Нам это казалось довольно странным. Интересно, что их барабанщик Пит Гилл (Pete Gill) через несколько лет присоединился к Motorhead. К тому времени он уже сильно пил. А после того, как влился в наш коллектив, он стал пить ещё больше! На гастролях с Saxon я также открыл для себя иглоукалывание. Мы с Бифом (Biff), вокалистом Saxon, оба сорвали наши голоса (по всей видимости, здоровый образ жизни не больше пошел ему на пользу, чем мне — мой). У Фила была знакомая, интересующаяся иглотерапией, она утыкала всего меня иголками и подключила их к 12-ти вольтному тракторному аккумулятору. Я восстановил свой голос через 20 минут. Биф не решился на это и продолжал страдать.

В самый разгар наших гастролей Bronze выпустили миньон с четырьмя песнями («Leaving Here», «Stone Dead Forever», «Dead Men Tell No Tales», и «Too Late Too Late»), записанными вживую. В шутку я попросил лейбл назвать эту пластинку «Золотые годы» (The Golden Years) — оказалось, что это и были наши лучшие времена (наверное, я тогда интуитивно догадывался об этом). Эти песни были довольно ужасно записаны, но пластинка попала в чарты.

В июле мы играли в Bingley Hall в Стаффорде, и нам вручили серебряные диски за альбом «Bomber», — он разошелся тиражом более 250000 копий. Эти диски нам вручила актриса, двойник Королевы Елизаветы. И каждый из нас троих преклонил колено, словно нас посвящали в рыцари. Между прочим, эта женщина до сих пор играет роль королевы, только постарела, конечно. Да и настоящая королева тоже нынче выглядит не лучшим образом. Я плохо чувствовал себя на том шоу — после того, как мы отыграли, я вырубился за кулисами, и для выхода на бис меня пришлось приводить в чувство. Я уже не помню, почему — наверное, не спал дня три. Так что я потерял сознание, а Фил и Эдди, два несчастных ублюдка, решили, что я увиливаю от работы! Я сидел в гримерке с влажным полотенцем на голове, а эти два мудака кипятились рядом: «Черт возьми, чувак, чем ты, твою мать, занимался три дня?! Ты охренел! Ты! Мудила!». Они волновались, что мое поведение испортит им их карьеру и всё такое. Боже мой! Чья бы корова мычала! Если у Эдди брали интервью, а он в это время оказывался нарезавшимся до неприличия, он обязательно уличал меня в пьянстве! Он заявлял: «Лемми пьет не в меру», и, говоря такое, всегда был пьян! Но никто не замечал таких совпадений.

После того концерта я объяснил в прессе свое падение тем, что в тот день после обеда у меня трижды отсосали. Частично это было правдой. За кулисами было полно девчонок, и там была очень миленькая маленькая индианка — она была второй из них. В том концертном зале была одна комната, в которой было множество подушек, а стены завешаны шалями. Такой гребаный мальтийский сон. Так что я заперся там вместе с ней и не выходил — а что бы вы сделали на моем месте? А? Хотел бы я знать, где она теперь?

Вскоре после этого выступления в Стаффорде мы начали репетировать и готовиться к записи следующего альбома. «Ace of Spades» стал одним из наших самых «долгих» альбомов, если говорить о студийном времени, используя специфический термин. И работалось над ним гораздо легче, чем над предыдущими альбомами, потому что мы вошли в колею и ничто не могло остановить нас. Нас, конечно, и сегодня не остановить, а тогда тем более, — популярность группы росла по всей стране — «Bomber» добился большего успеха, чем «Overkill», а «Ace of Spades» обещал стать ещё лучше. Наши дела шли в гору, и мы понимали, что эта пластинка будет хитом. Мы были в ударе. Тогда я еще не понимал, насколько мы обречены. На самом деле это был конец главы, а не начало. «Ace of Spades» стал пиком этого состава Motorhead. Я начал задумываться над этим только

во время записи «Iron Fist» — из огня да в полымя!

С начала августа по середину сентября 1980 мы около шести недель работали в студии Jackson в Рикменсуорте (Rickmansworth). Продюсером стал Вик Мэйл (Vic Maile). Я знал его еще по Hawkwind, когда Вик работал на Pye Records. У него была своя передвижная студия — Hawkwind арендовали ее для записи «Space Ritual» и он прибыл вместе с ней. Вик был замечательным человеком и прекрасным продюсером, просто блестящим. Он болел диабетом, от которого позже и умер. Это вечная тема — лучшие люди всегда уходят от нас. Вот почему я еще жив.

Поклонники Motorhead считают альбом «Ace of Spades» классикой группы, и я должен сказать, что это превосходная подборка песен. Мы получили огромное удовольствие, записывая эту пластинку. Это были хорошие времена; мы были победителями, были молоды и верили в свое дело. С годами ты становишься циничней. Но это не твоя вина, конечно. Просто становится ясно, что жизнь — не только попкорн, боулинг и пиво… Это джунгли. Но в молодости я никогда не думал об этом. Я не голодал, как видите, и наслаждался жизнью. Когда ты молод, ты король этой жизни!

Как обычно, в песнях альбома было много забавных моментов. В «Ace of Spades» было несколько тактов типа чечётки — такой, знаете, легкий, звенящий ритм. В этот момент мы всегда представляли себя отбивающими чечетку. Я использовал игровые метафоры, главным образом карты и игру в кости, — хотя, что касается азартных игр, я предпочитаю игровые автоматы, но нельзя же петь о крутящихся фруктах и барабане. Главным образом это песня о покере: «Я знаю, ты заметил, как я побледнел, увидев свои карты», «И снова «рука мертвеца» — тузы и восьмерки» — я имел ввиду карты в руке «Уайльд Билл» Хиккока (Wild Bill Hickock) в тот момент, когда его застрелили[20]. Честно говоря, хотя «Ace of Spades» — хорошая песня, меня от нее уже просто воротит. Двадцать лет прошло, но всякий раз, когда люди думают о Motorhead, они тут же вспоминают «Ace of Spades». Словно мы окаменели после этой пластинки, как ископаемые. У нас записано еще несколько хороших альбомов с тех пор. Но фаны хотят слышать эту песню, вот мы и играем ее до сих пор каждый вечер. Лично меня она уже просто достала.

Главное, что я помню о «(We Are) The Road Crew» (Мы — дорожная команда) — это Эдди, лежащий на спине в студии и умирающий от смеха, и его фонящая гитара, которую он бросил на середине записи своего соло. И мы решили для смеха так всё и

оставить. Для этой песни я впервые написал текст за десять минут. Это к тому, сколько времени мне надо для сочинения слов в студии. Я помню, как начал набрасывать слова, когда Вик ушёл перекусить — он был вынужден бороться со своим диабетом. Он еще не успел намазать маслом свой первый крекер, когда я появился и сообщил ему: «У меня готовы слова».

— Отвяжись, — сказал он, — я еще не доел.

Он здорово удивился, когда до него дошло, что я действительно написал слова. Я и сам был немного удивлён. Текст за десять минут, — очень неплохо. С тех пор я написал еще несколько песен с такой же скоростью.

Один из наших роуди расплакался, когда впервые услышал эту песню. Не помню, кто именно это был. Мы тогда пригласили почти всю дорожную команду в студию и исполнили для них эту вещь. И один парень расчувствовался и пустил слезу: «О, это потрясающе. Замечательно». Хорошо, когда песня производит на кого-то такое сильное впечатление. Группы, как правило, не жалуют своих роуди. Я стараюсь поступать наоборот.

Мне досталось от феминисток за несколько написанных мной песен, но почему-то они никак не отреагировали на «Jailbait». Они ни разу не упомянули эту песню, какая несправедливость! По большому счету, песни на «Ace of Spades» были написаны мной на основе личного опыта. Как, например, тема «Ловить интересней, чем поймать» («The Chase Is Better Than the Catch») — неплохая вещица, не так ли? Я хочу сказать, что чем больше вы сближаетесь с кем-нибудь, тем вернее умирает влюблённость. Девчонки оставляют свои трусики в ванной, и, оказывается, у них есть какие-то странные привычки, о которых вы даже не подозревали, и с этим вы сталкиваетесь почти сразу же. Это конец, знаете ли, — это фатально для всяких отношений.

В свежий, холодный осенний день мы организовали фотосессию, чтобы сняться для обложки альбома. Все считают, что мы снялись в пустыне, но это было в Южном Мимсе (South Mimms), к северу от Лондона. Прикиды в стиле «вестерн» были идеей Эдди; ему очень хотелось походить на Клинта Иствуда (Clint Eastwood). Имейте в виду, что на тот момент я был единственным, кто побывал в Америке. Однако мы все классно выглядели, нарядившись стрелками. Возникла небольшая проблема с гардеробом, — заклепки в виде пиковой масти на моих штанах были расположены слишком далеко друг от друга. Я снял их с одной штанины и прикрепил на другую, так что меня можно было фотографировать только с одной стороны. Но кроме этого, все получилось просто замечательно.

После окончания работы над альбомом мы снова начали

выступать на телешоу и давать интервью, и я плохо помню детали. Но произошло несколько заметных событий. Одна съемка состоялась в ноябре, когда мы участвовали в шоу ITV под названием TisWas. Это утренняя детская передача по субботам, и всякий раз в ней участвовала очередная рок-группа. Ведущим шоу был Крис Таррант (Chris Tarrant), очень странный тип, но он понимал потребности детской аудитории: дети хотят видеть, как взрослых застают врасплох, понимаете ли; им это нравится. Фишкой программы были ведра с водой. Причём далеко не с теплой, — она чертовски холодная, и они все время окатывают тебя этой водой. И там был Призрак Флан Флингер (Phantom Phlan Phlinger): он подходил к кому-нибудь во время шоу и бросал в ему в лицо огромный фруктовый пирог. Это было очень весело, настоящий балаган. Мы пару раз участвовали в этой программе.

Однажды мы там были вместе с Girlschool и играли в игру музыкальных пирогов. Мне давали в руки пирог, и я должен был запустить им в лицо Денис, барабанщице Girlschool. Бедная девочка вся сжималась, и это походило на «я, конечно, дико извиняюсь, но придется это сделать, малышка». Всем крепко досталось на том шоу. Один раз в ноябре на Эдди Кларка вылили около шести ведер воды. Чертовски смешно. Там была клетка, в которую они запихивали людей. Зрители писали письма за несколько недель, предлагая себя в качестве жертвы. Чтобы попасть в клетку, приходилось ждать очереди, при том, что жертв в клетке забрасывали всем, что попадётся под руку. Там было большое корыто, полное всякой мерзости — какого-то мусора и липкой грязи — и под конец шоу все это опрокидывалось на жертв в клетке. Фил вызвался добровольцем, но его опередил наш менеджер, Дуг Смит, — второй раз оттуда он бы не выбрался. Ха-ха! Так что мы малость отомстили сукиному сыну. Отличное шоу.

Той осенью мы провели грандиознейшее турне «Туз в рукаве». Со своим Бомбером мы проехались по всей Великобритании, с задником Overkill со светящимися глазами, и на нескольких первых концертах у нас ещё были огромные пиковые тузы из неоновых трубок. Тузы долго не выдержали; они были слишком хрупкие и разбились в дороге. Примерно в это время наш прежний лейбл, Chiswick, выпустил миньон «Beer Drinkers» с песнями, оставшимися со времени записи альбома «Motorhead». Пластинка попала в хит-парады, поднявшись на 43 место, и, хотя мы с этого мало что имели, это всё равно пошло нам на пользу. Лишняя реклама не помешает, как вы понимаете.

Мы закончили турне «Туз в рукаве» четырьмя концертами в Hammersmith Odeon, а после последнего в отеле Clarendon для

нас была организована рождественская вечеринка. Там оказалось несколько стриптизерш-огнеглотательниц — замечательная, здоровая английская забава. Не знаю, откуда они взялись — но они участвовали в рекламной акции. Если бы это была чужая вечеринка, то, наверное, мне бы она понравилась, но, как я уже говорил, я ненавижу навязываемые мне мероприятия. Это ужасно, потому что ты только что сошел со сцены, ты усталый и измотанный. И в таком состоянии меньше всего хочется появляться в долбаном зале с баром и быть общительным. Я хочу сказать, кому все это надо?

После концерта я предпочитаю тут же завалиться в постель, если это возможно, разумеется. Хочется остаться один на один с какой-нибудь девочкой и просто пойти с ней куда-нибудь. Все равно, куда. В клуб или на заднее сиденье автобуса, куда угодно, ну, вы понимаете. Однажды я с одной девчонкой вышел из черного хода Hammersmith Odeon сразу после концерта. Ее звали Дебби (Debbie), и она была «девушкой с третьей страницы» журнала Sun. Потом я нечасто видел её (жаль, но Дебби больше нет с нами — мир её праху). Я ушел со сцены и передал свою гитару роуди. Дебби уже ждала меня, так что я подхватил ее и мы тут же исчезли за дверью, смешавшись с толпой, которая уходила с моего собственного концерта. Я шел по улице прямо посередине толпы. Некоторые узнали меня: «Это Лемми». «Нет, не может быть! Это не он! Забудь об этом. Только не он». Они не поверили, что я мог свалить так быстро, так что никто не попросил у меня автограф и всё такое. Это было действительно забавно, так одурачить их!

В конце декабря, мы отправились в Ирландию, для того чтобы дать еще несколько концертов. Вот когда Филти сломал себе шею. Это произошло в Белфасте после концерта; они со здоровенным ирландцем стояли на лестнице и валяли дурака, кто кого выше поднимет. Ирландец высоко поднял Фила, немного отстранился, чтобы полюбоваться своей работой — и шагнул в пустоту. Они полетели вниз по лестнице и Фил приземлился на свою шею. Мы подоспели к ним, — ирландец поднялся на ноги, а Фил остался лежать. Я сказал ему: «Ну, же, старик!». Он смотрел на меня с абсолютным ужасом в глазах: «Я не могу, мать твою, пошевелиться».

Мы отвезли его в больницу на Фоллс-роуд (Falls Road). Имейте в виду — все это случилось в Белфасте в субботнюю ночь, а Фоллс-роуд — это католический район. Господи Боже, только представьте! Кругом свистели долбаные пули! Мы приехали в эту больницу, а там лежали люди с огнестрельными ранениями и осколочными от взрыва бомб, и Фила тоже приняли. Его

положили на операционный стол, поддерживая голову так, чтобы он не смог ей двигать — впрочем, он всё равно не мог, даже если бы захотел.

— Я сейчас обоссусь, — стонал он, лежа там. Когда он это сказал, наш гастрольный менеджер, Микки, схватил меня и начал тянуть за дверь.

— В чем дело? — захотел я узнать.

Уже в дверях мы услышали слова медсестры: «Я просто вставлю вот сюда этот катетер, мистер Тэйлор». И когда дверь закрывалась за нами, раздался вопль…

— АААААА! Сука!

— Я просто хотел свалить оттуда прежде, чем он начнёт орать, как резаный, — сказал Мики.

Я предполагаю, что Фил подумал, что они как-нибудь проводят его в туалет, дадут ему помочиться и приведут обратно. Он счастливчик, — его могло парализовать до конца жизни.

Наконец Филти объявился, с огромной скобой на шее. Я вырезал из черной ленты галстук-бабочку и прикрепил его спереди, так что он стал похож на испанского официанта с зобом. У Фила появилась масса разных идей. Мы собирались выпустить книжку под названием «Мои европейские больницы», автор — Фил Тэйлор. Путеводитель по европейским неотложкам, понимаешь. Как видите, Фил — реалист. Как-то в одном турне его так скрутило, что он не мог свести свои ноги вместе. Парень не мог даже пройти по проходу между сиденьями. Он кое-как ходил такой странной неуклюжей походкой нарастопырку и думал, что быстро поправится, но на деле чуть совсем не слёг. Все то турне он простоял в автобусе на одном колене, словно делал предложение по всей Европе!

С выбывшим из строя Филти нам пришлось отложить европейский тур, который мы запланировали на начало 81 года. Тем временем Girlschool засели в Рикменсуорте (Rickmansworth), записываясь с Виком Мэйлом. У Вика появилась идея записать совместный сингл Motorhead и Girlschool. Мы сыграли песню «Please Don't Touch», которую в оригинале записала одна из моих любимых групп прошлого, Johnny Kidd and the Pirates. Эта команда напомнила о себе где-то в 1977, после смерти Джона, сократив название до The Pirates. Эта кавер-версия попала на миньон «Резня в День Святого Валентина» (The St Valentine's Day Massacre), который вышел 14 февраля. На обратную сторону мы записали песню Girlschool «Emergency», (вторая песня с вокалом Эдди), а девчонки — наш «Bomber». Во всех треках за барабанами была Денис Дюфорт, потому что Фил был вне игры. Этому синглу суждено было стать самым большим хитом как Motorhead, так и

Girlschool в британском сингловом чарте. Песня поднялась на пятое место, и мы появились на телешоу «Top of the Pops», назвавшись «Headgirl». На барабанах там играла Денис, а Филти танцевал и пару раз подпел.

За неделю до выступления на «Top of the Pops» совместный концерт Motorhead и Girlschool был отснят для ноттингемского телешоу Rockstage. Это выступление состоялось в зале Theatre Royale. У меня до сих пор сохранилась видео-запись того концерта. Под конец песни «Motorhead», я запрыгнул на наш Бомбер и целился, словно из автомата, своим басом в аудиторию. И застрял там. Техник, который отвечал за управление этим агрегатом, мотал меня над сценой, казалось, целую вечность, но прошла всего пара минут. Я держался там уже из последних сил. Он, чёрт бы его побрал, не торопился опускать этот самолет, и я думал: «Вот козел! Если вернусь на землю целым и невредимым, я, мать твою, грохну тебя!». Впрочем, всё это было едва ли заметно со стороны — эффект получился великолепным. Парень, виноватый в этой неразберихе, предусмотрительно чудесным образом исчез после шоу.

В конце февраля журнал Sounds провел читательский опрос по итогам 1980 года, и мы оказались первыми во всех номинациях. Я думаю, что мы даже попали в категорию «Лучшая вокалистка»! О, кроме одной позиции — я стал вторым, после Дэвида Ковердейла (David Coverdale), в категории «Секс-символ». Я не возражал — он был более патлатым!

К марту Филти оклемался так, что мы могли продолжить гастроли. В компании с Girlschool мы прокатились по всей Европе, потом я вернулся и организовал четыре концерта в Англии. Для концертного альбома «No Sleep 'Til Hammersmith» мы записали все английские выступления. Сначала мы собирались выпустить двойной альбом, но нам не хватало музыкального материала. Имеющихся песен хватало на три стороны, что было бы простым жульничеством. Между прочим, ни одно из записанных шоу не было в Hammersmith, — мы играли в Западном Рантоне (West Runton), Лидсе и два раза в Ньюкасле. Последние три выступления оказались лучшими, и песни мы выбрали из них. Также в Лидсе и Ньюкасле нам вручили серебряные и золотые диски за альбом «Ace of Spades», и серебряные диски за «Overkill» и сингл «Please Don't Touch». Однако, на этот раз награждение состоялось за кулисами.

Мы не стали ждать выхода «No Sleep ‘Til Hammersmith». В середине апреля мы отправились в Штаты, чтобы провести там наше первое турне. Мы играли в первом отделении у Оззи Осборна в рамках его тура «Blizzard of Oz». Пока мы

гастролировали, наша пластинка вышла в свет и тут же стала № 1. Я узнал об этом в Нью-Йорке — я еще спал, когда кто-то позвонил мне: «Вы на первом месте в хит-парадах», — сообщили мне. «Гммм — перезвони мне, а?» — пробормотал я и повесил трубку. Минут через десять до меня дошло, и я вылетел из кровати, как пробка из бутылки. Это был пик нашей популярности в Англии. Конечно, когда ты на вершине, остается одна дорога — вниз. Но тогда мы не понимали, что достигли вершины. Мы ничего не знали.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Храни нас в пути (Keep Us on the Road)

И вот мы оказались здесь, в Америке, в блаженном неведении, что в Великобритании Motorhead уже достиг своего пика. Мы действительно замечательно проводили время — Эдди и Фил никогда прежде не были в США; мне же всё было знакомо. Но с их помощью я по-новому взглянул на старые вещи. Неуклюжий Фил умудрился проехать через все Штаты без серьёзных травм, — правда, во Флориде его чуть было не убил салат. Они с Эдди, видите ли, привыкли к английским салатам; лист да пара вареных яиц. И вот в ресторане во Флориде они заказали себе по двойному салату — а я не стал им мешать. Я только наблюдал, как официанты прикатили две тележки — целый акр гребаной растительности! Так что Филу и Эдди пришлось с боями пробиваться через это предательское субтропическое болото. Что до меня, то я обошёл траву с овощами с фланга — слишком здоровая пища для таких, как я.

Прежде я не был знаком ни с Оззи (Ozzy), ни с кем-то из его группы, но в этом туре мне выпала такая возможность. Руди Сарзо (Rudy Sarzo) и Томми Олдридж (Tommy Aldridge) — неплохие парни, но они были тихонями. Они были всего лишь, знаете, басист и барабанщик. Ритм-секция, на самом деле, никогда не имеет большого влияния, если группа не принадлежит одному из них. Гитаристом у Оззи был тогда Рэнди Роудс (Randy Rhodes), и он был гораздо заметнее. Кажется, они с Оззи вместе писали песни. Помню, он был крайне слаб в «Астероидах», и я нещадно обыгрывал его всю дорогу. Я очень дружески относился к Рэнди и с глубокой скорбью воспринял год спустя весть о том, что он погиб в авиационной катастрофе. Однако, должен сказать, что он не был тем гитаристом, каким стал после своей смерти. Та же история, что и с Бобом Калвертом, который более или менее игнорировался в течение всей его жизни, а потом вдруг оказался великим гением. Рэнди был хорошим гитаристом, что и говорить, но не таким большим новатором, каким его стали воспринимать позже. Бог знает, что люди скажут обо мне после моей смерти!

Оззи был (и есть, разумеется) хороший парень. Ненормальный, но хороший. Конечно, трудно оставаться нормальным, когда люди на каждом твоём концерте бросают на сцену голубей со сломанными ногами и крыльями. Случалось, и другие вещи приземлялись к его ногам: лягушки, живые гремучие змеи, голова оленя, голова быка, и все из-за той истории, когда

он откусил голову голубю на переговорах с фирмой грамзаписи. Не знаю, как ему удалось продолжить свою карьеру после этого турне. Наверное, приходилось быть постоянно обдолбленным, если никогда не знаешь, что в следующую секунду прилетит в тебя. Теперь понимаете, что творится в душе у этого парня, не так ли?

Для Оззи это было действительно тяжёлое турне с нами. Он чуть не умер в той поездке: он был на вершине своей раздражительности и на самой глубине своего отчаяния, и своим поведением лишь усугублял ситуацию. В начале турне мы постоянно видели его до бесчувствия пьяным, валявшимся на полу. Наконец, его подруга (и позже жена) Шэрон взяла дело в свои руки и всё изменила, и это было замечательно. У меня были потом некоторые проблемы с Шэрон, связанные с коммерческими аспектами нашего бизнеса, но надо отдать ей должное. Вы не услышали бы новых альбомов Оззи Осборна, если бы не Шэрон, и, я думаю, Оззи первый признает это.

Американцы поначалу не знали, как воспринимать Motorhead. Было довольно много ругани на наш счёт, постепенно уменьшавшейся по мере продолжения турне Оззи. Кое-где поняли нас — мы получили хороший приём на побережьях, в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. Детройт и Чикаго также полюбили нас и до сих пор являются нашими главными гастрольными областями. Штат Огайо тоже был хорош, как и Техас. Об остальных мы в тот первый раз даже не беспокоились — они были полностью сбиты нами с толку. Думаю, большая часть Среднего Запада была скорее напугана нами; большинство зрителей не понимали, кем мы были. Американский лейбл Mercury выпустил по лицензии «Ace of Spades», но никто, кажется, не знал об этом. Фирма не сделала абсолютно ничего, чтобы продвинуть запись (впрочем, это не ново!). Так что всякий раз перед выходом на сцену мы были для публики явлением неизвестным и странным.

Хотя у нас уже появились фаны. Одним из них был Ларс Ульрих (Lars Ulrich). Он тогда ещё не был барабанщиком Металлики — он был обычным тинэйджером, живущим в Л.А. Он любил нас. Именно он отвечал за американский фан-клуб Моторхэда, который, я думаю, состоял из парней вроде него, которые имели тонны импортных пластинок. Те подростки были большими поклонниками Новой Волны Британского Хэви-Метал (New Wave Of British Heavy Metal), которая возникла к тому времени. Эта волна поднялась очень вовремя для некоторых групп — она вытолкнула наверх Iron Maiden. Правда, нам она не слишком помогла. Мы для этого появились несколько рановато…, а затем наша популярность возродилась слишком поздно для

бума большого металла и хард-рока конца восьмидесятых.

Если наше первое американское турне прошло с переменным успехом, то, вернувшись в Англию, мы возглавили огромное шоу в Port Vale Football Club перед 40000 зрителей, и Оззи Осборн, по иронии, выступал там перед нами; это к тому, чтобы вы поняли, насколько большой вес мы имели тогда в Великобритании. Это, наверное, стало самым громким нашим концертом когда-либо, тем более, что к тому времени всем уже была известна их оглушительная громкость. (По общему мнению, мы любили громкость, потому что иначе ничего не слышали, — были глухие!) В Port Vale мы выставили всё, что смогли — я имею в виду следующее: общая мощность усилителей составила 117000 ватт. Во время саундчека позвонил парень и пожаловался, что не может расслышать звук своего телевизора…, расстояние до него составляло четыре мили и это была одна только гитара Эдди! Ко всему прочему тем вечером был показан впечатляющий рекламный трюк. Во время нашего выступления невысоко над полем пролетел самолет и сбросил несколько парней с парашютами Моторхэд. Шестеро приземлились посреди нашего поля, а одному не повезло; он задержался с прыжком и попал на соседнее. Старикашка-фермер оказался свидетелем — он торчал там с лопатой, охраняя, понимаешь, свои владения от хиппи. Он рассказывал: «Да, этот последний парень свалился с неба, как мешок с дерьмом — бух! Его увезли на машине». Думаю, заблудший парашютист оправился от своих повреждений, потому что больше мы ничего о нём не слышали.

Нашей полиции мы тоже очень нравились — они постоянно пытались нас арестовать. Тогда это очень отличалось от того, как это делается теперь: мы не могли выйти из дома — копы караулили нас за дверью, а если это не помогало, задерживали нас на улице. Примерно в августе 81 года они поймали Фила с марихуаной стоимостью приблизительно на пять фунтов, и оштрафовали его в суде на сорок фунтов. Мелко и глупо, не так ли? Но это попало в новости, потому что мы были известные раздолбаи, как-никак — рок-звезды. Когда Фила задержали, Распутная Ирэн в тот момент была с ним, и у неё тоже нашли траву. Но оштрафовали только на 20 фунтов — наверное, потому что у неё сиськи больше, чем у него!

Вообще говоря, мы отлично провели то недолгое время на вершине успеха. Один очень удовлетворивший нас момент случился, когда мы играли на фестивале «Летняя ночь» (Summernight) в Нюрнберге, Германия, и должны были выходить на сцену после Blue Oyster Cult, которые так испортили нам звук на нашем первом концерте в Hammersmith Odeon. Мы не сделали

им ничего особенно плохого, — в конце концов, это была уже старая история. Мы просто не предоставили им аппаратуру — и все.

Примерно в это же время я записался с сёстрами Nolan (Nolan Sisters). Это была одноразовая халтура — я получил предложение по телефону и для прикола согласился. Мы записали песню «Don't Do That», и в группе были; я на басе, Кози Поуэлл (Cozy Powell) на барабанах и на гитаре — Микки Муди (Micky Moody, экс-Whitesnake). Коллин и Линда Нолан пели, а гастрольный менеджер Status Quo Боб Янг (Bob Young) также добавил бэк-вокал и арфу. Мы назвались Young and Moody Band и ещё сняли клип. Сестры Нолан были очень забавны — мы иногда сталкивались с ними, потому что поднялись в хит-парадах в одно и то же время. Все думали, что они маленькие сопливые девственницы, но это было не так. Они работали везде — даже выступали с Синатрой (Frank Sinatra) в Sands в Лас-Вегасе. У этих упрямых девчонок менеджером был их отец, но они были действительно великолепны. И чертовски прикольны. Однажды наш менеджер, Дуглас, разговаривал с Линдой Нолан в баре телешоу «Top of the Pops» и уронил на пол деньги. Когда он наклонился за ними, Линда ухмыльнулась и сказала: «Раз уж вы там…» Это было последнее, что он ожидал услышать от кого-то из сестёр! Возможно, он принял желаемое за действительное и ему всё показалось, но это шокировало его.

Я не понимаю, почему людям хочется думать, что женщины не любят секс, а которым он нравится, — ужасные и развращенные особы. Все любят трахаться. Мы должны бы уже дорасти до понимания, что секс — это то, чем он на самом деле является — веселье и отдых. Я много раз уже говорил, что секс — самая весёлая вещь, которой можно заниматься без смеха. Как я упоминал в начале этой книги, одной из причин, почему я занялся рок-н-роллом, была — женщины, и каждый в Motorhead всегда получал этого столько, сколько мог взять… или сколько его могли взять. Однажды в казино в Болтоне я сидел за игорным столом, и подошла одна девочка и тут же занялась делом. В это время появился Эдди: «Пора ехать, чувак».

«Можете подождать минуту?» — выдавил я из себя.

Тут он увидел высокие каблуки из-под скатерти и всё понял. Он оставил нас в покое, и я отъехал обратно в экстаз.

Приятные антракты вроде этого случались постоянно. Если дело касалось поклонниц, мы в группе действительно не беспокоились о качестве. Конечно, качество первым делом бросается в глаза. Люди под этим обычно подразумевают просто хорошую одежду, что для меня не имеет никакого значения. Я

встречал девчонок, выглядевших неважно, но имевших больше ума, интересней в разговоре и намного сексуальней, чем самые разряженные модели в мире. Это правда. Эти модели похожи на долбаных чистокровных лошадей — они выглядят шикарно, но часто тупы, как пробки. У меня были девушки, которых назвали бы неряхами, но я люблю их за честность и прямоту. Они похожи на меня — они говорят: «Я люблю трахаться! Ну, давай же!». На самом деле так всё и должно быть.

Очевидно, что слава в роке имеет свои плюсы (можно их насчитать предостаточно!), но время от времени появляются и минусы. В начале Моторной карьеры часто перед концертами мы торчали с фанами в барах, а это в итоге приносит свои отрицательные плоды. Появляются фаны, которые думают, что находятся в группе — они наряжаются, как я, и вообще порой видят в зеркале вместо себя — меня. Доходило до очень странных вещей. Постоянно встречались парни по имени Лемми, и детей называли Лемми, — несчастные малыши… больше того, — одна из них была девочка! А один парень дал своему сыну имя Килмистер. А сколько котов, крыс, собак, долбаных попугаев, всех подряд, — назвали моим именем! Мы тонули в обожании фанов, не говоря уже о проблемах со случайными психами, так что в конце концов вынуждены были перестать быть такими доступными, как раньше. Очень жаль; мне это нужно, потому что когда общаешься с подростками, получаешь реальную информацию о том, что творится на улицах.

Множество групп ограждают себя от этого, как только могут, и я считаю это большой ошибкой. Некоторые даже никогда не встречались со своими фанами, и не знают, кто они и как выглядят. Они только видят, уходя со сцены в свой маленький мир, как восторженно сияют их глаза. Такие музыканты много теряют. Мне до сих пор нравится общаться с фанами… если, конечно, это не какой-нибудь пьяный раздолбай, который, не переставая, горланит мне в ухо «Ace of Spades»! Мы записали ещё несколько альбомов со времён «Ace of Spades», так что если бы кто-то, нарезавшись, запел что-нибудь из наших последних вещей, я не стал бы так возражать!

Другая проблема популярности состоит в том, что некоторые обвиняют вас в продажности. На самом деле это их проблемы, а не мои. Коммерция — это когда каждый может купить — вот и все. Это не означает смены стиля. Например, наш первый альбом продавался не очень хорошо, и мы ещё вызывали доверие у улицы. Потом «Overkill» стал небольшим хитом, и некоторые фаны разочаровались в нас, потому что решили, что мы продались. Действительно глупо — разве они не видели, что

музыка, в основном, та же самая, только стала немного лучше от большей сыгранности после нескольких лет? Когда вышел «No Sleep Til Hammersmith», снова не обошлось без криков «Продались!», между тем как этот живой альбом состоял из песен того периода, когда мы ещё не были «коммерческими». Похоже, им просто нужно что-то ниспровергать для того, чтобы почувствовать себя элитарными зажравшимися снобами! Мы-то знали, что играли только то, что хотели, поэтому с лёгкостью игнорировали такое дерьмо.

1981 был самый лучший год для Моторхэда, но закончился на очень плохой ноте. В конце года мы гастролировали по Европе, когда убили моего соседа по дому, Энди Элсмора. Он был гей и снимался в порно. Меня не было в стране, когда кто-то проник в дом и нанес ему пятьдесят два удара ножом в лицо, шею и грудь, затем ему воткнули нож в зад и проткнули насквозь. Потом отрезали его член и запихали в зад. В конце концов они подожгли место преступления, пытаясь скрыть убийство. Бедный Энди ещё сумел проползти через весь коридор к комнате с телевизором прежде, чем умер. Там и нашли его. Кошмарный случай.

СМИ, конечно, всё переврали — заголовки кричали: «Motorhead причастен к убийству наркомана», и прочую гребаную ерунду. Это не имело никакого отношения к нам; меня не было целый месяц, и я не знал, с кем связался Энди. Наверняка это было убийство на почве гомофобии, иначе зачем было заморачиваться с членом и задницей? Вот такая невесёлая штука. Трагедия.

Но вернемся к группе. На этом этапе нашей карьеры, к сожалению, мы стали слишком самонадеянны. Наверное, это было неизбежно. Все, что мы делали до этого, превращалось в золото. Нам стало казаться, что волшебство будет вечным. Но «Iron Fist» не был способен повторить успех альбома, поднявшегося на первое место. Честно говоря, мы в любом случае были обречены. «No Sleep ‘Til Hammersmith» был концертник, и если живой альбом оказался на вершине продаж, следующий за ним студийник ему не конкурент. Мы получили много противоречивых рецензий, которые не слишком удивили меня. Но они стали неприятным сюрпризом для Эдди, который продюсировал альбом вместе с Уиллом Рэйдом Диком (Will Reid Dick), и это, я думаю, сломало его. Но всё-таки запись не была провальной в коммерческом плане. Она достигла четвёртого места — не так хорошо, как с последними нашими релизами, но всё еще довольно успешно.

Никакого разочарования всё же не наступило, и мы начали британское турне с больших надежд — гастрольный график был

очень хорош. Наш менеджер, Дуглас, придумавший нам замечательный Бомбер с прожекторами, с тех пор, как эта идея удалась, возомнил себя Человеком, Который Знает, Как Устроить Шоу. Потому для турне «Iron Fist» он решил превзойти самого себя. Даже за три дня до отправления мы ещё не знали, какое чудо он приготовил: «Мы кое-что сделали, и теперь вы не сможете что-либо изменить». Действительно, это было очень эффектно. Открывается занавес, но сцена абсолютно пуста — ничего нет, даже красных огоньков усилителей. Мы в это время находимся под потолком. Для нас был сделан помост на четырёх тумбах, со всей аппаратурой на нём — барабаны, усилители, свет, — целая сцена под потолком. Начинает звучать музыка, и мы спускаемся в облаках дыма и в сполохах огней, и по мере того, как мы спускаемся, открывается этот огромный Кулак и ярким светом бьют прожекторы из его пальцев.

Разумеется, в первый вечер Кулак как надо не сработал, и мы застряли. Сцена опустилась наполовину, остановилась, и занавес зацепился за неё. Люди могли видеть, как мы топтались на помосте: «Мать твою, что теперь делать-то? Как слезть-то отсюда?». Грязная скотина, конечно, чуть не свалился вниз из-за своей установки — Эдди поймал его в последний момент. Но прошло нескольких дней, всё наладилось и заработало великолепно. Правда, после этого тура мы никогда больше не использовали Кулак. Он вернулся в мастерские и до сих пор там.

В том туре у нас на разогреве играла группа Tank. Эдди продюсировал их. Они были группой нашего друга Элджи Уорда (Algy Ward). Элджи Уорд играл в Damned, а после увольнения собрал Tank. Он был басистом и лидером группы, как и я, и в этом качестве чувствовал себя прекрасно. Они очень хорошо работали с нами в Европе, но в Англии их жёны всё испортили. Жёны сговорились сопровождать их в турне, и всё бы ничего, будь они мужиками, но так — это смерть для любой группы. В моих словах нет никакого мужского шовинизма, — то, что жёны разлагают группу — естественно и неизбежно. Скажем, вас трое парней в группе — и вы расходитесь по трём гостиничным номерам после концерта, но вы там — одни в своих комнатах. А если с тобой твоя жена, тебе приходится всё время проводить с ней. Ты не обсуждаешь концерт с остальными, ты не пьянствуешь в гостиничном баре; ты — со своей старушкой, правильно? Она постоянно торчит рядом и есть много вещей, которые ты не станешь обсуждать при ней, потому что думаешь, что ей будет скучно и надо уделять ей побольше внимания. Так можно полностью испортить отношения в группе. К тому же многие жёны настраивают своих мужей: «Без тебя у других парней ничего

бы не получилось. Ты достоин большего» и всё такое. Это вызывает жалобы, разногласия и может вовсе уничтожить группу. Я видел такое много раз — так случилось и в моей группе! И вот результат — в Великобритании Tank испортил нам всё турне.

С тех пор, как мы стали рок-звездами, наша жизнь стала, как в «Spinal Tap»[21]. Кстати, «This is Spinal Tap» очень точный фильм. Тот, кто написал сценарий, явно провёл много времени в дороге с рок-группами. Мы были плохими ребятами в те дни…, и до сих пор пользуемся заработанной тогда репутацией! Люди боятся Motorhead — «Твою мать! Сыра нет! Где сыр?!». «Извините, мы не смогли его достать». «Что?! Не достать никакого чёртового сыра в большом городе в среду в шесть вечера?! Идите и найдите сыр!». Дело не в сыре, конечно, — сыр не имеет никакого значения. Дело в принципе, — я выхожу из себя, если они не выполняют свою работу. С какими только поручениями я не посылал промоутеров[22]и их помощников — «Делайте, что хотите, но достаньте мне это дерьмо!». Если это записано в райдере[23], - это должно быть, чёрт возьми, в наличии! Если роуди барабанщика захотелось «Твиглетс»[24] (как нашему, например), — он получал это. Наш нынешний гитарист, Фил Кампбелл (Phil Campbell), однажды послал парня за китайской едой и сказал ему, чтобы тот принёс ещё и порцию шариков Бен-Ва[25], - и парень вернулся с ними! Но есть одна вещь, которую мне никогда не понять, и это случается в каждой стране и во всём мире. В твоём райдере сказано, что тебе нужно много полотенец, правильно? А получаешь эти крошечные лоскуты размером с носовой платок. Ну не маразм?

Мы никому не позволяли ездить на себе. Однажды мы должны были играть на одной радиостанции. Радио Клайд (Radio Clyde), в Глазго. Надо было отстроить звук, но парень оказался настоящим мудаком, — он заставил нас ждать целую вечность. Всем известно, что люди на радио из-за своего самомнения наплевательски относятся к чужому труду. Так что мы просидели там без толку, и я сказал Эдди: «Всё, затрахали. Давай, устроим им…». Мы размотали пожарный рукав со стены, протащили его в дверь студии, закрыли дверь и включили воду. И уехали. Они не позвали нас снова — как некультурно с их стороны, в самом деле!

Копы в те времена действительно висели у нас на хвосте. Они обыскали дома каждого из нас, обшарили отели на гастролях, и даже дом нашего менеджера. Я жил в отеле Swiss Cottage, так они совсем истосковались без меня. К операции подготовились серьёзно: собаки, дверные тараны и все такое, и со всех — с двадцати пяти человек команды, трёх членов группы, с менеджера с женой и их штата — они получили полграмма

кокаина, немного марихуаны и одну таблетку мандрекса. В полицейском участке я спросил: «По какому поводу такая массированная операция?». «Анонимный сигнал», — ответил полицейский чин. «Нам донесли, что вы со сцены продавали зрителям кислоту». Боже, какой идиотизм! Я пою и играю на басе — когда у меня есть время, чтобы спуститься в зал: «Кто-нибудь желает кислоты?». Не говоря уже о том, что мне пришлось бы заменить свой патронташ на другой пояс! Гребаные жопы — как будто нет настоящих наркодилеров, чтобы их ловить. Пусть лучше ловят «Йоркширского потрошителя» и ему подобных, вместо того, чтобы возиться с группой, которая просто играет концерты и покупает немного наркоты для себя. Конечно, подобные рассуждения никогда не найдут понимания у полицейских.

Я предполагаю, что мои комментарии относительно жён всё ещё доводят до кипения радикальных феминисток (если вы так быстро закипаете, зачем вообще читаете эту книгу?). Но женщины есть женщины — как я упоминал прежде, я более чем счастлив работать с женщинами. Прежде, чем Motorhead начал своё американское турне, я заглянул в студию в Лондоне, чтобы послушать эту девичью команду из Франции Speed Queen, которые там записывали альбом. Певица Стиви была великолепна — у неё был голос такого же типа, как у нынешней (и получающей, кстати, гораздо меньше внимания, чем она заслуживает) Нины Си Элис (Nina C. Alice) из группы Skew Siskin. У них обеих живые грубые голоса — как у Эдит Пиаф, только в рок-музыке. Я даже подпел немного в одной из песен Speed Queen. Альбом был на французском языке, так что вряд ли кто-нибудь слышал его вне Франции. Спустя несколько дней после этого Motorhead прилетел в Торонто, чтобы записать несколько песен с Уэнди О. Уильямс (Wendy O. Williams). Тот проект закончился развалом того, что многие Motorhead-фаны называют нашим «классическим составом» (хотя те, кто так думает, вероятно, не слышали группу несколько последних лет).

О Уэнди и ее группе, Plasmatics, теперь почти забыли, но она была в неистовом авангарде панк-рока. Она распиливала гитары циркулярной пилой и взрывала полицейские автомобили на сцене. Однажды она направила машину в склад взрывчатых веществ в нью-йоркской гавани и выскочила в последнее мгновение. И после этого направилась во Флориду бороться с аллигаторами. Я подумал: «Эта чертовка восхитительна!». К тому же я видел ее фотографии, и она выглядела действительно классно. После нашего хитового EP с Girlschool артисты охотно сотрудничали с нами, особенно девчонки. А я на самом деле

люблю записываться с ними. Человек восемь мужиков в студии могут порой мешать друг другу — запись же с девчонками обычно приводит к лучшим результатам, потому что возникают интересные отношения, да и просто смотреть приятно! Острота и имидж — то, что нам было нужно, и было ясно, что от Wendy я всё это получу. Это сотрудничество рекламировалось как необычайный коктейль из панка и хэви-метал — двух враждующих течений в то время. Для записи мы отобрали моторхэдовскую «No Class», вещь Plasmatics «Masterplan», а для сингла кантри-песню «Stand By Your Man».

Продюсером, как и планировалось, стал Эдди, и опять, к сожалению, в компании с Уиллом Рейдом Диком — которого я вообще перекрестил в Evil Red Dick'a (Злой Красный Член). Работа пошла, мягко выражаясь, с трудом. Уэнди долго не могла въехать в мелодию, и это выводило из себя Эдди. Несколько раз она пробовала, и получалось у неё, скажу вам, просто ужасно. Можно было подумать, что у неё так ничего и не выйдет, но я знал, что всё будет нормально, если я помогу ей. К тому же Эдди в тот раз не играл на гитаре — он был только продюсером. В записи участвовали гитарист Plasmatics, я на басу и Фил на барабанах. Время шло, Эдди бездельничал и раздражался, и наконец сказал, что идёт обедать, но мы нашли его сидящим в другой комнате с Красным Злым, мрачного и надутого. Это было хреново. Может, мы справились бы с проблемой, если бы не Уилл Рейд Дик, с которым Эдди смог отдалиться от группы. Он должен был собраться и перебороть в себе это, и всё было бы сделано и забыто. Но мы закончили перебранкой, и Эдди покинул студию. Фил и я вернулись в отель позже. Фил ушёл первым, потом пришёл ко мне и сказал: «Эдди уходит из группы».

Вообще-то Эдди уходил каждые два месяца, но на этот раз наше терпение лопнуло, и мы не стали упрашивать его вернуться. Думаю, это его несколько удивило и окончательно укрепило в решении. Но он слишком надоел нам своей раздражительностью и тем, что снова стал очень много пить. Сейчас он перестал, и это здорово пошло ему на пользу. Так что Эдди отыграл только первые два американских концерта, в Торонто (есть видео этого шоу, но Эдди там ужасен, так же, как и я — на середине выступления у меня случилась судорога и я не смог играть), и в Нью-Йорке. Необходимо было срочно искать замену, чтобы продолжить турне, и мы выбрали Брайана Робертсона (Brian Robertson), ранее игравшего в Thin Lizzy. Технически он был лучшим гитаристом, чем Эдди, но в итоге не подошёл для Motorhead. С Роббо мы ещё быстрее покатились вниз, что, в общем-то, было несправедливо, потому что альбом, который мы

записали с ним, «Another Perfect Day», был очень хорош.

Оглядываясь на двадцать лет назад, сейчас я могу сказать, — это хорошо, что мы тогда упали, только-только встав на ноги. Motorhead не дожил бы до сегодняшних дней, если бы мы продолжали становиться всё более известными. Мы накупили бы домов по всей стране и отделились бы друг от друга. Так что, думаю, всё это пошло на пользу Моторхэду. Это важно для группы — быть голодными, это является хорошим стимулом для работы. И если вы хотите посмотреть на человека, который знает, каково это — долгое время бедствовать, — посмотрите на меня.

Но вернёмся к Роббо. Я знал его много лет — мы познакомились под столом в Dingwalls. Там была драка и все трусы попрятались. Попрошу запомнить, — он был одним из кумиров Фила, потому что Фил — конченый наркоман Thin Lizzy. И Брайан был великолепен в этой группе. На сцене он обычно носил белый костюм на шнуровке и выглядел классно с его длинноватыми вьющимися волосами. Он был свободен на тот момент, так что мы доставили его немедленно, и он прилетел в Торонто. С короткими волосами, выкрашенными в красноватый цвет. Я ужаснулся, но подумал: «Ладно, зато он хорош в компании». Оказалось, не хорош. Он был хорош только как гвоздь в заднице. Он был единственным человеком из всех моих групп, кому я угрожал физическим насилием — и он угрожал мне в ответ, если быть справедливым. У нас в руках были стулья и мы оба собирались дубасить ими друг друга. Но это случилось месяцы спустя: когда он появился в Моторхэде, единственной приметой надвигающейся гибели были гребаные красные волосы.

Постепенно мы получили больше улик. Когда Брайан только вошел в группу, я сказал ему: «Помнишь, у вас в Thin Lizzy была интересная штука со Скоттом Горэмом (Scott Gorham), — он одевался в чёрное, а ты — в белое и вы находились по краям сцены? Это было круто. Я ношу черное. Может, ты снова нарядишься в белое?». «Не, Лемми, я не могу», — сказал он. И всякое другое дерьмо, вроде того, что он хотел заключить контракт с нами только на один альбом. В общем, хотел подстраховаться на случай, если Motorhead пролетит. С этим ещё легко можно было мириться, пока он был безвредным. После его присоединения к нам в Торонто у нас было всего несколько часов репетиции перед следующим концертом в зале Harpo's в Детройте, но он играл как дьявол. Мы закончили американское турне в июне и улетели в Японию — впервые — и все то время он был великолепен.

Япония всегда любила Motorhead. Брайан после Thin Lizzy уже был там со своей группой Wild Horses, и сказал мне по

секрету (с его резким шотландским акцентом): «Не думай здесь, в Японии, получить то, на что рассчитываешь. Потому что они тут не ходят на головах. Просто сидят и хлопают в ладошки».

«О, не будь слишком уверен в этом, Брайан», — ответил я, — ты теперь в Motorhead». Наверное, это задело его.

Так что мы были достаточно уверены в себе, и когда занавес впервые открылся и зал взревел: «А-А-А-А! РЕММИ!», Блаян немного расстроился. «Блаян Лобертсон» — не слишком звучит, не так ли?

Я любил Японию так же, как они любили нас. Испытываешь некий шок оттого, что их культура абсолютно не напоминает западную. Девочки там гуляют стайками, но не возражают против маленького приключения. Большая компания их входит в ваш гостиничный номер и все раздеваются — это очень привлекает в них. Они не испытывают чувства вины, в отличие от нас с нашим суровым христианским воспитанием. У них в Японии Будда намного более цивилизованный. Большинство японских девчонок очень, очень милы и вежливы, что мне тоже нравится. В Америке, Англии и во многих странах Европы хорошие манеры не в чести, и большинство людей — высокомерные, отвратительные, глупые задницы, которые не дают себя трахать кому попало. Они обслуживают вас в одной единственной позиции и обдирают, как липку. В Японии так не поступают. Но не стоит ошибаться, — они при этом ещё и очень домашние.

Есть места, куда мы при случае всегда возвращаемся — бар Pip's был одним из них (к сожалению, его уже нет; теперь там караоке). Они были очень любезны и не ругались, если вам вдруг вздумалось полежать на полу. К тому же там было несколько автоматов для игры в пинбол, что меня пьяного всегда очень развлекает. И всё-таки это ничто по сравнению с галереями развлечения. Галереи развлечений невероятны — это как побывать в Старшип Энтерпрайз (Starship Enterprise[26]). Но самое невероятное, что я когда-либо видел в Японии, это человек двадцать японских рокабили-фанов, идущих по улице. У них всё было, как полагается — причёски пятидесятых, кожаные куртки, походка. Японские пижоны привыкают к Западу.

Брайан начал портиться, когда мы вернулись в Англию. На первом концерте в Wrexham Football Club он отыграл прекрасно. Мы были хэдлайнерами, и одними из первых выступала новая группа из Америки под названием Twisted Sister. Незадолго до этого концерта Twisted Sister стали большой сенсацией на MTV — MTV тогда, в 1982, только начиналось, — но это было их первое выступление в Англии и они были испуганы, бедные ублюдки. Я столкнулся с ними за кулисами — кучка странных типов, в каких-

то женских тряпках, и стучат зубами от страха. Я увидел, что они сейчас попадают в обморок, и сказал: «Слушайте, я выйду и представлю вас, если хотите». И они все: «О да, пожалуйста!», так что я вышел и сказал: «Тут за кулисами мои друзья, так что дайте им, блин, оторваться — Twisted Sister!». По крайней мере это гарантировало, что их не закидают бутылками. И они вышли и дали жару. Я ещё раз представлял их, когда они играли в Marquee — разумеется, я предполагал и ответные действия с их стороны, и певец группы, Ди Снайдер (Dee Schneider), несколько раз делал то же самое. Он также представил нас на MTV во время своего шоу. У нас было несколько хороших встреч с Twisted Sister. В конце года в Ньюкасле они записывались для телепередачи «The Tube», и в конце программы мы тоже вышли и устроили с ними джем на тему «It's Only Rock 'n' Roll». Я выбежал с одной стороны и пока надевал свой бас, Брайан внезапно появился с другой, и — БАЦ! — упал прямо лицом на сцену. Смешнее не придумаешь. Всегда можно было положиться на Брайана, если требовалось случайное развлечение.

Однако на следующем после Wrexham выступлении он был уже менее забавен. Это был стадионный концерт на Hackney Speedway в Лондоне, который организовали Ангелы Ада. Все до единого человека, кто устраивал, обслуживал это шоу, работал на него, — все они были Ангелами Ада. Они потеряли на этом целое состояние и никогда больше не пытались повторить подобное. Я помню одного из парней по прозвищу Козел. Он говорил мне: «Я знаю, где можно сперет генератор. На мототреке их навалом. Никто даже не заметит». «Обязательно заметят — отвечал я, — ещё и поймают тебя на этом». Но генератор у них всё равно появился. Так что оказались мы со всех сторон окружены этими здоровенными крутыми байкерами, и тут на сцену выходит Брайан с его красными волосами и в зеленых атласных шортах. Пронёсся недовольный ропот: «А это что ещё за п… в гребаных шортах?». «Это новый гитарист Моторхэда». «Да его убить мало!». Можно было физически почувствовать реальную угрозу. Брайан не знает, на каком волоске он висел — если бы я не остановил их, они бы в самом деле прикончили его. В конце концов, он выглядел, как их полная противоположность. Ангелы переполнены мужскими гормонами и не любят такое дерьмо! А он бравировал этим прямо у них на глазах. Принимая во внимание, что это похвально в социологическом плане, он действительно выбрал лучшее место, чтобы устроить подобное представление.

Брайан своим обликом продолжал шокировать и ужасать фанов повсюду в нашем европейском турне в конце года. Скажем

прямо — балетные тапочки и Моторхэд несовместимы! Он выделялся, как воспаленный большой палец, и, подозреваю, это то, чего он добивался. Этим он старался всем показать, что он не член Моторхэда, а просто приглашённая звезда. Наша фирма грамзаписи тоже не любила его. Я действительно думаю, что Bronze предпочла бы, чтобы мы распались в тот момент. EP «Stand By Your Man» не добился никакого успеха. Но мы всё-таки вошли в студию в марте 83, чтобы записать альбом.

«Another Perfect Day» демонстрирует большое влияние Брайана, который музыкально был очень неплох. Даже продюсер Тони Платт (Tony Platt) был человек Брайана, но он проделал очень хорошую работу и у меня к нему нет никаких претензий. Брайан, конечно, по своему обыкновению был «гвоздём в заднице», но мы боролись с этим. Единственное, что мне не нравилось в записи, это слишком много гитары — некоторые из соло могли бы быть покороче. Впрочем, бог его знает! Но всё остальное было превосходно. Хотя наши фаны возненавидели этот альбом. Они думали, что мы «ушли в коммерцию» — опять это слово! Альбом поднялся до 20 места, то есть вовсе не был таким «коммерческим», как они утверждали. Но «Another Perfect Day» выдержал испытание временем — теперь многие фаны поменяли своё мнение и полюбили его. Но тогда это не могло помочь нам.

Я думаю, что «Another Perfect Day» был интересным шагом для нас, и, наверное, было ошибкой, что мы мало экспериментировали раньше. Можно было бы продолжить в этом направлении…, но только не с Брайаном! После выхода альбома мы поехали с ним по Англии и Америке (это было идиотское турне — они не знали, что с нами делать, и объявляли с группами вроде Outlaws!), и зрители просто возненавидели Брайана. Во-первых, он отказывался играть старые песни, которые принесли нам славу — «Ace of Spades», «Overkill», «Bomber» и «Motorhead». Он не хотел быть связанным с нашим прошлым. Фил фактически был с ним заодно, и я мог бы их понять, но надо ведь смотреть на вещи реально; люди хотят слышать старый материал. Я имею в виду, что, придя на Little Richard'a, я ждал «Long Tall Sally», и если не слышал её, страшно разочаровывался. Хоть ты тресни, но Motorhead должен играть «Ace of Spades» — люди желают слышать «Ace of Spades» и это нельзя игнорировать. Слухи об отказе играть эту и другие песни стали очень плохими новостями. Да ещё эта одежда Брайана… В нашем последнем турне он носил что-то вроде тренировочных штанов, только сшитых из габардина, и привязывал к штанинам пару старых белых полотенец.

Плюс блестящие красные волосы. Он был просто нелеп.

Но я уволил Брайана не из-за этого. Я бы навсегда оставил его в группе, если бы он продолжал хорошо играть. Но когда он испортился и тут — он стал невыносим. Мы отработали часть европейского турне, осенью 83, когда стало доходить до смешного. Мы выступали в клубе Rotation в Ганновере, Германия, и только сыграли песню «Another Perfect Day», как он снова начал её. Я подошёл к нему и сказал: «Ты, мудила! Мы только что играли её!».

«О, извини», — сказал он и заиграл то же самое в третий раз.

Это был финиш, типа «всем спасибо и спокойной ночи!». Мы отменили остальную часть турне, потому что знали, что в том же духе продолжать невозможно. Брайан был никакой. Однажды в Испании я обнаружил его в холле отеля перед витриной с этими обычными гостиничными безделушками — хрустальными медвежатами и тому подобным дерьмом. Он упёрся лбом в стекло и, казалось, изучал это, но, подойдя вплотную, я увидел, что он спал, со своей дорожной сумкой на плече и с бутылкой Cointreau в руке. Мы оттащили его в машину, привезли в аэропорт и усадили в зале ожидания. Он сидел там с откинутой назад головой и открытым ртом, и детишки со своей испанской непосредственностью вставляли окурки ему в рот. На сцене он был не намного живее, так что пора ему было сваливать.

После возвращения из отмененного европейского турне мы с Филом приехали к Брайану в Ричмонд и сообщили об увольнении. Мы расстались вполне дружески — он ожидал этого.

Так Motorhead еще раз лишился гитариста. Я закончил год, записавшись, как басист и вокалист, на «Night of the Hawks», для EP Hawkwind «Earth Ritual Preview». К тому времени единственным человеком в Hawkwind, кто остался из моей эпохи, был Дэйв Брок — ясное дело, ведь это — его группа. Как Motorhead — моя. Я знал, что Motorhead продолжит свой путь вперёд, что бы ни случилось. Единственное, чего я не знал, — кто окажется в его составе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Снова в дурдоме (Back at the Funny Farm)

Найти нового гитариста оказалось делом несложным. Не успело выйти интервью в «Мелоди Мэйкер» (Melody Maker), в котором я упомянул, что мы собираемся пригласить какого-нибудь неизвестного музыканта, как посыпались предложения. Вот так очень быстро мы остановили свой выбор на двух гитаристах.

После прослушивания примерно семи или восьми парней мы с Филом ограничили выбор двумя соперниками. Некоторые из отсеянных тоже были хороши, но не подходили к Motorhead. В итоге Фил Кампбелл (Phil Campbell) и Мик Вёрзел (Пугало) Бёрстон (Mick «Wurzel» Burston) остались единственными, кого я хотел бы видеть рядом. Я никогда не слышал предыдущую группу Фила Кампбелла, Persian Risk, но, кажется, они записали пару синглов. Они выступали в Лондоне, когда мы устроили прослушивание, и на обратном пути из города он сказал: «Высадите меня здесь, парни. Мне надо кое с кем поговорить; хочу завести собаку», или соврал что-то вроде этого — действительно, нельзя же сказать, что ты собираешься на прослушивание, не так ли? После такого ты можешь и не добраться, куда хочешь. Фил довольно сильно нервничал, но был настолько уверен в своих способностях, что появился на прослушивании с таким видом, будто уже пришёл на репетицию. Он произнёс пару слов, подключился и пошёл поливать, ускоряясь и тормозя, кружа и взвиваясь, играя всё, что придёт в голову. Если это чем-то напомнит вам маньяка, вы будете правы. Со временем я узнал, насколько полно он этому соответствует. Определенно, легенда Моторхэда стала с ним ярче.

Вёрзел, напротив, когда вошёл — казался явным аутсайдером. Но я уже заранее был расположен к нему из-за письма, которое он прислал. В письме была фотография с глупым выражением лица и записка: «я слышал, вы ищете неизвестного гитариста. Так вот, — нет никого неизвестнее меня». Это сразу пришлось мне по сердцу. Однако, когда он пришёл, его колотило от волнения. Вдобавок ко всему, всю дорогу от вокзала он тащил в руках гитару и сумку с педалями. И оттянул, конечно, свои руки до колен.

— Вот мой список песен, — сказал он, и лист бумаги дрожал в его руке.

— Да чёрт с ним, давай его сюда! — сказал я, забирая список

у него, — Не волнуйся, чувак. Садись, выпей водочки, и всё будет в порядке.

Так что он выпил пару рюмок, а потом сыграл нам, и всё получилось замечательно. Обычно на прослушивании тебе предлагают какую-нибудь тему, и через десять минут ты должен сыграть её, но я в этом не вижу никакого смысла. Если тебе нужен хороший гитарист, дай ему играть то, что он хочет. Вёрзел позже сказал в прессе, что это было самым справедливым прослушиванием в его жизни. И это, очевидно, сработало, потому что он получил работу.

Нам очень понравились и Фил, и Вёрзел. Кстати, они оба наврали о своём возрасте — Вёрзел сказал, что он моложе, а Фил сказал, что старше. (Я единственный, наверное, кто никогда не лжет о своём возрасте). Мы не смогли выбрать из них кого-то одного, поэтому пригласили обоих на повторную встречу. План состоял в том, чтобы устроить между гитаристами сражение и посмотреть, кто из них выйдет победителем. А в утро заключительного прослушивания Филти оставил группу.

Наш менеджер, Дуглас, позвонил мне в девять утра и сообщил: «Через пять минут я заеду за тобой».

— Зачем? — спросил я.

— Надо увидеться с Филом Тэйлором, — сказал он, и я сразу понял, что случилось.

Я не особо наблюдал за Филом, но у меня складывалось впечатление, что он действительно не пылал энтузиазмом. Мы не обсуждали причины его ухода, но мне кажется, он захотел считаться серьезным музыкантом, в чём ему, по бытующему мнению, в Heavy Metal было отказано, хотя, если спросить меня, — это полная ерунда. На сегодняшний день «металл» — одна из востребованных разновидностей рока и, фактически, это настоящий рок-н-ролл. И чтобы добиться признания, требуются такие же талант и настойчивость, как и в любом другом стиле музыки. Так что это смешно — что ещё можно желать? Во всяком случае, я думаю, — это было одной из причин. И несмотря на наши неприятности с Брайаном Робертсоном, Филти оставался одним из самых преданных фанов Thin Lizzy. И хотя он вместе со мной увольнял Брайана из Motorhead, он продолжал считать его более высокой планкой, чем Motorhead и, возможно, уже тогда рассчитывал вскоре оказаться в одной группе с Брайаном. А вообще-то кто его знает — может, он просто хотел уйти от меня!

Как бы то ни было, мы с Дугласом приехали к нему домой, и он объявил нам: «Я ухожу».

— Чувак, ты не мог выбрать лучшего момента! — сказал я. Как раз в этот день у нас прослушивание двух гитаристов,

которые приезжают из Челтенхема и Уэльса, и вдруг я остаюсь без барабанщика! Но, надо признать, — Фил при этом оказался джентльменом. Группа вскоре должна была сниматься для сериала «Young Ones», и он отработал с нами всё, что планировалось. Он действительно ушёл прилично, в отличие от некоторых прежних членов Моторхэда.

Однако, это было слабым утешением перед тем, как днём мне предстояло встретиться с Вёрзелом и Филом Кампбеллом. В течение нескольких часов я был единственным членом Motorhead. Я действительно не знал что делать и когда добрался к месту репетиции, я сказал им: «Фил немного припозднится. Вы пока посидите несколько минут, поговорите друг с другом, выпейте. А я схожу тут недалеко, через дорогу». Затем я вышел и четверть часа сидел за однорукими бандитом в пивной. А когда возвратился, — поймал окончание их разговора:

— Я играю это, а ты в это время можешь играть другую партию.

Они уже обсуждали, как убедить меня взять их обоих. Но им не стоило волноваться, потому что я уже думал об этом. Четыре музыканта позволяют играть гораздо более разнообразный материал — с двумя гитаристами как раз и представится такая возможность.

Очевидно, это сказалось бы на нашем заработке, но следующее десятилетие доказало правильность такого решения.

Как только это было решено, я сообщил новости о Филти. Все впали в уныние, но ненадолго. Фил Кампбелл предложил на замену Пита Гилла (Pete Gill), и мне это показалось хорошим выбором. Я помнил его мощный аттакующий стиль, когда он в составе Saxon ездил с нами в турне 1979 года. Позже я узнал, что Брайан Дауни (Brian Downey), прежний барабанщик Thin Lizzy, был не прочь влиться в Motorhead — жаль, что тогда я не знал об этом (и что бы сказал Филти?). Но Пит хорошо поработал с нами нескольких лет. Мы попросили его помочь, и он был обоими руками «за». Он приехал, и мы сыграли пару песен, а потом стояли там с глупыми улыбками на лицах, настолько круто всё прозвучало.

Пит был довольно странный тип. Он пил, когда только присоединился к нам, а пьяный он — один из самых забавных раздолбаев в мире. Но потом он завязал и превратился в прирожденного бегуна и неуживчивого типа. Он вообще-то трусцой, как это принято, не бегал. Он просто спускался в закусочную и завтракал, а затем бежал назад, как будто его кто-то все время подталкивал. Я знаю это, потому что мы однажды проследили за ним! Он начал делать действительно странные

вещи, этот Пит. Порой он вдруг неожиданно раздевался. Когда мы играли с ним первый наш концерт, в середине выступления вдруг пропало электричество, а он вскочил и спустил штаны, что показалось мне несколько необычной реакцией. Иногда он просто вываливал свой член. Однажды мы летели в самолете и стоило бортпроводнице пройти мимо, как он вытаскивал его и размахивал им за её спиной. А когда она возвращалась, закрывался газетой. В этом, на самом деле, мало смешного. Motorhead, конечно, ничего не стоит без демократии, но я не думаю, что уместно всюду размахивать членом, когда люди заняты своими собственными делами и не желают видеть такое. И ещё эти предметы у него за задним сиденьем машины — стек для верховой езды, защитный шлем и разноцветный зонтик. Я не претендую на знание того, что творилось в голове Пита, но я слышал, как однажды он вышел из туалета и заявил, что он гей. Это немного объясняет смысл некоторых его действий. Но была одна вещь, абсолютно бессмысленная, — черная записная книжка, которую он всюду носил с собой. Фил Кампбелл нашел её после того, как Пит был с нами уже года два. Он глянул и оказалось, — это было нечто вроде дневника или бухгалтерской книги, или типа того. Спустя десять дней после присоединения к группе Пит записал: «Фил Кампбелл должен мне пятьдесят пенсов». Боже, и говори после этого о бесполезной трате времени! Но все это было в будущем.

А пока мы полностью укомплектовали состав и всё было превосходно. Я помолодел лет на десять, настолько они рвались в бой. Для начала мы отыграли шесть концертов в Финляндии, чтобы разогреться как следует, и там оторвались по полной. Всю нашу финскую поездку мы просто умирали от смеха. Мы играли действительно хорошо и были вне себя от радости. Фактически это были, наверное, наилучшие времена, когда-либо бывшие у группы с Вёрзелом. Однажды ночью он был настолько пьян, что валялся на кровати, а роуди поливали его пивом. А я трахнул его подружку, для восстановления справедливости, потому что он уже поимел мою! Да, чуваки, те финские гастроли были подобны «Сатирикону» Феллини. Это было кошмарно и восхитительно! Я познакомился с несколькими замечательными девчонками в том турне. Однажды, помню, пришлось ехать четыре мили по карьеру до места концерта, которое оказалось чуть ли не сараем, и зал этот был забит битком. Не знаю, откуда, чёрт побери, там взялись люди! И у меня была просто невероятная девочка в ту ночь — шестнадцать лет и настоящая красавица. Она сняла свою дежду, и я в слезах пал на колени и благодарил Бога.

В другой раз финский светотехник застрял с тёлкой в

платяном шкафу — больше негде было, потому что мы все находились в комнате обслуги и, конечно, не пустили бы их в нашу гримёрку. Вот он и затащил её в шкаф, чтобы она могла без помех отсосать, а мы повернули шкаф дверями к стене. И от абсолютной темноты у неё забурлило в животе и она навалила в джинсы. Так он там и торчал, запертый с этой больной тёлкой, стонущей на весь этаж, в этой ужасной вонище! Наконец он выломал заднюю стенку шкафа и вырвался на свободу. Весёлые были гастроли…

Вернувшись в Лондон, мы немедленно устроили концерт в Hammersmith Odeon — это было 7 мая 1984 года. Там Пит Гилл и Рэт Скабис разбили писсуар в мужском туалете наверху. Hammersmith Odeon оштрафовал нас, но это ерунда. Мы убили публику той ночью — это был полный триумф. Мы как раз починили наш Бомбер — он был наполовину разворован цыганами. Они залезли туда, где он хранился и растащили на металлолом. Этот второй Бомбер оказался смертельно опасен. После одного концерта мы нашли трещину в металле позади крыла, так что вся конструкция могла разрушиться в любую секунду. Упади он на нас, уж поверьте, — всех бы переломал. И без того я постоянно бился об него головой. Однако он здорово оживлял наши шоу.

Очевидно, Motorhead собирался взять мир штурмом еще раз. Наши фаны были готовы к этому, и мы, конечно, тоже. Однако наша компания грамзаписи не разделяла нашего оптимизма. За время работы на Bronze у нас было много трений с ними, но, оглядываясь сейчас назад, я должен сказать, что люди там — особенно по сравнению с последующими нашими фирмами — были действительно замечательные. Но к 1984 году Джерри Брон перестал лично интересоваться нами, и это немного угнетало нас, потому что Motorhead был его звездный период. Bronze подписал много людей с нашей подачи — Girlschool, Tank. Даже Hawkwind.

Неприятности с Bronze начались уже после того, как ушёл Эдди Кларк. Им не нравился Брайан Робертсон и они, казалось, не особо верили и в новый состав. Для следующего альбома Motorhead они захотели сделать сборник наших старых песен, что было символично. Когда начинают копаться в старом дерьме группы, можно смело сказать — готовятся торжественные похороны. На Bronze, казалось, решили, что наша песенка спета, и впереди нас ждут одни неудачи (мы для них теперь сюрприз, должно быть!). Безо всякого сомнения они предпочли бы, чтобы мы распались. Тем не менее у нас для этого не было никаких причин, и я настоял, чтобы они, если уж им так хочется выпустить сборник, включили в него несколько песен нового

состава Моторхэда. Я также взял на себя отбор для пластинки старых вещей и написал комментарии к каждой песне. Вот так это и вышло под названием «No Remorse» (Никаких сожалений).

В конце мая мы записали шесть песен. Четыре из них — «Killed by Death», «Steal Your Face», «Snaggletooth» и «Locomotive» вышли на «No Remorse». Две другие появились на обратной стороне сингла «Killed by Death» и обе назывались «Under the Knife» — хотя были совсем разными песнями. Наверное, это сбивает с толку, но так оно и было задумано. Это то, что никогда не используется компаниями грамзаписи — некая глупость для собственной пользы. Это всемирное британское наследие, юмор в духе «The Goon Show», «The Young Ones» и «Monty Python». Некоторые люди не понимают это, но тем хуже для них. Вы, я думаю, смеетесь иногда. Смех укрепляет все лицевые мускулы и препятствует старению. Угрюмость способствует появлению ужасных морщин. Я также советую пить без меры — это помогает чувству юмора! Курение марихуаны сначала увеличивает чувство юмора безгранично, но через некоторое время оно утрачивается, и все, что вам остаётся — разговоры о космосе и прочее унылое дерьмо.

Но, как я уже говорил, в наших проблемах с Bronze не было ничего смешного. Они действительно очень хорошо раскручивали и «No Remorse», и сингл — надо отдать им должное. Но всё это было скорее последним одолжением. Они рекламировали альбом по телевидению; это, конечно, не было что-то грандиозное — просто видеоролики о том, как мы буйствуем, рекламирование нас, как «самой громкой группы в мире» и другие обычные вещи. Ничего особенного. Мы сделали фотографии для сингла, очень смешные, впрочем. Мы иллюстрировали различные способы, какими, предположительно, будем убиты — меня сажали на электрический стул, Вёрзела распинали, Фила сжигали на костре, а Пита расстреливали. Для последнего снимка мы нарядились, как мексиканские революционеры; винтовки и всё такое, и в перерыве направились в ближайший универсам покупать корнуэльские пирожки с мясом. Покупатели, завидев нас, занервничали. Они прижались к стенам, и пришлось их успокаивать: «Всё в порядке. Грабители так не одеваются. Было бы слишком очевидно».

Также мы летали в Аризону снимать видеоклип на «Killed by Death» — я не помню, кто платил за съёмки и не думаю, что Bronze. Наверное, мы снимали на свои деньги. MTV запретило клип по совершенно глупой причине. Я там ехал на мотоцикле с девчонкой за спиной и щупал её за ляжку. Вряд ли у публики встали дыбом волосы, однако на MTV это очень не понравилось.

Ерунда всё это — в клипе Майкла Джексона «Триллер» из земли вылезают всякие уроды и дерьмо вытекает у них из носов, и никаких проблем!

Как бы то ни было, кроме фотосессий и рекламных роликов на ТВ, никакой пользы от Bronze больше не было, и мы решили разорвать наш контракт с ними. За этим последовало почти два года юридических разбирательств, и всё то время мы не имели права записывать альбомы. Были и другие проблемы. Фил Кампбелл все еще был связан со старой фирмой Persian Risk, а Пит Гилл судился за какие-то деньги, которые Saxon, видимо, были ему должны. У группы была уже готова музыка для новых песен, но только мы с Вёрзелом могли бы подписать новый контракт. Всё Моторхэду давалось в десять раз сложнее, чем остальным.

Если мы не могли записываться, нам, естественно, оставалось одно — гастролировать. Наш первый концерт после сессий «No Remorse» состоялся на ежегодных мотогонках на острове Мэн. Мы выпили нахаляву много перно в тот день, и когда я потом проснулся в кровати, подумал, что в номере слишком жарко. И обнаружил, что мои ноги горят! Я заснул с сигаретой и кровать загорелась. Пришлось хватать все простыни и бросать их в ванну. Подобное дерьмо случалось с нами постоянно — однажды я проснулся и увидел, что подо мной тлеет матрас. Сигарета прожгла постельное бельё и матрас вот-вот должен был вспыхнуть. Только я успел выскочить из кровати, как матрас полыхнул до самого потолка! Я здорово напугался тогда.

После острова Мэн мы возглавили фестиваль Heavy Sound в Бельгии. Состав участников был классическим для той эпохи — в одном списке с нами были Twisted Sister, Metallica (к тому времени я уже хорошо знал их, и они до сих пор одни из самых преданных наших фанов), Mercyful Fate, Лита Форд (Lita Ford) (которую я знал ещё с Runaways), и ещё несколько менее популярных, давно забытых команд. Спустя месяц с небольшим мы впервые совершили гастроли по Австралии и Новой Зеландии.

Путешествие из Англии в Новую Зеландию — настоящий кошмар. Потребовалось тридцать два часа, чтобы добраться туда — в Сиднее три часа ожидания и винтовой самолёт на остров. Потом мы приехали в гостиницу и обнаружили, что, да, вода в умывальнике действительно закручивается в слив в другом направлении! Я включил телевизор и увидел двухлетней давности серию «Coronation Street». Это был лёгкий культурный шок — многие вещи там очень непривычны. На первом концерте в Данидине (Dunedin) публика была мёртвая. Через несколько дней, в Палмерстон-Норте, они устроили массовую драку. По толпе

проносились смерчи и ураганы — какому-то парню надавали по заднице, и в итоге театр чуть не разнесли. Впрочем, скоро всё наладилось — в Уэллингтоне и Окленде было замечательно. Потом мы перебрались в Австралию и там оказалось действительно очень хорошо. Австралия восхитительна, потому что напоминает старый американский Запад. Если уехать подальше от мегаполисов к маленьких городкам, можно увидеть все эти веранды и старые тротуары. Вы входишь в бар, а там крутятся вентиляторы под потолком, и тучи мух, и народ бухает без меры, как в старых салунах в вестернах.

Нас действительно любили в Австралии, особенно в Мельбурне, где жило большинство наших фанов. На одном концерте они подарили нам новые гитары. Вёрзел получил синюю, и прежде, чем мы вышли на сцену, мы слышали пение зала: «Кто этот парень с синей гитарой? Вёрзел, Вёрзел!». Один парень следовал за нами по всему континенту — для этого ему пришлось заложить свой видеомагнитофон. Он отстал от нас в каком-то городке на чертовски длинной трассе Аделаида — Мельбурн. Его машина сломалась; климат там далеко не гостеприимный! Но, видимо, это стоило того; он потом написал об этом.

В сентябре мы остановились дома ровно настолько, сколько потребовалось, чтобы обработать пару новых мелодий, вышедших позже на альбоме «Orgasmatron». А потом отыграли несколько концертов в Венгрии — прежде, чем развалился коммунистический блок. Это была очень необычная поездка. Никакой таможни вообще — мы прошли прямо в VIP-зал со всеми этими русскими, ошеломлённо смотревшими на нас. Очевидно, если вы собираетесь быть промоутером в коммунистической Венгрии, у вас должны быть знакомые пограничники, правильно? Никакого сомнения! Нас ждала машина, и мы промчались без остановок прямо до места концерта в Будапеште, где настроили звук и были отвезены в гостиницу. На следующий день, приехав на концерт, мы увидели целую армию оцепления, и эти венгерские чудаки ломились прямо через охрану. Они были так возбуждены, потому что, думаю, мы были первой за долгое время группой, игравшей там. Какое зрелище — тысячи людей, штурмующих венгерскую армию! Мы выступали перед аудиторией в 27000 человек. Получилось отличное шоу. Жаль только, что это событие похоронили за Железным Занавесом и никто ничего не узнал о нём. Я всегда находил, что, когда вы играете в этих угнетенных странах так называемого Третьего мира, — люди на концертах намного более отзывчивы и непосредственны. Они воспринимают всё с гораздо большим

энтузиазмом. Учитывая это, скажите — что цивилизация принесла нам? Притупила нашу чувственность и сделала менее открытыми и терпимыми. Цивилизация, несомненно, проклята, — Боже, храни свободный рынок.

Вернувшись в Англию, перед началом турне по раскрутке «No Remorse» (альбом вышел в Великобритании месяцем ранее) мы снялись в передаче ITV «Saturday Starship» (детская утренняя программа по субботам — преемник «TisWas»). Наверное, люди жаловались, что мы репетировали для шоу рано утром на стоянке автомобилей телестанции. Не знаю, в чём проблема — они сами назначили нам время 8:30 и установили сцену на автостоянке. Потом мы играли на фестивале «Wooaarrggh Weekender» в Норфолке, организованном журналом «Kerrang!». Мы выступили крайне неудачно, и, как это типично для Motorhead, концерт передали по радио.

Посередине нашего британского турне Вёрзелу пришлось лечь в больницу из-за камней в почках, так что мы закончили поездку втроём. Наш последний концерт был в Hammersmith Odeon, и ему разрешили сыграть в нескольких песнях. Его усадили в инвалидное кресло, и две порно-няньки выкатили его на сцену. Весь зал аплодировал ему — имейте в виду, что на тот момент он находился в группе меньше года! К тому же тем вечером мы получили серебряный диск за «No Remorse». Для группы, которая, как предполагалось, была при смерти, это стало неплохим достижением.

В конце 84 года мы путешествовали по Америке. Это было впервые для Фила и Вёрзела (Пит уже был там с Saxon), и я играл для них роль гида. Я действительно наслаждался в той поездке, потому что последняя пара лет с Филом Тэйлором и Эдди не была столь забавна, а с Брайаном вообще ни о каком веселье и речь не шла — полтора года кошмарной пытки, на самом деле. Но, как я уже говорил, если молодые парни присоединяются к группе, молодеешь и ты сам. В самом конце года мы сняли видеоклип для MTV — им захотелось, чтобы все мы ужасно фальшиво спели «Silent Night». И закончился декабрь несколькими концертами в Германии.

Несколько месяцев после этого мы не давали концертов, всё начало 85 года снимаясь на ТВ, — большей частью в Великобритании и пару раз в Швеции. Мы присутствовали на дебютном телешоу «Extra Celestial Transmission», или «Электрошок» (ECT), или «Сиськи Эрика Клэптона» (Eric Clapton's Tits), как я ласково назвал его. Это было хэви-метал-шоу, и организаторы попросили публику «одеться по-зверски». По такому случаю мне нарисовали невероятно натуральный двойной

шрам через лицо, и я нарядился гангстером; белый двубортный костюм, моя любимая черная рубашка, белый галстук и стильные тёмные очки. Мои друзья из Ангелов Ада смотрели передачу и предложили замочить того типа, что изуродовал меня!

Я также несколько раз снимался один. В Германии я выступил на телешоу с Кирсти МакКолл (Kirsty MacColl) (мир её праху: она была действительно замечательной девчонкой). Играл на гитаре, одетый, как пижон, в чёрных очках, и падал на колени во время соло — на самом деле я понятия не имел, что играл! На этом же шоу были и Frankie Goes to Hollywood, и я тоже выступил с ними. Им это почему-то очень понравилось, и позже, когда у них был концерт в Hammersmith Odeon, они попросили меня подыграть им в песне «Relax». И я всю песню играл на гитаре, не зная аккордов. Никто не понял, кто я такой — поклонники Frankie знать не знали о Motorhead — и были сбиты с толку.

У Frankie была вечеринка в Челси в отеле Holiday Inn той ночью, и мы пошли на неё. Гари Глиттер (Gary Glitter) еле стоял на ногах, с бокалом в одной руке и сигаретой в другой. И вокруг вертелись две девочки в басках, которые отчаянно хотели трахнуть басиста Frankie (только Холли Джонсон (Holly Johnson) и второй певец были геями). Им страшно этого хотелось, и он был единственным парнем, которого они не трахали. Всех других они уже попробовали, включая Моторхэд! Они делали тебе минет и на прощанье говорили: «Если встретишь басиста…», но он уехал со своей женой более чем за два часа до этого. Последний раз, когда я видел Холли Джонсона на шоу Frankie в Уэмбли, с ним был его дружок, огромный педрила, ярый обструкционист. Один из тех типов, которые защищают людей от всех, даже от друзей. Холли ушёл из группы, несмотря на то, что я говорил ему: «Ты совершаешь ужасную ошибку», и это было действительно ошибкой, потому что с тех пор никто ничего не слышал ни о нём, ни о ком-либо из его группы. А ведь они были очень знамениты какое-то время.

В том же году я познакомился с Самантой Фокс. Мы оба судили соревнование по пожиранию спагетти (что за животные там участвовали!). Я был ее фаном с тех пор, как увидел её снимки в журналах, и мы решили выпустить совместный сингл с песней «Love Hurts». Я записал фонограмму и дал ей послушать, но наши графики не совпадали, и, к сожалению, так ничего и не вышло. Сейчас она другая, и ничего от прежней почти не осталось. Она была умная девочка, но думаю, пошла по неправильному пути. Ее отец был ее менеджером, что всегда является ошибкой, и он привёл её прямо к забвению. Но, кажется, она вновь возникла из небытия — когда не так давно Motorhead

впервые приехал в Россию, в клубе промоутера я снова встретил Сэм Фокс! Ну и бурная же встреча у нас получилась!

Несмотря на то, что Motorhead в то время не имел права ничего записывать, это не мешало нам заниматься другими делами, вроде благотворительности. Джерри Марсден (Gerry Marsden) из Gerry and the Pacemakers собрал кучу народа, чтобы все вместе спели на сингле «You'll Never Walk Alone», доходы от которого пошли в фонд пострадавшим от пожара на футбольном стадионе Бредфорда. Мы с Вёрзелом участвовали там вместе с Филом Лайнотом (Phil Lynott) и Гари Холдоном (Gary Holdon), помимо других. Песня попала на первое место и заработала золотой диск. Вместе с Гаем Бидмидом (Guy Bidmead) я также продюсировал песню Ramones «Go Home Ann» для их миньона «Bonzo Goes to Bitburg». Жаль, что она не была одной из их более быстрых вещей, вроде «Beat on the Brat» или «I Wanna Be Sedated».

В конце июня Motorhead отмечал свою десятилетнюю годовщину, и мы устроили пару праздничных вечеров в Hammersmith. Это были развесёлые концерты. В первый вечер на сцене появились все, кто когда-либо играл в Моторхэде, и это было просто поразительно. Уэнди О. Уильямс и Girlschool тоже были там. На второй вечер снова собрались все, кроме Ларри Уоллиса. Даже Лукас Фокс был там, а ведь он находился в группе всего несколько месяцев. Так как мы не могли разместить на сцене три барабанных установки, на Лукаса мы повесили гитару, которая, как предполагалось, должна была быть не подключена. Разумеется, она оказалась подключенной, а вот у Брайана Робертсона — нет. Типично. И Фил Лайнот вышел на сцену, потому что не мог этому сопротивляться. Мы играли «Motorhead», а он понятия не имел, что играл (Эдди Кларк сказал ему: «Ля!» — он сам ничего не помнил!). Фил был моим хорошим другом, но никогда не слышал наших песен. Мы записали эти концерты, и Вик Мэйл на специальном миксе вывел погромче бас Фила и дал ему послушать, вогнав его в краску. Фил отомстил мне посмертно, когда пару лет назад я играл с группой Даффа МакКагена (Duff McKagen) на сцене Hollywood Palladium. Они начали «The Boys Are Back in Town», а я не знал её! Я договаривался с ними о другой песне, но они меня подставили.

Как бы то ни было, под конец второго концерта на сцену выкатили огромный праздничный торт, из которого выпрыгнула миниатюрная девчонка с большими воздушными шарами под футболкой. Я отвёл ее домой той ночью — фактически мы были вместе в то время. Кэти, вот как её звали… какая маленькая красавица! Мы выпустили видео того концерта, под названием «The Birthday Party». Наш менеджер хотел выпустить ещё и

альбом, но мы сказали — нет. Я думал, что это повредит продажам видео, и также думал, что это похоже на жульничество. Мы не считали, что запись была достаточно хороша для альбома, — в конце концов мы пять месяцев не играли перед этим. Это вызвало разногласия между нами и Дугом Смитом. Борьба и склока продолжались в течение многих лет, пока он, наконец, не победил. Теперь трудно сказать, почему мы были так непреклонны, но в то время это казалось по-настоящему важным.

После концертов в Hammersmith Odeon мы в течение месяца путешествовали по Скандинавии. Мы играли везде, где только можно было играть — и за Северным Полярным Кругом, и в каждом заштатном городишке. У них там в Швеции летом повсюду ярмарки, так мы не пропустили ни одной из них, проехали всю Норвегию и дали пару концертов в Финляндии (наш последний концерт был в Готенбурге (Gothenburg), Швеция, — там жил наш нынешний барабанщик, Микки Ди (Mikkey Dee), кто бы мог подумать! Мы назвали это «It Never Gets Dark Tour» (Тур незаходящего солнца), потому что летом там — пора белых ночей. Солнце только снижается над горизонтом, затем поднимается снова. В Норвегии нам попался кошмарный промоутер. Он постоянно сообщал нам неверные расстояния до места концертов, из-за чего мы опаздывали на паромы — Норвегия вся во фьордах, без паромов — никуда, половину из них мы пропускали и вынуждены были брать быстроходные катера. Это ужасно раздражало, и, не говоря уже о гораздо больших затратах, мы постоянно опаздывали на концерты. Однажды, когда мы очень поздно добрались до места, мы зашли в гримёрку и обнаружили там одно гребаное пиво в ведре с холодной водой, три йогурта, несколько бисквитов, фрукты и орехи — какая-то медвежья, блин, еда. Так что я сказал промоутеру: «Эй! Иди-ка сюда на минуту!» и запустил в него этими йогуртами прежде, чем он успел выскочил за дверь. Немного позже дверь приоткрылась, и в образовавшейся щели появилась бутылка водки. Наконец в Тронхейме (Trondheim) наше терпение переполнилось и мы вымазали его сырной пастой из тюбиков. Это было в пятый раз, когда нам пришлось взять катер, мы опоздали на два часа и были раздражены, как черти. Зрители всегда думают, что виновата группа, если концерт начинается с опозданием. И вот мы появились, наконец, на сцене, и этот мудак промоутер прислонился к колонкам, словно был тут главным, — как-никак это было в его родном городе. Наши роуди подкрались к нему сзади, схватили его, надели наручники, выволокли на сцену и стащили с него штаны. Потом они выдавили на него этот сыр, вымазали майонезом и другим подобным дерьмом, — всем, что

попало под руку. Наш тогдашний гастрольный менеджер Грэм Митчелл (Graham Mitchell) подошёл к микрофону и сказал аудитории: «Видите эту жопу? Именно из-за него мы опоздали сегодня вечером!». И после вынесения приговора его столкнули со сцены. Парень тут же помчался в отделение полиции — представьте; весь в этих помоях — и в такси! После концерта в раздевалке мы услышали ожидаемый громкий тук-тук в дверь, и перед нами возник этот чертовски гигантский (норвежцы очень высоки ростом) коп, вылитый гестаповец.

— Я думать вы делать нечто очень ужасный этому человеку, — сообщил он нам.

— Да? Он слишком подвёл нас своей ложной информацией, — и мы рассказали ему всю историю.

— Да, да, да! — сказал он. — Но этот никакой не причина вымазывать человека в сыр!

Казалось, этот сыр беспокоил его, а не физическое насилие. Всё было из-за сыра. Странно.

Вернувшись в Лондон, мы немного задержались там перед тем, как снова направиться в Штаты. Hawkwind участвовал в антигероиновой акции в зале Crystal Palace, я подключился и сыграл с ними несколько номеров. В этой связи я хотел бы упомянуть, что считаю все эти концерты против наркотиков посмешищем. Они вообще устраиваются идиотами, что уже вредит цели. И что, во всяком случае, вы делаете с деньгами, полученными от антигероинового концерта? Не покупаете на них наркотики?! Они передаются центрам по лечению и реабилитации, которые абсолютно бесполезны. Никакой нарк не станет слушать людей оттуда, которые гоняются за ним по молодёжным клубам, в которых и культивируется наркокультура, как протест против старшего поколения. Никто не хочет выглядеть в той толпе белой вороной. Методы, используемые в центрах — тоже не срабатывают: наркоманов запирают под замок, пока у них ломка, а потом освобождают и смотрят, вернутся ли они к старому. Это — все, что вы можете сделать. В этом нет никакого смысла, потому что героиновый наркоман сам должен хотеть остановиться. Он сам должен прийти к вам. И не стоит предлагать им центр реабилитации вместо тюрьмы — какой же идиот выберет тюрьму? И вот в центрах они переживают ломку и, возможно, избавляются от раздражающей тяги. Потом их выпускают и несколько месяцев наркотики обходятся им дешевле, поскольку организм отвык от прежних доз. С моей точки зрения, вся эта «война наркотикам» — полная ерунда.

Ладно, хватит об этом. Уэнди О. Уильямс и Plasmatics выступали в зале Camden Palace, и мы с Вёрзелом сыграли с ними

пару наших песен — «Jailbait» и «No Class». Они выпустили видео того концерта, если его сейчас можно найти. В следующем месяце, ноябре, мы уже были в США, а закончил я турне, появившись на MTV вместе с Ди Снайдером. К тому времени у нас появились очень хорошие новости: судебные проблемы с Bronze были решены, и мы могли начать 1986 год с записи нового альбома.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. (Не давай им) раздавить тебя ((Don’t let ‘em) grind ya down)

Конечно, Motorhead оказался не на каком попало записывающем лейбле. Наш менеджер, Дуглас Смит, убедил нас, что будет лучше, если мы будем работать с его компанией GWR (акроним Грейт-вестерн-роуд (Great Western Road), где был расположен его офис). Так что наши менеджер и фирма грамзаписи работали под одной крышей. К тому же Дуг и его жена также занимались реализацией товаров с символикой группы. Наверное, любой скажет, что это очень нездоровая ситуация — предоставлять менеджменту такую большую власть, но тогда никто и не думал об этом. Вот так, как всегда ничего не зная о состоянии нашего бизнеса, мы ломанулись записывать альбом «Orgasmatron».

«Orgasmatron» был нашим первым полноформатным студийным альбомом за три года, и состав музыкантов, если не считать меня, полностью отличался от состава, записавшего «Another Perfect Day», но это нас совершенно не беспокоило. Все четверо за время наших гастрольных туров, прошедших с выхода «No Remorse», успели привыкнуть друг к другу. Мы записали альбом за одиннадцать дней, что для Motorhead, как вы уже понимаете, было нормой. Вообще нам тогда очень легко работалось в студии, потому что ребята с огромным энтузиазмом относились к делу. Правда, в первый же день мы немного напугали нашего продюсера Била Ласвелла (Bill Laswell). Я и Пол Хадвен (Paul Hadwen), тогдашний руководитель фан-клуба, пьянствовали в одном баре и увидели в газете объявление «Fat-O-Grams» — стриптиз на заказ. Мы тут же подумали: «Это как раз для Фила Кампбелла!» и позвонили туда. Потом поехали в студию с Биллом Ласвеллом и его инженером, Джейсоном Корсаро (Jason Corsaro). Они только что прилетели из Штатов, и совершенно не знали нас — с Биллом я познакомился за полчаса до этого и ничего не сказал о «Fat-O-Grams». Так что Билл и Джейсон были простодушными американцами — «За дело, парни. Получится классно!», и так далее. А в вестибюле студии уже ждала эта крупная дама (позднее Фил сказал, что принял ее за чью-то мать), которая вошла в студию следом за нами с вопросом: «Кто из вас Фил?». И Фил сказал: «Я». Вау! Толстуха мигом сорвала с себя платье, и, оставшись в тесном бикини с сиськами

наружу, запела «Хэппи бёздэй ту ю!» (вряд ли, конечно, это был его день рождения — но мы ей так сказали!) И она схватила Фила и сунула его голову себе между сиськами — только пучок волос остался торчать между ними! Потом начала хлопать его своими дойками и чуть не сбила с ног! Это было великолепно! А Ласвелл и Корсаро на всякий случай спрятались за пульт и спрашивали оттуда: «Что это еще за фигня такая?». Вот так они познакомились с миром Motorhead.

Как оказалось, Билл прекрасно работал со звуком, но все испортил при микшировании. До его отъезда в Нью-Йорк альбом звучал гораздо лучше, чем когда он привёз его назад. Все мы — наши люди, люди Ласвелла — собрались для первого торжественного прослушивания готового альбома, и наш рекламный агент притащил ящик шампанского, чтобы, как положено, отметить это дело. Orgasmatron оказался — сплошная грязь. Как предполагалось, в «Ain't My Crime» должна была звучать гармония в четыре голоса, но Билл стёр три из них! Не буду допекать вас остальными «великими моментами». Достаточно сказать, что наш рекламный агент незаметно задвинул ногой ящик шампанского под стол, в то время, как менеджер Ласвелла безмятежно пританцовывал у двери. Положение было отчаянное. Я попытался заново смикшировать часть песен, но Билл и Джейсон мне почти не помогали, потому что это был их микс, он им нравился, а тут какой-то настырный музыкант пытается учить их собственному ремеслу… Хорошо, я соглашусь с тем, что в таких вопросах я придирчив, если вы считаете «придирчивым» желание сделать достойную работу!

Название альбома «Orgasmatron» родилось у меня не сразу. Рабочее название альбома было «Riding with the Driver» (каждый студийный альбом Motorhead, кроме диска «Bastards», которых мы записали в 1993, именовался по названию одной из песен), но конкретно этот трек не оправдал наших ожиданий. Тогда я даже не знал, что «оргазматроном» называлось одно хитрое изобретение в фильме Вуди Алена (Woody Alien) — я никогда не видел этот фильм, — но с тех пор мне постоянно твердят об этом! Тем не менее я сам придумал это понятие. Многие наши поклонники считают эту работу одним из наших классических дисков, и на нем и вправду есть несколько замечательных песен, — например заглавная и «Deaf Forever». Хотя я всегда буду критиковать конечный микс. Как мне кажется, только половина альбома звучит, как надо. Между прочим, на оригинальной обложке альбома имелась замечательная фотография Ларса Ульриха. За два года до этого он пришёл к нам на концерт в Беверли-сансет (Beverly Sunset), когда мы были в Лос-Анджелесе,

и нарезался до зелёных соплей. Он был тогда ещё пацаном, но нельзя говорить, что это я научил его пить — на самом деле я пытался тормознуть его, но он не хотел отставать от старших собутыльников! Вот так этот образцово-показательный момент в истории рока и появился на обложке.

Для раскрутки нового альбома мы вновь отправились на гастроли, и Дугласу пришлось снова превзойти самого себя и создать для сцены поезд Оргазматрон, изображенный на обложке альбома. Барабаны были установлены впереди поезда и выезжали на рельсах на середину сцены — получалось, что Пит приезжал на поезде. Но эта штука никогда не работала, как следует. У нас не получалось правильно монтировать рельсы на сцене и всё такое. У Дугласа было несколько прекрасных идей — светоустановка Бомбер была настоящей удачей — но локомотив оказался халтурой. Также, как и адский Железный Кулак. И всё-таки поезд Оргазматрон проехал с нами почти по всей Европе.

«Orgasmatron» действительно был призван вернуть нас в первые ряды, — новый альбом в новом составе и все такое, — но продавался он плохо. Точнее сказать, — никто не мог купить его. GWR продала лицензии на распространение альбома различным дистрибьюторам во всем мире, большинство из которых так и не позаботились о том, чтобы пластинка попала в продажу. Но мы выступали там же, где и обычно — в Европе, на фестивале в Касл-Донингтон (Castle Donnington) в Англии и в Штатах. Американское турне мы начали с Megadeth в первом отделении, но они тогда были ещё молодой группой и провалились. На первом же концерте, в Окленде (Oakland), они раскатали свой сценический задник по всему этажу, перекрыв вход в нашу гримерку, а так как мы народ неотёсанный, то протопали прямо по этому заднику. Менеджер группы бросился за нами, крича в возбуждении: «Вы прошли по нашему знамени!». На что я ему ответил: «Ты глянь; мы не смогли бы попасть в свою гримерку, не наступив на ваш задник. Почему бы вам, черт возьми, не раскатать его где-нибудь в другом месте?!». Тем же вечером мы опоздали с саундчеком, — насколько я помню, это был зал Kaiser Auditorium. Первое шоу никогда не проходит гладко; у нас была новая дорожная команда, и люди все еще учились монтировать аппаратуру. Тот менеджер подлетел к пульту нашего звукоинженера, который заканчивал настройку барабанов и потребовал: «Твои парни должны немедленно уйти со сцены. В моем контракте сказано, что сейчас должна настраиваться моя группа». Наш звукоинженер Дэйв повернулся и уставился на него.

— Прошу прощения? — сказал он.

— Скажи своим парням, чтобы валили со сцены, —

раскомандовался этот идиот.

Дэйв вытащил полицейскую дубинку, которую хранил под пультом.

— Если ты не уйдешь, то я врежу тебе этим как следует между глаз.

И парень ушел ругаться и кричать за кулисы. Между тем лидер Megadeth Дэйв Мастэйн (Dave Mustaine) пришел извиниться и свалился в нашей комнате! Бедный Дэйв, он сидел на игле тогда, — но теперь он чист. А этот гребаный менеджер распалялся снаружи, не зная, что его звезда, возможно, умирает на нашем диване! Несмотря на то, что на следующий день мы сняли Megadeth с турне из-за всех этих неприятностей с менеджером, сами музыканты были ни в чём не виноваты. Конечно, с гастролей надо было бы вышвырнуть только его. Через много лет на одном из шоу Дэйв Мастейн подошел и извинился передо мной за это. Хороший поступок, но он не был обязан это делать. Каждый мог бы пойти своей дорогой и забыть об этом. Тем больше уважения к нему. Он сильный мужчина, этот Мастейн, хоть и конопатый.

В целом, то американское турне получилось далеко не звёздным. В Новом Орлеане зрители принялись плевать в меня (панки, одним словом!) и я предупредил их, что уйду со сцены, если они не перестанут. Они продолжали плеваться, я ушел, и толпа взбунтовалась так, что пришлось поливать её из брандспойтов. Потом в городе Аврора (Aurora), штат Иллинойс, Грэм, мой старый роуди, разбил мой любимый бас — инструмент с великолепным звучанием, только на котором я до этого и играл. Он сделал это не нарочно, но он подошел ко мне, смеясь, с грифом и корпусом, висящими на струнах на его шее. Бас еще можно было починить, но он унёс его на автостоянку и вдребезги разбил в припадке задетого самолюбия, так что я уволил его.

Во время коротких перерывов между всеми этими турами я занимался разными мелкими делами. Играл преступника (типичная рожа, не так ли?) в видеоклипе на песню «I Wanna Be a Cowboy» группы Boys Don't Cry. Появился на сцене вместе с Hawkwind на фестивале в Рединге и спел «Silver Machine». Потом поприсутствовал на торжественном обеде Босса Гудмана (Boss Goodman) в Дингуоллс (Dingwalls). Босс был роуди, затем менеджером Pink Fairies, а потом управляющим Дингуоллс. Он стал одной из влиятельнейших фигур. Хороший парень, он дал этот обед, потому что уходил на покой, и в самом деле, — с тех пор я его больше не видел. Там я и Вёрзел сыграли несколько песен с Рэтом Скабисом (Rat Scabies) из The Damned и Миком Грином (Mick Green) из Pirates. Ларри Уоллиса тоже позвали, но

тем вечером он играл в двух других группах (в том числе и в своей собственной Love Pirates of Doom) и отказался приехать репетировать с нами. Он так отнекивался, что Мик Грин в конце концов сказал ему: «Ладно, Ларри, увидишь, — мы не ударим лицом в грязь! Спасибо и на этом». Вообще-то Ларри нам и не понадобился; Мик — замечательный гитарист, и мы отлично отыграли. Также по ходу дела Motorhead принял участие в записи неизбежных «Peel Sessions» Джона Пила на Би-Би-Си, и я промелькнул в видео «Doctor and The Medics». Быть может, «Orgasmatron» плохо продавался, но в 1986 мы определенно были заметной группой!

В начале 87 я снялся в фильме «Съешь богатого» (Eat the Rich), а Motorhead попал на саундтрек — в основном с песнями с альбома «Orgasmatron», плюс одноимённая песня. Этот фильм был снят кинокомпанией Comic Strip People, которая также была причастна к созданию телешоу «The Young Ones», и к нескольким другим проектам. Одним из их ранних проектов было шоу под названием «Плохие Новости» (Bad News), рассказывающие о мифической хеви-метал группе — вроде фильма «Spinal Tap», но лучше, действительно (я в этом уверен!). Bad News, та самая группа из шоу, выступала перед нами на донингтонском фестивале, мы все перезнакомились на том концерте и в итоге Питер Ричардсон (Peter Richardson), режиссер фильма, позвонил мне и пригласил сняться в этом фильме. Вот так запросто я и получил эту роль.

Честно говоря, я не люблю сниматься в кино, — я снимался в нескольких фильмах и знаю, насколько это скучное занятие. Тебя просят быть на съемочной площадке в четыре часа утра, а потом в три часа дня оказывается, что ты не нужен. Так что в основном приходится торчать там весь день, в компании гребаных актеров. Хотя «Eat the Rich» совсем неплох. Я провёл много времени за бутылкой с Ношером Пауэллом (Nosher Powell), который снимался в главной роли министра внутренних дел. Теперь у него свой клуб в южном Лондоне, в котором ошиваются гангстеры и злодеи всех мастей. Я играл героя по кличке «Паук» и по сценарию работал на советского двойного агента «Капитана Удачу», которого играл Рональд Эйлиен (Ronald Alien), снявшийся в «A Night to Remember», колоссальном кинофильме 50-х. Я не буду здесь подробно останавливаться на сюжете «Eat the Rich» — это черная комедия о людоедстве в шикарном ресторане, с толстым политическим намёком. В эпизодах засветилось несколько известных личностей — Пол и Линда Маккартни, Билл Уайман (Bill Wyman), Ко Старк (Koo Stark), Анжела Боуи (Angela Bowie) (не бог весть какая знаменитость — вся заслуга ее состоит

в том, что она была женой Дэвида Боуи (David Bowie). Это очень типичный английский фильм. Большинство американцев не понимают его, и тем лучше.

Моя роль не потребовала от меня ничего особенного; я просто играл самого себя — и даже снимался в своих собственных шмотках. Команды режиссёра относительного меня в основном сводились к указаниям «Пройди-ка сюда и скажи вот это». Если вам попадётся это видео, обратите внимание на эпизод, где я еду на мотоцикле — на самом деле это не я. Они снимали эту сцену, когда я был на американских гастролях с Motorhead, и мне пришлось оставить им свои вещи. В итоге они пригласили дублировать меня девчонку… крупную такую деваху. Забавные мелочи для тех, кому интересно!

В конце концов режисер пригласил сниматься в картину всех музыкантов Motorhead: мы заменяли группу, игравшую на танцах. Эта идея возникла у него в середине съемок. Если внимательно просмотреть эту сцену, то можно заметить, что группа постепенно меняется. Сначала никого из нас там нет, потом возникаю я, играя с теми же парнями, потом появляется Фил, затем Вёрзел и Фил Тэйлор (тем утром я как раз уволил Пита Гилла, и Филти примчался на своей машине, чтобы занять его место). Какая преемственность!

Увольнение Пита Гилла не было скоропалительным решением. Питер был сам себе враг и стал очередным музыкантом, не вписавшимся в группу. Он был против меня при принятии пары решений, и Филу и Вёрзелу тоже надоел. Меня достало его нытье, и поэтому, когда он заставил нас ждать минут двадцать, пока он в холле отеля дочитает газету или что-то вроде того, это переполнило чашу терпения. Я знаю, что это звучит избито, но самые яростные вспышки гнева случаются в семьях, не так ли? А группа — это и есть семья. Я позволил ему остаться еще на пару месяцев, но это было уже необратимо. Я хочу сказать, что с нас было довольно. Я уже знал, что Фил Тэйлор хочет вернуться в группу. Вместе с Брайаном Робертсоном он играл у Фрэнки Миллера (Frankie Miller), но из этого ничего не получилось. Как-то раз Motorhead летели домой с американских гастролей, и Фрэнк Миллер, Филти и Роббо летели на том же самом самолете. С самого начала они вели себя очень странно, а потом, в середине полета, все трое начали драться между собой. Вскоре после этого Фил приходил к нам и просил разрешения вернуться, но мы сказали ему: «Видишь ли, сейчас мы не хотим увольнять Пита», еще не зная, что нас ждет впереди. Моё благородство мне вредит — примерно тогда же Брайан Дауни (Brian Downey) из Thin Lizzy просился на место барабанщика, и я отказал ему!!

Так что проблема с Питом разрешилась в день съемок. Он так медленно все делал, что нам постоянно приходилось ждать его. Для меня это ожидание было просто невыносимым, потому что, в конце концов, по своей натуре я холерик и не люблю ждать. Тем утром мы сели в машину и поехали в отель, чтобы взять с собой его и Фила Кампбелла. Фил тут же вышел из отеля, но Пит продолжал торчать в своем номере неодетый, и мы просидели в машине полчаса, пока он там возился. Потом он решил попрощаться с людьми в холле, а мы уже должны были сниматься! Съемочная группа уже установила камеры и ждала нас. Наконец он появился, но мое терпение лопнуло. Я опустил стекло и заявил: «Пошел ты к чёрту! Ты уволен!», и мы рванули с места. Вот как все получилось. Последний раз я слышал о Пите, когда он гастролировал с какой-то альтернативной версией Saxon. В этом составе играло три оригинальных музыканта группы, которые все были уволены в свое время, так что они взяли себе название Son of a Bitch (Сукин сын), как изначально и назывался Saxon.

Как бы то ни было, уволив Пита, мы вернули Фила Тэйлора. Сейчас я считаю это ошибкой, но судить о таких вещах спустя годы легко, не так ли? Какое-то время все шло замечательно, но что-то изменилось, и я должен был бы понимать это. Но к июню мы вернулись в студию записывать новый альбом, которым стал «Rock and Roll».

«Rock and Roll» — честный альбом, но не из лучших. У нас возникло несколько проблем в студии — ничего серьезного, на самом деле, — просто ряд небольших раздражений. Самой большой ошибкой было пригласить продюсером Гая Бидмида (Guy Bidmead). Вообще-то он был техник, так что, по большому счету, мы продюсировали альбом сами. Хотя парень производил хорошее впечатление. Он недолго работал с Виком Мэйлом, который продюсировал два наших наиболее успешных альбома, и был техником при записи треков для сборника «No Remorse». Но что-то было не так. На самом деле, Гай тут был ни при чём, — все дело было в нас самих. Мы принимали огонь на себя, и каждый, кто усаживался за пульт, в тот момент и становился главным! Поэтому во время записи этого альбома в студии царила некоторая неразбериха. Вдобавок у Вёрзела возникли проблемы личного характера. Его жена постоянно приходила в студию и устраивала ему семейные разборки во время нашей работы, что, конечно, тоже влияло на результат. В большой степени то, какой получится пластинка, зависит от настроя коллектива во время записи в студии. Если у музыканта нелады в семье, какие-то проблемы с деньгами и т. д., это отражается на его игре, потому

что он не может полностью отдаться работе. Кроме всего прочего, нам было некогда серьезно поработать над самими песнями, а когда так случается, много времени теряется впустую.

Но у нас было несколько забавных моментов. Одной из студий, в которой мы записывали «Rock and Roll», была студия Redwood, совладельцем которой был Майкл Палин (Michael Palin), и оказалось, что этот инженер работал над всеми записями Monty Python. Он прокрутил нам несколько сюжетов, которые Пайтон так и не использовал. Мы также попросили Майкла Палина прочитать некий текст для записи на альбом. Он пришел к нам в потрясающем костюме 40-х годов для игры в крикет — в полосатом клубном пиджаке, парусиновых брюках, в сногсшибательных белых туфлях, в свитере с V-образным воротником и с волосами, зализанными на одну сторону. Полный отпад. И он вошел с вопросом: «Привет, ну и чем же мы сейчас займемся?». Я сказал: «Помнишь, в фильме «The Meaning of Life», был такой монолог, начинавшийся со слов «О, Господь…»?».

— Конечно! — сказал он. — Мне нужна какая-нибудь трибуна.

И он прошел в записывающую кабинку и сделал свое дело. Это было потрясающе.

Даже при том, что мы записывали вещи получше и до, и после этого альбома, на «Rock and Roll» было несколько очень хороших песен, вроде «Dogs» и «Boogieman». Много лет мы играли и песню «Traitor». И речь Майкла Палина «О Господь, обрати свое внимание на этих парней из Motorhead» стала настоящей классикой. Но в целом работа была не столь удачная. Однако, это неплохой альбом — я не думаю, что мы выпустили халтуру.

Так или иначе, выпуску новой пластинки сопутствовали обычные мероприятия. На Европейском MTV прошел «Международный день Лемми», о котором, если честно, я ничего не помню. И, конечно, остаток года мы гастролировали по Англии, а затем по Европе. Мы должны были начать 1988 год с американских гастролей с Элисом Купером, но пропустили целый месяц, потому что долбаная американская иммиграционная служба тянула с выдачей нам разрешения на право работы. Это был просто какой-то непробиваемый бюрократический идиотизм. Я хочу сказать, что мы везем в Америку иностранную валюту, но их это совершенно не волнует. Они предпочитают амнистировать всех незаконных иммигрантов. Я уже полгода жил в Америке, когда в 1991 правительство объявило об амнистии. Если бы я знал заранее, то не стал бы выбивать себе разрешение на работу, а просто потом попал бы под амнистию и получил зелёную карту[27]. Я не могу получить гражданство, потому что в 1971

меня арестовали на территории США за две таблетки снотворного, значит, на меня, опасного наркомана, надо обратить самое пристальное внимание, верно? Железная логика.

Как бы то ни было, гастроли с Элисом Купером, которые мы наконец-то начали, стали для нас головной болью. Элис тут был ни при чем — он понятия не имел, что все вопросы мы решали через его гастрольного менеджера. Этот парень оказался настоящей сволочью. Он создавал нам одни проблемы — так как он работал на раскрученную звезду, все остальные должны были страдать и выглядеть невыгодным образом. Нас замучили разными запретами: долбаные высокомерные сукины дети — кем они себя возомнили? Это всего лишь группа, не палата Парламента — не бог весть какие фигуры. В конце концов этот идиот заменил нам пропуска с неограниченным допуском на пропуска, по которым мы могли пройти за кулисы незадолго до выхода на сцену; так что после окончания выступления мы не имели права снова попасть туда. Естественно, я не стал терпеть такой произвол и пошёл к нашей дорожной команде: «Давайте эти долбаные пропуска!». Я собрал их все и направился прямо в организаторам шоу. Там я бросил пропуска на стол и сказал, «Вот, смотрите! Мы здесь никто». Я ушел, а затем к нам подошёл Тоби Мамис (Toby Mamis), бухгалтер Элиса — толковый парень — поговорил с нами и вернул пропуска. Тоби до сих пор работает на Элиса; а тот второй давно уволен. Комментарии излишни? Через несколько лет я разговаривал с Элисом, и он был совершенно не в курсе того, что творилось от его имени, выставляя его засранцем — а он определенно им не был. И вот что еще — я никогда не понимал его увлечения гольфом. Не могу взять в толк, что в этом находят?! Ты бьешь по мячу палкой, потом идешь за ним и бьешь по нему снова! Я хочу сказать, что если ты ударишь по мячу, а потом найдешь его, то ты молодец, мать твою! Клади мяч в карман и вали домой! (Спасибо, Джордж.)

Мы отдыхали по-своему. Фил Кампбелл встречался с одной из танцовщиц Элиса. Я никогда ему этого не прощу, потому что она была настоящей красавицей. Гейл была замечательной девчонкой, и мы до сих пор видимся с ней, когда приезжаем на гастроли в Чикаго. А шоу Элиса Купера всегда просто бесподобны. Я — большой фан Элиса. Менее приятные воспоминания вызывают те трудности, с которыми мы добирались до некоторых концертных залов. Я помню как мы плыли в Сент-Джон, Ньюфаундленд. Мы погрузили все наше оборудование на паром, и было настолько холодно, что пробирало до костей, а в воде плавали глыбы льда. В полночь, когда мы вышли из каюты, чтобы забрать что-то из автобуса, я

поскользнулся и, проехав по палубе до самого ограждения, чуть было не слетел в гребаное море. Гибель Титаника много лет интересовала меня (задолго до выхода фильма и всей этой шумихи) и в этот момент я подумал: «Вот так все и было, когда тонул Титаник!», потому что мы находились на той же самой широте. Действительно, наш следующий концерт состоялся в Галифаксе, Новая Шотландия, именно сюда были доставлены жертвы катастрофы Титаника. Только представьте себе, как вы прыгаете в такую воду добровольно! Один только шок от такого погружения может прикончить тебя. И я написал на металлической стене рядом с перилами, которые меня спасли — «Помни, и скажи спасибо, что тебя не было на Титанике 14 апреля 1912 года».

Большую часть 1988 года мы провели в дороге. Много лет это было нашим естественным образом жизни, так остаётся и по сей день. Это забавно — метаболизм, который необходим для того, чтобы гастролировать, — совершенно не похож на медицинское представление о нем. Не факт, что какой-нибудь розовощёкий здоровяк обязательно выдержит напряжённую гастрольную деятельность. Для этого нужна особая выносливость (для чего-то другого мы непригодны). Каждый вечер ты должен выкладываться на все сто, в противном случае без жертв не обойтись. Если ты сегодня не вышел на сцену, они пойдут домой и застрелятся с горя. Мы работали в любых условиях. Однажды в Париже в апреле 1988 года Фил Кампбелл сломал себе лодыжку — он боролся с Филти, они упали под стол, и только один из них поднялся на ноги. Но Фил всё равно отыграл все намеченные концерты. И я уже рассказывал вам о различных состояниях здоровья Филти (и физического и умственного). Нам приходилось отменять концерты из-за травм или болезней, но в очень редких случаях. Для меня нет другой жизни, кроме жизни музыканта, играющего в рок-группе и выступающего по всему миру. Два года мы были дома по одному месяцу в году. Однако, это было весёло. Ненормально, но весело!

Периодически, когда мы недолго находились дома, мы участвовали в тусовках с участием разных звезд. Той весной мы увидели удивительное шоу Rolling Stones в 10 °Club, старом джазовом клубе на Оксфорд Стрит (Oxford Street), в котором играли рок- и блюз-группы. Это был великолепный вечер. Джеф Бек (Jeff Beck), Эрик Клэптон (Eric Clapton) и остальные — все пришли со своими гитарами и джемовали, что, в общем-то, было не удивительно. Настоящим сюрпризом стал Вёрзел. Я думаю, что он поразил даже самого себя!

Мы появились там уже тёпленькими после званного вечера в

отеле Savoy, куда попали с помошью нашего друга Саймона Сеслера. Вечер в 10 ˚Club Вёрзел сразу начал с террора, свалив на пол Билла Уаймана! Вёрзел летел вниз по лестнице, а Уайман подвернулся ему на пути. Какое-то время на вечеринке обходилось без неприятностей, но все еще было впереди. Когда мы сидели и болтали с Саймоном, появилась Кирсти МакКол (Kirsty MacColl) со своим новым мужем, продюсером Стивом Лиллиуайтом (Steve Lillywhite). Кирсти была моим старым добрым другом — как-то раз я снимался в ее видеоклипе, — и я по-дружески обнял ее, а Вёрзел повернулся к Стиву Лиллиуайту и спросил: «Что за старую проститутку обнимает Лемми?». Стив многозначительно посмотрел на него и ответил: «Вообще-то она моя жена». «О!» — сказал Вёрзел. «А можно мне еще чашечку кофе?». Примерно через полчаса он стоял у бара рядом с Ронни Вудом (Ronnie Wood). Джо Говард (Jo Howard), сногсшибательная жена Рона, проходила мимо них, и все пришло в движение, понимаете, о чем я? И Вёрзел бросил на нее косой взгляд: «Гм, хотел бы я трахнуть ее, а ты?». На что Рон ответил: «Я это и делаю. Ведь она — моя жена». Наверное, можно облажаться и покруче Вёрзела, но придётся приложить титанические усилия! К счастью, обстановка разрядилась, и спустя некоторое время я услышал за своей спиной голос: «Привет, Лемми. Всегда хотел с тобой познакомиться». Я повернулся и увидел Эрика Клэптона. Я здорово удивился, потому что я-то хорошо его помнил еще по Bluesbreakers и Yardbirds. Так что приветствовал его небрежно: «А, никак Эрик?».

В этом году я также написал несколько песен не только для Motorhead. Мы репетировали на одной базе с Girlschool, и все пошли в пивную, и именно там я написал для них «Head Over Heels». Текст, насколько помню, я набросал на картонке для бокала с пивом, и Ким забрала ее с собой. Я также написал «Can't Catch Me» для диска Литы Форд (Lita Ford) «Lita», который стал ее самым успешным альбомом. В то время мы были в Лос-Анджелесе, и она приехала к нам в отель, Park Sunset, и сказала, что ей нужны песни. И вновь я тут же сочинил песню и передал ей — я написал ее в размере двенадцати тактов, но размер она потом изменила. Я был знаком с Литой с 1975 года, когда она еще играла в группе Runaways — на их первом концерте в Лондоне Джоан Джетт (Joan Jett) щеголяла в моем поясе-патронташе. Я считал Литу лучшей в группе: у ней были классные сиськи и она отвязно играла на гитаре, но Джоан выглядела куда отвязней — наверное, она такой и была! Лита записала замечательную сольную пластинку, но потом, думаю, слишком позволила своему окружению вмешиваться в её карьеру — во-

первых, её наряжали, как куклу, вроде тех, что готовы на всё, лишь бы стать очередной знаменитостью. Это не помогло ей. Она была настоящей рок-вумен, а не придуманной девочкой с обложки. Потом у нее умерла мать, и эта смерть ее очень опустошила. Последний раз я видел ее несколько лет назад на музыкальном съезде в Лос-Анджелесе. Мы были в числе приглашенных гостей и наша встреча была короткой, — только «Привет, Лем!», быстрое рукопожатие, и она ушла. Она ни с кем не общалась, что было очень странно. Ну что, мисс Форд, позвони мне — поговорим!

Многие музыканты 80-х не могли похвастаться своей замечательной жизнью — это очевидно, если вы посмотрите фильм «Упадок Западной Цивилизации, Часть Вторая: Годы Металла». Где теперь все эти люди? Этот фильм, наверное, помог уничтожить их — все музыканты хеви-метал показаны в этом фильме идиотами. Я тоже попал в этот фильм, но еще хорошо отделался — и режисер фильма, Пенелопа Сфирис (Penelope Spheeris) была тут совсем ни при чем. Она привезла меня на Mulholland Boulevard, что на голливудских холмах, и съемочная группа расположилась от меня примерно в двадцати ярдах. Пенелопе пришлось кричать мне свои вопросы.

Я сказал: «Может, ты будешь спрашивать меня, подойдя поближе?».

— Я не хочу попасть в кадр, — сказала она.

— Так ты и не будешь в кадре!

— Нет, я буду задавать вопросы отсюда.

Гребаные идиоты — они могли бы подойти поближе, использовать другую оптику или еще что-то, но куда там! Так или иначе, это было глупое кино. И все постоянно твердят мне, что я лучший герой этого фильма, на что я им отвечаю: «Я так хорошо получился лишь потому, что все остальные слишком ужасны!».

Часто я попадал в довольно странные ситуации. Я давал интервью на радио какому-то телевизионному психиатру — этот парень на своем шоу (кажется, оно называлось «Комната 13») доводил многих людей до слез, но только не меня, как вы догадываетесь. Я также попал на программу «Фан-клуб Джоан Коллинз» (The Joan Collins Fan Club), которую, однако, вел парень, Джулиан Клари (Julian Clary), известный теперь под своим именем. Он голубой, и, судя по «Джоан Коллинз», в одном лице и «штепсель», и «розетка». Парень был, что надо — такой стервозный тип с сарказмом, а мне нравится такой юмор. Думаю, что Джулиан превращается в современного Ноэла Коварда (Noel Coward). Но на телешоу мы с ним определенно были странной парочкой. Также года два тому назад я вместе со многими

другими музыкантами тяжелого рока попал на видео Пэта Буна (Pat Boone), когда он записал альбом металлических кавер-версий. В этом нет ничего удивительного. Я считаю, что в свое время он был превосходным музыкантом.

Однако, вернемся к рассказу обо мне (или к тому конкретному периоду времени, который можно назвать «тяжелыми временами»). В 1988 мы записали еще один концертный альбом, «No Sleep At All». Мы посчитали, что пришла пора сделать это в новом составе. Треки были записаны в июле на фестивале «Giants of Rock» в Hameenlinna, Финляндия. Но это стало ошибкой и полным коммерческим провалом. Записано было неплохо, и, без сомнения, всё могло бы быть гораздо лучше, но микшировать мы пригласили Гая Бидмида, — хотели дать ему возможность реабилитироваться, — потому что он работал с Виком Мэйлом, а Вик прекрасно микшировал концертные записи. После этого мы наконец-то поняли, что Гай не чета Вику Мэйлу. Впрочем, не поймите меня неправильно, — я так охарактеризовал Гая лишь потому, что он зря слушал нас. Он был слишком хорош! Вик-то знал, в какие моменты нам нужно заткнуться и молчать!

Конечно, мы, как обычно, поехали на гастроли рекламировать «No Sleep..» В Штатах мы выступали в первом отделении у Slayer. Том Арайя (Tom Araya) — славный малый (к тому же, он играет на басе и поет, как и я!), но меня смущает в этой группе философия террора и кровопролития. Они не понимают, что делают. К примеру, в середине концерта Том может для пущего эффекта заявить что-нибудь вроде: «Вы хотите видеть кровь?». Однажды я сказал ему: «Не стоит этого говорить, Томми. Когда-нибудь вам это аукнется».

А он отмахивался: «О, это мои люди, старик. Я понимаю их, они понимают меня». Потом, буквально на следующий вечер, в Остине, штат Техас, он опять сказал: «Вы хотите видеть кровь?» — и мимо него, всего в каком-то дюйме от головы, пролетел разбитый стул. Том совершенно потерялся! Он бросился к микрофону и начал читать зрителям дурацкую проповедь, грозя пальцем и призывая к порядку. Он был вне себя от ярости, и когда ушёл со сцены, я спросил его: «Ну и как тебе твои люди, а?». В общем, мне не очень понравилось это турне. На последнем концерте во время выступления Slayer я вышел на сцену и стоял там за спиной у гитариста Джеффа Ханнемана (Jeff Hanneman) в мундире Адольфа Гитлера.

В начале 1989 мы недолго передохнули, и за это время Фил Кампбелл успел съездить в Германию, чтобы записать несколько треков для некоей швейцарской группы под названием Drifter. Потом, после английского турне, мы впервые поехали в Южную

Америку. Бразилия поразила нас. С одной стороны, там есть пляж Copacabana, с загорелыми миллиардерами и их любовницами, а буквально в двухстах ярдах живут люди в картонных коробках на песке среди канализационных труб. Там есть торговые супермаркеты с товарами на любой вкус, а рядом, буквально на краю автостоянки, — трущобы с одним проводом от телеграфного столба к лампочке в каждой картонной коробке. Мы видели парня, спящего под мостом, — у него был стол, стул, диван и картина на стене — всего в пяти футах от потока машин. Это был его дом! К сожалению, я вижу, что Штаты ждет то же самое. Великобритания уже напоминает страну Третьего мира, и, судя по количеству бомжей, похоже, что Америка не намного отстала. Кто-нибудь может объяснить мне, почему в самой богатой стране мира столько бродяг живет на улицах?

Во всяком случае, мы дали четыре концерта в Бразилии — два в Сан-Паоло и по одному в Порто-Алегре и Рио-де-Жанейро. В Рио концертный зал располагался под землей — в этом бетонном бункере было невыносимо жарко. Никаких огромных стадионов, о которых все знают, хотя в следующий раз в этой стране мы выступали на них. Первое турне было хоть и не грандиозное, но всё равно удивительное. Мы поехали домой с грудой фактически ничего не стоящей валюты — это походило на Веймарскую Германию. Интересное место, но скорее пугающее, на самом деле.

Ещё одной страной, куда мы ездили в том году, была Югославия. Именно там Фил Кампбелл предпринял одну из нескольких своих попыток уйти из Motorhead — одно время казалось, что он уходит чуть не через день. Я не знаю, что тогда с ним творилось — может, это был нервный срыв или вроде того. Так вот, — тогда мы ехали по горам через Хорватию. Дело происходило в каком-то захолустье — кругом одни овцы, козлы, скалы и странные пастухи — была полночь, и Фил с кем-то поцапался. Уже не помню, в чем там было дело, но он носился взад-вперёд по автобусу, собирал свои вещи и орал: «Остановите этот автобус!». Югославскому водителю было наплевать: он остановил автобус и открыл дверь. И Фил вышел из автобуса с двумя чемоданами и провалился в сугроб на три фута. И ничего вокруг, кроме снежной бури с позёмкой. Его заметало снегом, а в нескольких милях внизу, в долине, виднелся огонек. Пока Фил смотрел на него, гнев его остыл. Это было символично — драгоценный момент в истории Motorhead.

Понятное дело, Фил не ушел из группы той ночью. Хотя, он продолжал пытаться это сделать. Мы ехали в Берлин, и он взялся за старое: «Я ухожу из группы!». Он подошёл к водителю автобуса и заявил ему: «Отвези меня в аэропорт».

— Этот автобус едет на концерт, — сказал я.

Фил не успокаивался:

— Хорошо, я нанимаю автобус и тебя тоже, и мне надо в аэропорт!

— Это рейс оплачен группой, — ответил я, — а ты теперь частное лицо. Группа поедет на концерт на автобусе группы. Так что, если тебе надо в аэропорт, выходи из автобуса и лови, мать твою, такси, понял? Или можешь вызвать его с концерта, потому что ты больше не имеешь права пользоваться мобильником группы. Согласен? Теперь ты частное лицо, Фил!

Он что-то пробурчал в ответ и снова передумал уходить.

Ещё раз он попробовал уйти в начале очередного германского турне. Он бросил группу перед началом нашего первого концерта во Франкфурте. Совершенно неожиданно он решил ехать в аэропорт — и не важно, что было уже пол-двенадцатого, и все самолеты улетели. Он все равно поперся туда и заснул там в зале ожидания. Пока он спал, кто-то увёл все его вещи. Думаю, после этого он сделал для себя соответствующие выводы и больше уже не пытался уйти из группы. Фил играет с нами по сей день и, помимо меня, он самый старый музыкант Motorhead. Он также постоянный источник приколов. Частенько после концерта он залезал на заднее сиденье грузовика с аппаратурой, думая, что садится в автобус. Как-то он лег в кофр бас-гитары — решив, что это его кровать. Уморительный Фил. Он наш Кит Мун. Кстати говоря, он ещё и превосходный гитарист. И «бык» по гороскопу.

Но вернемся к югославским концертам: мы дали два шоу в Любляне. Во время первого Вёрзел провалился сквозь сцену, — только что был рядом со мной и вдруг полетел вниз. Это была не самая новая сцена, надо сказать. Я помню, тоже попал ногой в дыру чуть позади. А на втором концерте случилось то, что могло привести к куда более ужасным последствиям. Во время первой песни, перед соло, какой-то гад метнул на сцену бритву — этот парень, чтобы бритва была более увесистой, даже примотал к ней с боков две монеты — и это лезвие распороло мне руку. Я ничего не почувствовал, я не понял, в чем дело, пока не увидел, что вся сцена залита кровью. Потом посмотрел на свою руку и до меня дошло, что я истекаю кровью, как последний придурок. Но я обмотал тряпкой свою руку, и мы закончили шоу. Однако, это была ужасная рана. Когда мы прошли за кулисами, я снял тряпку, и кровь брызнула струей по всем стенам, под крики отвращения остальных музыкантов группы. Так что меня отвезли в югославскую сельскую больницу и зашили рану, но за следующие четыре дня моя рука постепенно почернела — я получил заражение крови. По дороге домой мы остановились в Нюрнберге,

и я пошел к врачу, рассчитывая на опытность немецких докторов, но тот парень сделал только хуже. Я попросил нашего менеджера, Дугласа, срочно доставить меня домой, чтобы там решить проблему, но ему на хотелось оплачивать авиаперелет. По его мнению, надо было всю дорогу тащиться до Англии автобусом. И когда я говорю, что моя рука стала черной, я не хочу сказать, что она посинела, — она стала кроваво-черной. Я чуть было не лишился своих большого и указательного пальцев! Наконец, положение стало настолько критическим, что менеджер сказал «Твою мать!», и отправил меня на самолете. В Англии я две недели провалялся в больнице с рукой на перевязи, — и все по вине какого-то раздолбая, который решил бросить в группу бритву.

А теперь я расскажу вам, как поплатился тот парень — сделав своё дерьмо, он начал бить себя в грудь и восклицать: «Это я!». Естественно, наши роуди направились к нему, потирая руки: «Правда, что ли? Вот ты и попался тепленьким!». Они накостыляли ему, и когда сделали свое дело, за него взялась югославская полиция, а уж они — профессионалы. И поверите вы этому или нет, он так и не ушел, и даже при разборке аппаратуры все ещё орал: «Ну давай, чувак!» и все такое. Настоящий несгибаемый идиот. Я никогда не пойму, за что он меня так ненавидел (это была ненависть, я видел). Он ведь приготовился заранее. Но я не могу понять, зачем он кричал моим людям: «Это сделал я!». Интересно, где теперь этот парень — наверное отрывается, убивая женщин и детей. Может, он стал полицейским.

Во всяком случае, полиция тем вечером полюбила меня, потому что я продолжил играть. Если бы я ушёл на глазах 6000 человек, — был бы бунт. Тогда концерты частенько приводили к массовым беспорядкам… Во всяком случае, я стал для них героем, продолжив концерт, — в том году, по крайней мере. Кто мог представить, что, вернувшись туда во второй раз (словно сглазил кто это место!), мы отменим концерт: Фил Кампбелл и Фил Тэйлор загремят в больницу. Я помню, как в отеле пришел в номер Вёрзела.

— Концерта не будет, Вёрз, — сказал я.

— Это почему?

— Барабанщик и гитарист выбыли из строя. Они в больнице.

— Их что, переехал автомобиль? — спросил Вёрзел.

— Типа этого.

Их свалил «бурый «спид» — хотя это был вовсе не «спид». «Бурый «спид»? — спросил я Фила Кампбелла, — О чем вы думали?». На что он ответил: «Ни о чем». То же самое Фил Тэйлор

— они оба должны были знать; «спид» не бывает ни бурым, ни коричневым! Так нет, — и пришлось им теперь бегать наперегонки до туалета по больничному коридору. О чем они думали? Это было почти столь же глупо, как крики того парня; «это сделал я!».

В июне наш фан-клуб отмечал свое десятилетие и устроил вечеринку в ночном клубе «Ипподром». Там я встретил Уэнди — Непристойную Уэнди из Redcar. Я бродил в толпе зрителей и вдруг увидел девчонку с фантастическими глазами. Она была просто потрясающей. Я уже совершенно не помню, что там было на той вечеринке — я был с Уэнди. Она была замечательной девчонкой, очень благосклонной ко мне, во всех смыслах. Мы виделись с ней совсем недавно, когда я был в Англии, и было очень приятно снова встретится с ней. За восемь или девять лет она не превратилась, к счастью, в пускающую слюни ведьму. Такое случается, поверьте!

«Ипподром» был популярной тусовкой в Лондоне — как и по сей день, впрочем! В девятнадцатом веке это место было знаменито танцующими медведями, но к 1985 владельцы клуба могли позволить себе пригласить только нас! Я ходил туда на концерты heavy metal производить впечатление на девчонок, пришедших взглянуть на красавчиков рокеров. Кто мог знать! Я получил куда больше, чем просто связь на одну ночь, когда вышел там на сцену с Джоном Бон Джови (Jon Bon Jovi), Ричи Самборой (Richie Sambora), Дэйвом «Змеем» Сабо (Dave «Snake» Sabo), Рэйчелом Боланом (Rachel Bolan) и Себастьяном Бахом (Sebastian Bach) из Skid Row. Мы исполнили песни «Travelin Band» группы Creedence Clearwater и «Rock 'n' Roll» Led Zeppelin. Когда-нибудь эта запись выйдет на лейбле «Lemmy Goes to the Pub», после того, как все мы отправимся в мир иной!

Позже, тем же летом, я появился на ужасном телешоу, которое называлось Club X. Впрочем, отрывок с нашим участием получился просто замечательным. Темой шоу были черные кожаные куртки, и я написал для этого песню с таинственным (чтоб никто не догадался!) названием — «Черная Кожаная Куртка» («Black Leather Jacket»). Мы быстренько её записали, чтобы прокрутить на шоу. На той записи я играл на басу, но перед камерой играл на фортепиано. Мы записали три партии саксофона, так что саксофонист привел с собой двоих друзей для изображения недостающих партий. Фил Кампбелл играл на гитаре, Филти на барабанах, а Быстрый Эдди на моем басу, который там и украли. Я так и не узнал, кто это сделал, хотя у меня было несколько главных подозреваемых. Как же без них?

Примерно в это же время я также записался на пластинке

Нины Хаген (Nina Hagen). Я познакомился с ней на фестивале, и она мне всегда нравилась. Она — сумасшедшая женщина, потрясающая, и к тому же очень симпатичная. В общем, она попросила меня сыграть, а я в тот день был свободен и согласился. Я засветился на множестве альбомов разных исполнителей, — если у меня есть немного свободного времени, почему бы нет?

Motorhead также находились в студии, работая над песнями для нового альбома, и именно в студии я наткнулся на Вёрзела, который кормил своего пса с ложки. Как-то раз я спускался по лестнице, а он стоял там на четвереньках.

— Что ты делаешь, Вёрз? — спрашиваю я.

— Она расстроена, — говорит он. — Она думает, что я ухожу от нее.

— Почему она должна так думать?

— Она видела, как я собирал свой чемодан.

— Вёрзел, — говорю я, — собакам без разницы, чемодан это или что другое. Они не понимают, что нужно собирать вещи в дорогу. Собаки не носят одежду!

— Да, но она думает, что я уезжаю.

Больше мне сказать ему было нечего. Он назвал свою собаку Тутс (Toots — Красотка), потому что у ней на носу была белая полоска. Она научила Вёрзела приносить палку. Он выгуливал ее, а мы сидели и наблюдали за ними. Он бросал палку, и собака смотрела на него до тех пор, пока он, наконец, сам не шел за ней, а потом бросал снова. Очень смышлёная была псина, на самом деле.

Как бы то ни было, когда мы не наблюдали за тем, как Тутс учит Вёрзела этим трюкам, мы записали демо версии песен «No Voices in the Sky», «Goin' to Brazil» и «Shut You Down». Все эти вещи попали на альбом «1916», но когда мы поняли, что новому альбому — быть, наши отношения с лейблом GWR закончились. Последний год мы относились к Дугу Смиту с большим подозрением. Наш адвокат, Алекс Гроуер (Alex Grower), все это время приглядывался к нему, и стало ясно, что Дуг и его жена Ева не были теми, кто искренне поддерживал группу.

Так что несколько месяцев мы потратили на освобождение от услуг менеджмента Дугласа и на поиски замены. Однажды Вёрзел привел ко мне домой одного парня, Фила Карсона (Phil Carson), и на следующие два года он стал нашим менеджером. Он раньше был связан (если я подобрал подходящее слово) с Питером Грантом (Peter Grant) и Led Zeppelin, и после этого недолго был менеджером Роберта Планта (Robert Plant). Фил такой же ненормальный, как и я, но более хваткий и/или

дисциплинированный в деловых вопросах! Мне он очень нравился, как нравится и сейчас. Фил подписал нас на Sony — первый за наши пятнадцать лет контракт на запись с настоящей крупной фирмой грамзаписи с американским рынком. С этим контрактом мы достигли ощутимого карьерного роста; но так и не сделали глобального прорыва (а что вы хотели?), но это история для следующей главы. Естественно, — одно вытекает из другого.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Город ангелов (Angel City)

Самой большой новостью в 1990 году, что касается меня, был мой переезд в Америку. Этот переезд я начал планировать еще в 1989, но когда через несколько месяцев это, наконец, случилось, все произошло быстро — вот я в Лондоне, а в следующее мгновение уже в Западном Голливуде, иду по бульвару Сансет-стрип из «Rainbow». «Rainbow», для тех, кто не в курсе, это самый старый рок-н-ролльный бар в Голливуде и мой второй дом — к тому же он расположен всего в двух кварталах от моего дома!

Но моему переселению предшествовала масса событий. Я сыграл маленькую роль в очередной серии «Comic Strip», «Южноатлантические Налетчики» (South Atlantic Raiders). Это была пародия на войну на Фолклендских островах, и мне отводилась роль какого-то сержанта. Я всего-навсего должен был сказать несколько фраз с ужасным испанским акцентом, а потом упасть на вонючий матрац! Подходящий для меня образ? Я также сыграл водителя речного такси в кинофильме под названием «Hardware». Это было утомительно. Режиссер фильма возомнил себя демонической натурой и из-за этого страдали все. Я ждал своей очереди весь день, и ребята сделали ужасную ошибку, сразу дав мне бутылку виски, — эта бутылка должна была быть у меня по сценарию, но они передали ее мне, как только я пришел на съёмочную площадку. Так что когда начали снимать мою сцену, я уже был пьяный, усталый и взвинченный. Мне тогда заплатили авансом, но сама съемка, как я уже сказал, была чертовски скучной. А вот что было интересно, так это когда Мик Грин (Mick Green) — гитарист одной из моих любимых групп шестидесятых и семидесятых, The Pirates — попросил меня записаться с ним, и я, конечно, согласился. Мы записали «Blue Suede Shoes», эта песня потом попала на благотворительный альбом газеты Нью Мюзикл Экспресс с каверами элвисовских песен. Там мы выступили под именем Lemmy and the Upsetters. Впоследствии эта вещица вышла на сингле, а на обратной стороне была наша с Миком песня «Paradise». Мне очень понравилось работать с Миком — он один из моих любимых музыкантов. Люди сегодня не знают об этом, но тогда, в начале шестидесятых, он был легендарен, как Клэптон и Джеф Бек (Jeff Beck). Просто Мику не так повезло.

И, разумеется, я не мог надолго оставить Motorhead без гастролей. Во время британского турне один подросток перед сценой плюнул в меня и попал на мою гитару. Я ненавижу

подобные выходки, поэтому вышел на край сцены и сказал: «Смотри!», стёр рукой плевок и вытер руку о свои волосы: «Волосы я вымою сегодня вечером, а ты и завтра останешься засранцем!». Толпа бурно отреагировала, это даже попало в цитаты, но на самом деле я взял эту реплику у Уинстона Черчилля. Он был на званом обеде, и какая-то женщина заявила ему, «Вы пьяны, сэр». «Да, мадам, — ответил он, — но вы некрасивы, а я завтра буду трезвым». Разве не круто? Кто сказал, что история скучная штука?

Я перебрался в Штаты после европейского турне. Всё устроил Фил Карсон. Его люди нашли квартиру, и я переехал в нее в начале июня. Остальная часть группы осталась в Англии, но мое проживание на другом континенте ничего не меняло. Не могу сказать, что мы постоянно тусовались вместе, потому что когда ты по полгода торчишь с кем-то в одном автобусе, уже не захочешь общаться с этими людьми в свое свободное время. И примерно в то же время Вёрзел начал ненавидеть Америку. Может быть, с его стороны это была такая ревность — трудно сказать. Американская жизнь не стала для меня каким-то откровением, поскольку я, так или иначе, уже бывал в Штатах. Я только не до конца понимал, насколько коррумпировано американское правительство и насколько прогнила сама государственная система, впрочем, это болезни любой страны. И проявления расизма здесь куда откровенней, чем в Англии — там эта проблема не стоит настолько остро. Но здесь я могу пристроить к своему дому бакалейную лавку, и к покупателям здесь относятся гораздо обходительней и не решают за них, что им нужно, а что нет. Единственная неприятность, с которой я столкнулся за время адаптации в Америке, это их убогое чувство юмора. В этом смысле англичане настоящие циники. Чёрный юмор американцы просто не понимают. За две недели моей жизни в Штатах я практически погубил своё социальное реноме. Я говорю какие-то забавные для меня вещи, а в ответ получаю негодующее — «Как ты можешь так говорить?!». Люди бывают шокированы, оскорблены и так далее. Господи, но нельзя же принимать все за чистую монету! Калеки бывают такими забавными, — прошу прощения, но я не виноват! Здесь я всего лишь наблюдатель.

Люди также не понимают мою коллекцию вещей с нацистской символикой, за что меня очень критиковали, когда я переехал сюда. Я всю свою жизнь собирал реликвии Второй Мировой Войны — в конце концов, я родился в год окончания войны, и люди всегда привозили домой сувениры и все такое. Когда я приехал, у меня были кинжал, две медали, ещё флаг,

кажется, и железный крест, и всё. В этом деле, как и в любом другом хобби — чем больше ты увлекаешься коллекционированием, тем это становится интересней, если в этом есть какой-то глубинный смысл. И вот теперь у меня огромная коллекция вещей из Германии времён войны — кинжалы, медали, флаги, и все остальное. Мне нравится окружать себя всеми этими вещами, потому что эти предметы напоминают мне о событиях того времени, о прошлом (и важно то, что нацизм еще не изжил себя). Я не понимаю тех людей, которые считают, что, если что-то игнорировать, то оно исчезнет само. Ничего подобного — если делать вид, что этого не существует, то это наберёт силу. Европа двадцать лет игнорировала Гитлера. Мы могли бы справиться с ним еще в 1936: французская армия могла бы выгнать его из рейнской области и его дни были бы сочтены. Его клика была бы лишена власти. Но французы снова отступили и впустили его. В результате он вырезал четверть мира! И он был некурящим трезвенником, вегетарианцем, с короткой прической и в приличной одежде. Его обслужили бы в любом американском ресторане, в отличие от Джесси Оуэнса (Jesse Owens), героя Олимпиады 1936 года.

Джесси Оуенс вернулся домой с победой и восемью медалями после демонстрации Гитлеру преимущества демократии и многонационального общества, и его не обслужили в ресторане в его родном городе. Это чёрт знает что! Такой двойной стандарт бесит меня. Вы знаете, что в Англии и Америке до сих пор есть клубы, в которые не пускают евреев? Это страны сплошных запретов. Взять хотя бы авиамоделизм — нельзя рисовать свастику на модели Мессершмитта 109, а ведь в то время свастика была национальным знаком отличия Германии. Почему бы не предположить, что в будущем не будет никаких белых звезд на борту гребаного «Мустанга», потому что кто-то решит, что звезда — это символ американского империализма? Я не понимаю; что — если не нарисовать свастику на пластмассовой модели самолета, это поможет воскресить всех убиенных евреев? Нет? А как насчёт того, что так называемые американцы сделали с истинными американцами — индейцами? Можно заметить, — у меня свой взгляд на такие вещи. Правда малопривлекательна и поэтому она мне так нравится. Мне нравится шокировать людей, и если постоянно доказывать людям ошибочность их убеждений, то, возможно, хоть кто-то из них когда-нибудь скажет: «О! Стоп — я был не прав». Я живу ради таких моментов. Уверяю вас, это большая редкость.

Как бы то ни было, давайте вернемся к делу, а именно к грязному бизнесу записывающей индустрии. Я захотел переехать

в Лос-Анджелес еще и потому, что лучше быть поближе к своей фирме грамзаписи. Мы встретились с главой WTG Джерри Гринбергом (Jerry Greenberg) в Лондоне, и он очень заинтересовался нами и пообещал всяческую поддержку. Но про себя я тут же подумал: «Я должен быть в курсе всех событий». Я не смог бы жить в Англии, играть в составе Motorhead и при этом выпускать альбомы на американском лейбле, потому что из этого ничего хорошего никогда не выйдет. И фактически впервые мы подписали контракт с американской корпорацией на запись пластинки — до этого американцы просто покупали лицензии на альбомы, записанные нами для британской компании. Так что как никогда раньше я должен был быть в курсе всего происходящего.

С самого начала я знал, что мои подозрения оправданы. Когда я прибыл, первое, что сделала компания грамзаписи — пригласила меня на поздний завтрак в свой офис — поздний завтрак! Что это еще за хрень такая, «поздний завтрак»! Они что, не могли написать слово «обед»? У них, что, проблемы с буквой «О»? И знаете, на что это было похоже, из чего состоял этот торжественный «поздний завтрак»? Китайские «обеды на дом», завёрнутые в фольгу — «Ещё добавки, Лемми, свининки? Как я рад тебя видеть здесь, старина! Motorhead всегда были одной из моих любимых групп!». Ха! Никто из них ещё за неделю до этого не слышал ни одной нашей гребаной песни, и им пришлось срочно подготовиться к встрече. Это дерьмо было очевидно, однако они решили, что я ничего не заметил. Почти каждый там был старой акулой этого бизнеса, оказавшимся в новой должности на новом лейбле. Я не увидел ни одного свежего лица.

Я хочу еще раз сказать о том, что Джерри Гринберг был замечательным парнем, также как и его помощник, Лесли Холли (Leslie Holly). Лесли разрешал нам звонить прямо из офиса, организовывая выступления и работая с новым менеджментом. Мы не смогли бы оплачивать из своего кармана все эти трансатлантические телефонные переговоры, так что мы на этом много сэкономили. Тогда мы еще не понимали, что нас взяли для издевательств, — и это тоже заслуга Джерри Гринберга! Сейчас я думаю, что Sony, наверное, использовали WTG в комбинации для снижения налоговых выплат, потому что эти гребаные администраторы делали, казалось, все возможное, чтобы гарантировать, что WTG в результате работы с Motorhead принесёт им одни убытки. Но давайте посмотрим правде в глаза, есть ли фирмы грамзаписи, руководимые не командой идиотов? Вот, например, когда мы работали на Sony, компакт диски выпускались в длинных коробках. Разгорались целые битвы по поводу этих коробок, ведь это была одна из самых неудобных

форм упаковки, и были люди на Sony, которых увольняли с работы, потому что они доказывали непрактичность такой долбаной упаковки! Один этот факт говорит об извращенности этой индустрии. К черту — можете называть меня старомодным, но я всегда предпочитал виниловые пластинки компакт-дискам.

Но чёрт с ними, глупостями компании грамзаписи (и китайскими поздними завтраками). Мой переезд в Лос-Анджелес взбаламутил публику. Вокруг нас разгорелась настоящая шумиха, когда мы подписали контракт с WTG и когда я переехал сюда. Я попал на обложку журнала «BAM», и меня буквально завалили приглашениями. Было приятно вновь на какое-то время оказаться в центре внимания. И мы постарались соответствовать этому вниманию (совсем недолгому, как оказалось), записав одну из лучших наших пластинок.

Но прежде, чем мы успели войти в студию, против нашей воли в свет была выпущена одна пластинка. Наш бывший менеджер Дуг Смит выпустил концертную запись вечера десятилетия группы. Еще в 1986 году мы сказали Дугласу, что видеозаписи того шоу будет вполне достаточно и не стоит выпускать альбом, и все это время он не предпринимал никаких действий. Однако, стоило оказаться от него подальше, как он начал своевольничать. Конечно, это было чистым стремлением заработать деньги. И мы подали иск в суд, чтобы запретить ему делать это (в Англии этим вопросом занимался Вёрзел, поскольку я уже жил в Штатах), и какое-то время Дугласа это сдерживало. Но в конце концов мы сдались; это отнимало слишком много времени. И, кроме того, как я уже сказал, мы работали над новой пластинкой, так что дел было по горло.

Конечно, работать с Motorhead всегда было не просто. Сразу же возникли проблемы с первым продюсером альбома, Эдом Стасиумом (Ed Stasium). Мы уже записали с ним четыре песни, прежде чем решили, что он должен уйти. Понимаете ли, он превысил свои полномочия. Однажды мы прослушивали микс песни «Going to Brazil», и я сказал: «А ну-ка, дай погромче вот эти четыре дорожки». Что он и сделал — а там оказались партии этих гребаных клавишных и тамбуринов. Он без нас записал весь этот мусор и добавил в микс. Разумеется, он не стал бы делать это в наше присутствие! Это было очень странно, и нам пришлось его уволить. После этого мы пригласили Пита Солли (Pete Solley), который оказался великолепным продюсером.

Некоторые песни на альбоме «1916» — «Love Me Forever» и «1916», например, — были очень нетипичны для нас. Не то, чтобы мы пытались измениться — мы уже были другие. Всё начало меняться, когда я переехал жить в Штаты, и это отразилось в

музыке. Но очень многое в «1916» было тем, что ожидали от нас наши поклонники, только ещё лучше. Взять хотя бы «I'm So Bad» — это громкая рок-н-ролльная песня с абсурдным текстом, самый типичный Motorhead. Очень странно, но из-за неё какая-то женщина из журнала Melody Maker объявила меня женоненавистником! Не понимаю, почему она так решила. «Я занимаюсь любовью с горными львами/Сплю на раскалённых докрасна рабских клеймах/Когда я иду, мостовая трясется/ Постель — клубок гремучих змей»: кто-нибудь объяснит мне, где здесь призыв к угнетению женщин?! Ещё на диске есть моё обычное пристрастие к Чаку Берри в песне «Going to Brazil». «Ramones», самую быструю (и самую короткую) песню на альбоме, мы сначала играли в медленном темпе. А потом я как-то сказал: «Давайте-ка сыграем побыстрее», и песня зазвучала как натуральные Ramones, вот как все получилось. И хотя в песне «Angel City» рассказывалось о жизни в Лос-Анджелесе, я написал текст еще до переезда. «Я собираюсь обосноваться в Лос-Анджелесе/ И пьянствовать дни напролёт,/ Лежа у бассейна, за счет фирмы грамзаписи»: на самом деле, это не слишком далеко от правды! «Я собираюсь надирать задницы/ Плевком разбивать окна/ И перебить все ваши фонари»: я давился от смеха, сочиняя эти строки. Просто гоготал в одиночестве. И в этой песне мы записали саксофон — что-то новенькое для нас.

Но что по-настоящему удивило людей (в положительном смысле, спешу добавить), так это ряд других треков. Песни «Nightmare/The Dreamtime» и «1916» были сделаны на основе клавишных, что было очень нетипично для Motorhead — как и для любой другой тяжелой группы в 1990. В песне «1916» также звучит виолончель и ни одной гитарной партии. Сначала я написал слова. В песне рассказывается о сражении на реке Сомма во время Первой Мировой Войны, но люди подходили ко мне и спрашивали: «Это песня об ирландском восстании?», потому что оно тоже произошло в 1916 (у ирландцев много песен о 1916 годе, о грандиозной резне в почтовом министерстве и тому подобном). Как-то в Англии я смотрел передачу о Первой Мировой Войне, и меня глубоко поразил рассказ о битве на реке Сомма. Девятнадцать тысяч англичан были убиты за одно утро, за три часа погибло целое поколение, — только вдумайтесь в это! Это был настоящий ужас — в трех или четырех городах в северном Ланкашире и Южном Йоркшире не осталось ни одного здорового мужчины. И эти города до сих пор страдают от этого, потому что им так и не удалось восполнить численность населения. Такие городки, как Акрингтон (Accrington) в Ланкашире, полностью опустели. В той телепередаче пять

стариков ветеранов вновь оказались на том поле битвы. И один из них, которому было почти девяносто лет, сказал: «Нам приказали идти, и запретили бежать, и мы пошли, и все ребята вокруг меня попадали. Я подумал, что, может быть, поступил такой приказ с тыла, а я не слышал. А потом понял, что все они мертвы». В тот раз англичане уложили больше своих, чем немцев. Гинденбург, который позднее стал вице канцлером Германии, сказал: «Они были львами, которых послали в бой ослы». И я сочинил об этом песню. Но у меня к ней неоднозначное отношение. Один парень написал мне, что поставил её своему деду, который участвовал в том сражении, и старик проплакал всю песню. Это большой комплимент, но я не уверен, что одобряю действия этого парня. Однако, это поразительный случай; воспоминанием события такой давности вызвать у кого-то такие чувства.

Мы были вполне довольны альбомом «1916». Оформление альбома, конечно, это отдельная тема, и к этому приложила свои грязные руки фирма грамзаписи. Всякий раз, когда такое случается, можно с полной уверенностью предсказать, что работа будет испорчена. Bronze в своё время проделали тоже самое с альбомом Overkill. Мы все собрались в зале заседаний, из которого предварительно были вынесены столы и установлен мольберт с подсветкой. Они сняли покрывало (этакое торжественное открытие памятника), и на картине оказался изображен мотоциклетный движок с торчащим из него торсом голой бабы. Красное на синем фоне. Что это было за убожество! И представитель компании изрек: «Обложка готова! Что скажете?». Я взял макет в руки и сказал: «Это ваш лучший вариант, не так ли?» и с этими словами выкинул эту карикатуру в окно. Думаю, до него дошло, что мне эта мазня не понравилась! Если вы посмотрите на обложку диска «Overkill», то заметите, что там нет никакого двигателя или голой бабы, а есть одна из классических работ художника Джо Петаньо (Joe Petagno). И вот у нас возникла почти такая же проблема с обложкой альбома «1916». Нам принесли пять отвратительных эскизов. Пришлось отослать все их обратно, под стоны, вздохи и брюзжание оформительского отдела лейбла — можно подумать, что мы работали с компанией девятилетних детей! В конечном итоге Sony впарили кому-то эту обложку, что нам было только на руку. И всё-таки, несмотря на все наши усилия, они сумели испортить кое-что — на обложке «1916» вы найдете все европейские флаги, кроме флага Франции. При том, что в заглавной песне рассказывается о сражении на территории Франции! Что тут еще скажешь? И, несмотря на это, я считаю эту обложку одной из наших лучших обложек, а альбом одним из лучших наших альбомов.

Хотя «1916» вышел только в начале 1991, первый сингл, «One to Sing the Blues», вышел за несколько недель до выхода самого альбома — как раз в мой день рождения, (это убойнейшая песня, — наверное, мы на днях включим её в сет-лист). В феврале мы поехали, как всегда, на гастроли и неоднократно выступили по телевидению и радио. В начале британского турне у Фила Тэйлора умерла мать. У ней был рак, и мы отправили его домой повидаться с ней. Ему удалось провести с ней некоторое время перед её концом. Мы все любили маму Тэйлора и ее смерть очень надломила Фила. Не знаю, решил ли он бросить музыку из-за ее кончины, — наверное, нет — но это, несомненно, повлияло на него.

В Англии концерты открывала группа The Almighty и американские девчонки, The Cycle Sluts, которые также проехались с нами по Европе. Это была потрясающая группа! В них была новизна, и их тексты были очень забавны. Наверное, они просто прикалывались и пользовались возможностью проехаться по всему миру. Милые девчонки, я с удовольствием общался с ними. И все европейское турне я ухлестывал за одной из них, но так и не добился взаимности. Типичный случай.

Это турне было омрачено лишь парой неприятностей. Пока мы играли в Англии, я заработал себе так называемый «желудочный грипп», и нам пришлось перенести четыре концерта. Я паршиво себя чувствовал и четыре дня провалялся в отеле, и постоянно блевал. Всё началось в одно мгновение. Мы ехали в автобусе, я прекрасно себя чувствовал, а в следующий миг уже блевал из окна и орал, — «Остановите автобус!» (эти вирусные инфекции становятся всё более опасными, потому что каждые пять лет вирус мутирует, и когда-нибудь один из них угробит полпланеты).

Ещё одна неприятность касалась другого смертельного вируса, известного, как наша фирма грамзаписи. Они отправили с нами на гастроли в Германию съемочную группу, которая пять дней снимала видео «Everything Louder Than Everything Else», а потом фирма попыталась впарить нам счет на 9000 долларов! Конечно, мы его не оплатили, а через два года с ними распрощались, так что им пришлось пережить это — обломайтесь, ребятки, назад в окопы! Деньги на ветер, не так ли?

В целом, на альбоме «1916» песни очень неплохие. На концертах мы ставили в сторонке синтезатор. Какое-то время Фил Кампбелл играл на нём «Angel City», но это ему очень не нравилось и вскоре мы освободили его от этой обязанности. Все эти дудки получались в ущерб гитарам. Чтобы играть одновременно и на клавишных, и на гитаре, Фил должен был

быть осьминогом, — он, конечно, похож на амфибию, но уж точно не осьминог! Так что на концертах на клавишных играл наш гитарный роуди Джеми, пока мы постепенно вообще не отказались от этого инструмента. Песню «1916» мы никогда не играли вживую; это сомнительная затея, потому что такая песня требует тишины, а с нашими зрителями этого не добьешься. Неоднозначный приём публики, с которым нам пришлось столкнуться в Англии, не имел никакого отношения к музыке — похоже, часть наших английских поклонников немного расстроилась из-за того, что я перебрался в Штаты. Будто я дезертировал и бросил их, что-то типа этого. Поскольку половина группы — Вёрзел и Фил Кампбелл — все еще жили в Англии, фаны не могли очень уж ненавидеть нас, но и не сгорали от любви. (Филти также собрался со мной в Штаты, но что-то было не в порядке с визой, и его выслали из страны! Очередной облом в стиле Motorhead.) Публика не знала, как к нам относиться. Главная неприятность состояла в том, что мы играли по полупустым залам, так что на следующие пять лет все английские промоутеры перестали приглашать нас куда-либо, кроме Лондона. Англия была единственной страной во всей Европе, — да фактически во всем мире! — которая не могла гарантировать прибыль с наших концертов. А мы, конечно же, не могли позволить себе вкладывать свои личные деньги. Чтобы провести тур по родной стране, нам пришлось бы выложить 100 000 фунтов стерлингов! Конечно, у меня не было такой суммы, а если бы и была, то я потратил бы эти деньги на что-то другое. В 1997 нам наконец-то удалось провести турне по Англии, и я удовольствием отметил для себя, что мы везде выступаем с аншлагами.

В мае, прежде чем отправиться на гастроли в Японию, мы выступили на шоу Дэвида Леттермана (David Letterman Show). Впрочем, там появились только я и Фил Кампбелл; Вёрзел отказался в этом участвовать, и уж не помню, где тогда был Фил Тэйлор. Так или иначе, им нужны были только двое из нас, потому что мы должны были играть с их группой. Мы там сыграли песню не со своей новой пластинки, а версию «Let It Rock» Чака Берри. До этого мы никогда не встречались с Дэвидом Леттерманом. Он переврал название нашего альбома, заявив, что наша новая работа называется «Motorhead»! Но мы частенько сталкивались с Полом Шаффером (Paul Schaffer), лидером группы — он был известной фигурой. В целом, участие в шоу Дэвида Леттермана ничего не дало нам. Они делали мне замечания — «Извини, но здесь курить нельзя». «А что такое?». «Это затуманит сцену перед камерами». Идиотская отмазка, не находите?

Ко времени нашей поездки в Японию у нас снова сменился

менеджер. Филу Карсону предложили работу на Victor Records, и я не могу винить его в том, что он согласился. Так что нами занялась Шэрон Осборн (Sharon Osboume) — жена Оззи — но ее хватило всего на несколько недель. Я просил ее стать нашим постоянным менеджером, зная, как великолепно она работает, но она не была в этом заинтересована. Это не привело ни к чему хорошему. Наша поездка в Японию породила большие проблемы. Мы хотели взять с собой своего гастрольного менеджера, потому что он знал нас, но она настояла на своей кандидатуре, парне по имени Алан Перман (Alan Perman) (Он уже умер. Конечно, не мы убили его — хотя я бы не отказался). Алан испортил наши отношения с Шэрон. Он утверждал, что мы громили гостиничные номера и все такое, чего не было на самом деле. Он отдал все деньги на текущие расходы Филу Кампбеллу, что с его стороны было полнейшим идиотизмом. Вот уж самый «настоящий» гастрольный менеджер. А потом он решил прикрыть свою задницу, заявив, что ему пришлось оплатить ущерб от нашего дебоша в отеле. Мы же не делали ничего подобного. Конечно, мы далеко не ангелы, но как раз тогда мы были сама невинность! (как и в остальных 3426 случаях!) Это была невероятная клевета! А по возвращении в Америку он в Лос-Анджелесе заселил всю команду в отель «Хайат», пришел в гостиничный номер нашего постоянного гастрольного менеджера Хоббса, отдал ему 300 баксов и уехал. И что Хоббс должен был делать с этими 300-ми баксов и шестью человеками в «Хайате»? А самой группе не выдали ни цента.

Всё это было очень скверно, и, к сожалению, Шэрон поверила в ложь Алана и решила, что во всем виноваты мы! Как только мы вернулись в Штаты, всё было уже решено. Приговор был вынесен и обжалованию не подлежал. Шэрон отказалась от нас за три дня до начала нашего американского тура, и все из-за Алана — он был ее любимчиком и она держалась за него. И Sony тоже заразились скандалом и паниковали: «Мы больше не пошлем вас в Японию!». Боже мой, они были готовы поверить кому угодно, даже этому козлу менеджеру, но только не нам. Мы даже попросили местного представителя Sony в Японии, чтобы тот позвонил им и рассказал правду, но они не поверили и ему. В конце года какой-то японец пришел на наш концерт в Irvine Meadows и рассказал представителям фирмы, какие мы замечательные ребята, но все было напрасно! Вот как нам тогда доверяли. У нас незаслуженная репутация плохих ребят, да еще и непрофессионалов. Да и зачем мне нужно было громить гостиничный номер? С таким же успехом я мог бы разгромить свою собственную квартиру, — дешевле вышло бы!

Во всяком случае, между фиаско в Японии и туром по Америке, которое прошло куда лучше даже без менеджмента — мы во второй раз, и, наверное, в последний, поехали в Австралию. Это была катастрофа. На одном из концертов мне пришлось уйти со сцены, потому что некоторые подростки снова плевали в меня. Я не люблю, когда в меня плюют (а кто любит? Даже панк-группам в 70-х это не нравилось!). Можете называть меня старомодным, если вам так хочется, но я не потерплю такого обращения. Я сказал им то, что всегда говорю публике в подобных случаях: «Если вы не прекратите плевать, я уйду и не вернусь. Так что если видите, как кто-то делает это, всыпьте ему по первое число, потому что своим поведением он сорвет концерт». Обычно это помогает, но на Золотом побережье мои доводы были бесполезны. Стыдно, потому что я не люблю уходить со сцены, но, черт возьми, я не собираюсь быть оплеванным! Кстати говоря, я не потерплю такое еще и потому, что как-то раз Джо Страммеру (Joe Strummer) из Clash один из этих придурков попал плевком прямо в рот! Мало того, что это мерзко, в результате он заболел гепатитом. Мило, не правда ли? Это не для меня!

Во всяком случае, Sony организовали замечательное турне «Операция Рок-н-Ролл». Для проведения этих гастролей с различных филиалов Sony было приглашено пять тяжелых групп. Состав исполнителей был такой — Alice Cooper, Judas Priest, мы, Metal Church и Dangerous Toys. Мы замечательно тусовались с Metal Church и Dangerous Toys. Элиса было не видать (он, в основном, сидел в своем автобусе и смотрел японские ужастики), так же, как и парней из Judas Priest, но с другими ребятами я сталкивался постоянно. Как правило, в стрип-клубе. В какой бы город мы не приезжали, мы шли в местный стрип-клуб, а они уже торчали там. В настоящее время я единственный музыкант в нашей группе, который выходит в свет — остальные стали целомудренными гражданами (Ну ладно, ладно, Фила Кампбелла из них можно исключить).

Турне было широко разрекламировано фирмой. Сначала нам пришлось не сладко, так как у нас не было менеджера, но Хоббс прекрасно справился с этим. Лесли Холли (Leslie Holly) из WTG также протянул нам руку помощи, и я всегда буду благодарен им обоим. Также, как и дорожникам других групп, — они заканчивали обедать первыми и бескорыстно помогали нам! Очень любезно с их стороны. Мы были лучшими почти на всех концертах того тура, хотите — верьте, хотите — нет. Разыщите любую из рецензий тура и сами убедитесь. Газета LA Times, например, назвала нас «острой горчицей в мягком шумовом

сэндвиче». Мне такой эпитет показался странным, но понравился! Нас, а не Элиса и Judas Priest, снимали для местных газет. И если нам по каким-либо причинам приходилось пропускать концерты, как вы думаете, кто от этого проигрывал? Если вы дочитали до этого места, думаю, что вы знаете ответ. Если честно, то мы стоили больше, чем нам платили. Metal Church также пропустили несколько концертов. Dangerous Toys не пропускали концерты, потому что в то время были фаворитами у Sony. У вокалиста были рыжие волосы, и он пел фальцетом, как Аксель Роуз (Axl Rose), так что вы понимаете их мотивы. В общей сложности мы пропустили шесть или семь концертов. Из Северной Каролины, где мы были вычеркнуты из программы вечера, мы вместе с Metal Church поехали в Южную Каролину и сами отыграли концерт. Все дело в том, что некому было бороться за нас, так как у нас не было менеджера. Если бы у нас был наш сегодняшний менеджер, поверьте, мы не пропустили бы ни одного гребаного концерта того тура!

Что удивительно, мы не играли последние четыре концерта не по вине Sony! За кулисами в Бостоне в результате несчастного случая я сломал себе ребра. Там была одна девчонка, и мы, знаете ли, воспылали страстью друг к другу. «Не хочешь еще выпить?» — спросил я, и она согласилась. Так что я потянулся за бутылкой, упал на аппаратуру и сломал два ребра. Я лечился всего лишь неделю, но концовку тура пришлось пропустить.

Во время турне «Операция Рок-н-Ролл» мы, наконец, нашли очередного менеджера — Дуга Банкера (Doug Banker). Он работал с Тэдом Найджентом (Ted Nugent), а ещё создал какую-то игровую систему, которую запретили в Лас-Вегасе. И вот он подошел к нам на одном из концертов, и мы решили поработать с ним. Когда он взялся за дело, он прекрасно зарекомендовал себя, но потом наши дела стали идти хуже. Я думаю, что отчасти так получилось, потому что он жил в Детройте, а нам нужен был кто-то под рукой, а не на другом конце континента. К тому же он все еще работал на Тэда Найджента. Не знаю, как уж там было на самом деле, но он не занимался нами в полную силу, а когда имеешь дело с Motorhead, ты должен отдаваться работе без остатка. Либо все, либо ничего. Этот бизнес является для нас тяжелой работой и нам нужен человек, готовый биться за дело на все сто. Не думаю, что Дуг Банкер до конца понимал и то, что ему придется разгребать все дерьмо, связанное с фирмой грамзаписи, отбиваться от незаслуженных обвинений в наш адрес и т. д. Я согласен, что с нами очень непросто работать, но прошло несколько месяцев, прежде чем Дуг и мы поняли всю недолговечность наших отношений.

Несколько месяцев после турне «Операция Рок-н-Ролл» наши дела, как ни странно, шли в гору, — а ведь Моторхэду не везло целое десятилетие! Мы получили массу восторженных рецензий, у нас был новый менеджмент, который на тот момент нас полностью устраивал, а сам альбом «1916» был номинирован на Грэмми (Grammy). Честно говоря, я искренне удивился, когда мне сказали об этом. (Если бы я знал, каким разочарованием обернется эта церемония, то, наверное, просто послал бы их всех куда подальше!) Я начал зарабатывать какие-то деньги, спустя больше четверти века в музыкальном бизнесе. И все благодаря альбому Оззи Осборна «No More Tears». Эта пластинка разошлась многомиллионным тиражом, а я написал тексты к четырем песням (с тех пор я написал для него еще несколько и пара из них появилась на диске «Ozzmosis»). Я выполнил эту работу без особого труда — Шэрон позвонила мне, и сказала: «Я дам тебе энную сумму денег, а ты напишешь несколько песен для Оззи», на что я ответил: «Отлично — ручка найдется?». Я написал шесть или семь вариантов, и в итоге он использовал четыре текста для песен «Desire», «I Don't Want to Change the World», «Hellraiser» и «Mama I'm Coming Home». На четырех песнях для Оззи я заработал больше, чем за пятнадцать лет работы в Motorhead — смешно, не правда ли? Хочу заметить, что я готов продолжить писать песни для любых заинтересованных лиц. По весьма разумным расценкам — хоть за ипотеку на вашего первого ребенка!

К началу 1992 мы начали работу над песнями для следующего альбома Motorhead, который известен, как «March or Die». Церемония награждения Грэмми состоялась как раз в это время. Дуг Банкер и его жена пришли на это награждение вместе со мной. Его жена сидела между ним и мной, но, когда объявлялись кандидаты в номинации «Лучший альбом heavy metal», он тут же пересел, на всякий случай, чтобы попасть в объектив камеры. Я давился от смеха! Победила в тот вечер, конечно, Metallica, — они продали около четырех миллионов альбомов, а мы 30 000 с горем пополам, так что они были вне конкуренции. Но сам факт номинации был приятен. Словно мы получили от музыкального бизнеса гребаную медаль за выслугу лет. Но вот сотрудничество с Sony доставило нам только головную боль (я сказал бы и по-другому, так что пусть радуются). «1916» по оценке критиков, стал нашей самой успешной работой, что называется — попал в струю, — он получил высокие оценки в журналах «Rolling Stone», и «Entertainment Weekly» (между прочим, женщина, которая помогла мне написать эту книгу, была автором рецензии в

«Entertainment Weekly» — но это произошло задолго до нашей встречи!). Так что, в этом отношении мы добились успеха. И на гастролях нам улыбалась удача — мы всем надрали задницу — нашим зрителям, дорожникам, промоутерам, менеджерам (и самим себе!). Нам не удалось воодушевить только нашу компанию грамзаписи! Мы рассчитывали поправить дело альбомом «March or Die»… Ха! Наивные мечтатели!

Когда мы готовились к записи «March or Die», появились и стали всё очевиднее и другие проблемы. И самой большой из них был Фил Тэйлор — когда в 1987 он вернулся в группу, поначалу все было замечательно, но со временем становилось всё хуже и хуже. Довольно долго мы пытались убедить сами себя, что с Филом все в порядке, но это было не так. Он ушел в 84, потому что боготворил Thin Lizzy, и считал, что вполне может сделать себе карьеру вместе с Роббо. Он начал пренебрегать Моторхэдом. К тому времени, как он вернулся, мы стали лучше, при неизменности концепции Motorhead. А вот его игра на барабанах изменилась не в лучшую сторону. «Eat the Rich» явно не был хорошо сыгран, что касается барабанов. После «Orgasmatron» барабаны в «Rock 'n' Roll» были довольно слабы. Он мог начать играть в одном темпе, а заканчивал в другом. Это никуда не годилось, потому что на концертах мы никогда не знали, что от него можно ожидать. И поговорить с ним было просто нереально, потому что он сразу же начинал психовать. Однажды Фил Кампбелл сказал ему: «Сегодня вечером ты играл, как п…», и он в ответ разошелся не на шутку — но, конечно, Филти всегда больше вредил сам себе, когда начинал кипятиться. Он и вне сцены был способен на всякое. Как-то раз он попробовал вылезти из своего гостиничного номера прямо на улицу через зеркало в ванной комнате, приняв его за окно. Он позвонил мне и заявил: «Пора на саундчек, а я не могу выбраться из номера!» и это было в пять часов утра! Тоже мне нашел время, потому что я как раз собирался забраться на женщину. Так что, как вы понимаете, меня это взбесило. Но я сказал девчонке: «Подожди меня, я скоро», и пошел вниз. Конечно, замок в его двери заклинило, и поскольку мы вдвоем пытались взломать ее — я с коридора, а Фил изнутри, — у меня за спиной появился охранник с огромным пистолетом. Я был в одних трусах и кимоно, а коп поставил меня лицом к стене и начал усердно ощупывать! Потом он начал задавать мне вопросы, вроде: «А насколько тот тип опасен?».

- О да, да, — сказал я. — Он очень опасен, — но больше для самого себя. Так что можно не беспокоиться.

Потом полицейский захотел узнать: «А он вооружен?».

— О, он может использовать всё, — мебель, стены. Все что

угодно.

Полицейским так и не удалось попасть в номер через дверь, так что они залезли через окно, а дверь раздолбали перфоратором. Фил сидел там, весь в царапинах и синяках после попыток вылезти через зеркало в ванной. Разве он не видел в зеркале, как похожий на него тип ломится с противоположной стороны?

Таких случаев было много. Возможно, мы бы с этим смирились, но то, что он сбивался с ритма, было уже чересчур. Он окончательно испортился, — работая над альбомом «1916», нам пришлось заставить его играть под метроном во время записи «Goin' to Brazil»! Потом он должен был встретиться с Вёрзелом и Филом Кампбеллом в Лондоне для того, чтобы отрепетировать песни для «March or Die» (в тот момент я был в Лос-Анджелесе и бешено писал тексты), и это был кошмар. Они играли уже полчаса и Фил Кампбелл повернулся к Филу Тэйлору и сказал: «Ты что, не знаешь свои партии?».

— Не знаю, — ответил он.

— Как так? Мы отрабатывали эти вещи дома, я и Вёрзел, — а ты почему не разучил их?

— На Рождество у меня сломался плэйер.

Как вам такое оправдание? И это произошло через несколько недель после отпуска! Это никуда не годилось, а в марте, когда мы играли на концерте памяти Ренди Роудса в зале Irvine Meadows, стало еще хуже. К тому времени мы поняли, что придется его уволить; мы начали записывать новый альбом, и у нас ничего не получалось. Но, несмотря на то, что это было необходимо, мне всегда будет не по себе от того, как я его уволил — я сказал ему об этом по телефону, и это было неправильно. Нельзя было так делать, но я не смог бы сказать это ему в глаза. За последние два года мы трижды предупреждали его, и Фил уже достаточно давно играл в группе, чтобы знать, в чём он облажался. Но похоже, что он не волновался на сей счет, и в конце концов ему пришлось уйти. Почти на всех песнях «March or Die» сыграл Томми Олдридж (Tommy Aldridge), кроме «Ain't No Nice Guy», на которой сыграл Фил, и «Hellraiser», на которой стучал наш новый барабанщик, Микки Ди (Mikkey Dee).

Я много лет знал Микки. Motorhead гастролировал с Mercyful Fate, когда в нашей группе еще играл Брайан Робертсон, а швед Микки был барабанщиком Mercyful. Однажды я уже просил его присоединиться к группе, когда у нас был Пит Гилл, но он тогда начал работать в Dokken, так что не мог сделать этого. На сей раз я прижал его в углу в баре «Rainbow» — в то время он жил в Лос-Анджелесе и был свободен. И мы позвали его на прослушивание.

Первой песней, которую сыграл с нами Микки, была «Hellraiser», и он сразу показал себя с самой лучшей стороны. Было ясно, что у нас всё получится. Мы записали с ним в студии две песни — «Hellraiser» и «Hell on Earth» (один из замечательных и незамеченных треков Motorhead) — а потом немедленно отправились в турне с Оззи. Эти гастроли стали настоящим испытанием для Микки, он очень боялся, но отработал чудесно. Это было забавно, учитывая, что остальная часть группы сомневалась в нем. В конце концов, у Микки были длинные белокурые волосы, он был красавец и знал это. Посыпались глумливые комментарии насчет «стильных причесок», и все это дерьмо о милашках глэм-рокерах. Но стоило Микки отыграть всего одно шоу, и все заткнулись. Раз! — и ни слова больше! Все были просто ошарашены, а я смеялся и говорил: «Ну, что? Кто тут еще час назад трепался о сосунках глемстерах?». Микки, надо сказать, лучший барабанщик, с которым мне приходилось играть (я также хочу добавить, что Фил Тэйлор в свое время тоже был превосходен).

Кроме барабанного таланта и шикарных белокурых волос, у Микки удивительный характер. Он еще более самонадеянный тип, чем я, и это говорит о многом! Но он с юмором относится к самому себе, что весьма ценно — я хочу сказать, что в противном случае он был бы невыносим. Он бывает такой прикольный, что смешит меня до судорог. Никогда не забываясь, он может пускать пыль в глаза девчонкам, а потом встретится со мной глазами, и мы оба начинаем смеяться. Тем не менее, порой он теряет контроль над ситуацией. Как-то раз мы каким-то образом оказались в плавучем борделе во Франции, — там много таких публичных домов на воде. Микки, Фил, парочка роуди и я оказались там, потому что, по большому счету, там больше не было никаких развлечений, и мы приняли это заведение за стрип-бар, что во Франции почти одно и то же. Из спиртного у них было одно шампанское, которого я не пил, в отличие от остальных ребят. В конце ночи нам предъявили счет где-то на 200 000 гребаных франков! Микки начал размахивать руками и орать с жутким шведским акцентов, который прорезается у него, когда он злится: «Черт возьми, я не собираюсь платить!». Они тут же вызвали полицию, а французские полицейские ненавидят англичан даже больше, чем всех остальных французов. И вот в бордель нагрянули вооруженные копы из отдела по борьбе с беспорядками, и Микки орал: «Зачем вы приперлись? Это долбаный бордель! Вы, мать вашу, с ними заодно! Французские раздолбаи!» и так далее. Один из копов достал пистолет, а Микки стал рвать на себе рубашку: «Ну, давай! Стреляй в меня!». А мы

все время твердили ему: «Перестань, приятель, потому что он тебя пристрелит. Он же хочет этого!». Наконец нам удалось оттащить его. Он пинал полицейскую машину, а копы стояли у него за спиной, но всё обошлось — наверно, не хотели связываться с таким психом. То шампанское, видимо, было плохого качества, потому что после четырех бутылок Микки обычно лишь слегка косеет.

Вообще с Микки у нас не бывает никаких неприятностей. Он полноправный музыкант группы — не то, что Брайан Робертсон, старавшийся выглядеть приглашенной звездой — и он хочет участвовать во всех делах коллектива, что очень ценно. Иногда, правда, он вваливается в автобус посреди ночи, когда все остальные спят, и врубает стерео на полную катушку. Я и Фил обычно спим как можно дальше от «кают-компании»! Но плюсы от наличия Микки в группе перевешивают этот небольшой минус.

Так или иначе, мне придётся сделать небольшое отступление и рассказать о создании альбома «March or Die», потому что в то время произошло достаточно много событий, помимо смены барабанщиков. Во-первых, Лос-Анджелес лихорадило после приговора по делу Родни Кинга[28](Rodney King). Мы были в студии Music Grinder, которая находится в восточной части Голливуда — прямо на Голливудском Бульваре — и работали над песней «Hellraiser». Я записал свои вокальные партии и вышел в холл, где на экране телевизора показывали кадры пылающего дома. В окно я видел этот самый дом на противоположной стороне улицы! Горел соседний дом! Все было охвачено пламенем, вокруг бегали люди — полный разгром! Микки увидел эту картину и заорал: «Моя машина! Я оставил её на улице!». И подошёл техник студии со словами: «Сегодня у нас сокращённый рабочий день, ребята». Можно сказать, что нас совершенно не волновало историческое значение этого случая. Мы поехали домой, — как оказалось, на четыре дня в городе был установлен комендантский час — и мы ехали словно через зону боевых действий. Потом я узнал, что мятежники добрались до Beverly Center, но не дошли до Beverly Hills, куда, по моему разумению, следовало направиться для расправы с богатеями. Ну, вы понимаете — смерть аристократам! И все такое. Но нет — они нападали друг на друга, что я расценил, как совершенную глупость. Чернокожие лупили корейцев; и с какой стати, позвольте спросить? Меня лично не раздражают корейцы в своих лавках — ведь можно ходить в другие магазины, не так ли? И делать все свои дела в других местах! А потом они жгли магазины и в своих кварталах; очень умно, не так ли? Ко всему прочему, все эти события были засняты новостными телеканалами и

полицейскими в вертолетах, а эти дурни делали ручкой в камеры и заявляли: «Привет! А я тут мародерствую!». Я так понимаю, что правило номер один любого вора — «не попадись на краже», не так ли? Эта публика хотела попасть в СМИ даже ценой собственной свободы. Ну не кретины? В тюрьме им самое место, если вы спросите меня!

У нас также появился новый менеджер, Тодд Сингерман (Todd Singerman). В случае с Motorhead это событие имело историческое значение. Я уже не помню, как мы познакомились, но однажды Тодд появился у меня дома. Он не отстал от меня, пока я не разрешил ему вести наши дела. Я даже не знаю, каким образом он связался с Motorhead, потому что до этого он никогда не слышал о нас. «Я хочу быть вашим менеджером», — сказал он мне, на что я ответил: «Но у тебя нет никакого опыта». «Не волнуйся, — сказал он, — Я работал на конгрессмена». Он был одержим этой идеей! Серьезно; он доставал меня каждый божий день, звонил в дверь: «Привет, это Тодд!», а я отвечал: «О, черт!». Но он возил меня всюду на машине, таскал по вечеринкам и тусовкам — понимаете, демонстрировал свои деловые качества. В итоге он уломал меня. Дуг Банкер не справлялся и я понимал, что нам нужен другой парень, так что сказал остальным музыкантам группы: «Поймите, нам необходим новый менеджер», и они охотно согласились, потому что поддерживали мою идею избавления от Дуга Банкера. Я сказал им: «У меня есть парень по имени Тодд Сингерман. Это подходящая кандидатура». Вёрзел отнесся к нему с подозрением; после Дуга Смита он не доверял никому. Жизнь иногда доводит до такого, понимаете ли. Но Тодд приходил и упрямо добивался своего. Ему с большим трудом удалось это, и теперь, получив работу, ему приходится ещё трудней! Всякий раз, когда он начинает жаловаться, я просто говорю: «Пойми, старик, ты сам, мать твою, вызвался. Так что деваться некуда!». И он прекрасно справляется со своими обязанностями. По своей натуре Тодд — борец, именно такой человек нам и нужен. И к тому же он настойчив, — я это сразу понял!

В самый разгар этих событий и был записан альбом «March or Die». Мы вновь пригласили Пита Солли, но, как часто случается с нашими продюсерами, во второй раз он уже не был так хорош. Я думаю, что титульный трек альбома стал камнем преткновения, потому что у него была своя версия «March or Die». Я хотел кое-что исправить, но он отказался мне помогать. Он просто сидел в студии, задрав ноги на стол, а всю работу выполнял инженер. Мне это, конечно, не нравилось. Вот почему песня «March or Die» не получилась такой, какой мы её задумывали. Это должна была

быть грандиозная вещь, и у меня есть пара версий этой песни на пленке, которые куда лучше альбомной версии. На альбоме есть и другие замечательные песни, например «Stand» и «You Better Run». Фирма грамзаписи захотела, чтобы мы записали какую-нибудь классическую кавер-версию, и именно Фил Кампбелл, насколько я помню, предложил песню Тэда Найджента «Cat Scratch Fever». Если честно, то наша версия лучше, чем у Найджента — у него получилось как-то неубедительно. У нас вышла такая хлесткая песня — конечно, никто не помнит нашу версию. В целом, я считаю «March or Die» недооцененным альбомом. Вы, наверное, думаете, что я буду обвинять в этом фирму грамзаписи? Вы правы, конечно!

Пока мы записывали эту пластинку, лейбл WTG доживал свои последние дни. Каждый раз, когда мы приходили в их офис, там было все меньше и меньше народа, и когда альбом наконец-то вышел, на фирме остались только Джерри Гринберг и Лесли Холли. Но самое удивительное событие произошло в наших отношениях с филиалом Sony, когда мы выпустили сингл на песню «Ain't No Nice Guy». Этот трек стал катализатором последующих событий: начнем с того, что это была замечательная песня, и так как это была баллада, она имела все шансы попасть на радио.

Я пригласил Оззи спеть со мной на этом треке. Сначала он хотел взять эту песню себе, но я не отдал (может быть, зря — тогда бы эту песню услышало гораздо больше народу), но я пригласил его спеть на ней. И Слеш (Slash) из Guns N' Roses записал гитарное соло; как-то раз он пришел, принял на грудь и записал пару гитарных треков. Мне нравится Слеш. Быть может, у Guns N' Roses скверная репутация, но он очень хороший, очень искренний парень. В общем, мы записали эту замечательную песню с участием двух самых известных музыкантов в тяжелом роке. Джерри на WTG знал, что это превосходная песня. И ничто не предвещало неприятностей, — пока наша компания грамзаписи не попыталась преднамеренно саботировать эту запись. А именно это они и сделали. Это был худший кошмар в истории группы.

«Ain't No Nice Guy» была несомненным потенциальным радио-хитом, и чтобы понять это, нам не нужно было спрашивать Sony или отдел маркетинга на Epic. Мы попросили их помочь протолкнуть песню на AOR (рок-радиостанции), но они не стали помогать нам. И еще заявили, мол, «мы разговаривали с AOR — они не станут крутить эту песню». Мы-то знали, что это наглая ложь, потому что этим вопросом занимался наш менеджмент. Один из наших людей, Роб Джонс (Rob Jones), и еще один парень,

которого мы наняли, постоянно звонили на радиостанции. С их помощью за два месяца мы обзвонили восемьдесят две AOR станции. И все они сообщили, что Sony никак не способствовали раскрутке — они даже не слышали об этой песне, пока не позвонили мы! «Ain't No Nice Guy» попала на десятое место в радио-чартах, а Sony не сделали ни одного звонка, — представьте себе, что бы случилось, если бы они приложили минимум усилий! Напротив: на самом деле они попытались помешать трансляциям. Один из представителей лейбла, парень, работающий с радиостанциями, позвонил на радио в Канзас-Сити и сказал: «Я слышал, что вы крутите «Ain't No Nice Guy». Прекратите немедленно. Мы не предоставляли вам эту запись». Какая сволочь! У них есть хитовая песня, и они намеренно хоронят ее! Наш менеджер Тодд позвонил этому болвану и обматерил его.

— Я полтора года целовал тебя в задницу, чтобы заставить тебя выполнить свою работу, — сказал он этому тупице. — Я сделал все от меня зависящее, а ты палец о палец не ударил! Если сегодня вечером к десяти тридцати эта запись не вернется в ротацию, у меня есть друзья в Южном Централе, которые постараются сделать так, чтобы ты никому больше не гадил!

Конечно, через час песня снова звучала в эфире, но, не правда ли, это мерзко, когда такие типы провоцируют тебя на подобные меры? От таких людей никакого толку: если ты нянчишься с ними, они начинают думать, что ты слабовольный тип и садятся тебе на шею; если же ты негодяй, или, по крайней мере, говоришь с ними на одном языке, то тебя наверняка уволят, что, в конечном счете, и случилось с нами. Похоже, что эти зарвавшиеся чинуши способны реагировать только на жлобское поведение.

Так как мы не получили никакой помощи от компании по проталкиванию песни на радио (это еще мягко сказано!), то ничего удивительного, что они также не пускали нас на MTV. Мы попали на десятое место на рок-радио, и нам было нужно всего около 15 тысяч на съемку видео, но они не дали нам этих денег. Так что мы выложили из своего кармана примерно 8000 баксов и все сделали сами, — и спасибо Оззи и Слешу за съёмки в этом видео-ролике. Хотя видео получилось немного сумбурным, оно не было таким уж ужасным. Но MTV тянуло с показом, потому что Sony не давали своего разрешения целых три недели!

Давайте поговорим об еще одном нашем деле, к которому Sony не имело никакого отношения: мы попали на телешоу «Tonight Show» и были первой тяжелой группой, выступившей на этом шоу. И опять благодаря нашему менеджеру, который вместе с нашим независимым издателем Аннетт Минолфо (Annette Minolfo) использовали свои связи, чтобы нас пригласили туда. В

день записи компания грамзаписи послала пару своих типов, чтобы следить за нами, но это не могло скрыть тот факт, что они никак не способствовали нашему приглашению. На самом деле они сказали нам, что этому выступлению не бывать!

Мне очень понравилось выступление на «Tonight Show». Джей Лено (Jay Leno) оказался настоящим джентльменом, куда более приятным типом, чем Дэвид Леттерман, которого мы так и не встретили во время съёмок его шоу. Джей пришел в гримерку за два часа до начала и спросил нас: «Вам больше ничего не нужно?». Он был не обязан этого делать. А во время репетиции началась обычная в таких случаях паника и всё те же идиотские требования: «Вам нельзя играть так громко! От этого начинают вибрировать камеры!», На что я ответил: «А как же тогда снимались все эти железнодорожные катастрофы?». Что за чушь. Ничто не может потревожить эти гребаные камеры! То же самое они врали на Би-Би-Си двадцать лет назад! Но само шоу было очень веселым. После того как мы отыграли первую песню, мне пришлось отдать пять баксов Брендфорду Марсалесу (Branford Marsalis), который тогда был лидером группы игравшей на «Tonight Show». Как-то ночью Тодд представил меня ему в одном голливудском клубе, когда он только начал работать с Джеем на «Tonight Show». Я сказал ему: «Устрой нам приглашение на это шоу», и он ответил: «Нет проблем». «Ха! Ставлю пять долларов, что ничего не выйдет». «О'кей», — сказал он, и в результате мы получили приглашение. Еще на то шоу был приглашен один парень, Нейл Патрик Харрис (Neil Patrick Harris), который играл в телесериале «Doogie Hawser» и характерная актриса Эди Макклур (Edie McClure) — замечательная девчонка. Я дурачился с Джеем и шутил с Эди, мы сыграли две песни, — это было очень хорошее шоу, — но не благодаря Sony!

За две недели до нашего появления на «Tonight Show» мы также отыграли три концерта на Западном побережье в рамках стадионного турне Metallica/ Guns N' Roses. Уж не знаю, как нам удалось вписаться в этот тур; наверное, с подачи Metallica. Они — единственная группа, которая отдаёт нам должное. Те три стадионных концерта прошли с успехом, особенно последние два. Нам предоставили всю аппаратуру на сцене и обращались с нами, как и подобает, с большим уважением.

Говоря об уважении, здесь самое место вернуться к нашим неприятностям с Sony, компании, которая совершенно не уважала нас. Я лишь могу сделать вывод, что Sony использовали WTG для уменьшения налоговых выплат, отсюда и их отношение к нам. Казалось, что, никак не помогая нам, они ещё и делали все возможное, чтобы помешать продажам наших альбомов, особенно

«March or Die». Когда он вышел в свет, а на фирме остались только Джерри и его ассистент, мы поняли, что дни WTG сочтены, но полагали, что Sony подпишут нас на одну из своих дочерних фирм, скорей всего на Epic, потому что именно они занимались нашим маркетингом. Это обычная практика, и этому переводу должны были способствовать и номинация на Гремми, и замечательные рецензии, полученные нами за альбомы «1916» и «March or Die». Но нет, они уволили нас, и если честно, я считаю, что этим они сделали нам одолжение. Эти уроды на Sony — глупые, невежественные, чертовски высокомерные задницы. Это не было большой потерей, потому что я понимал всё задолго до нашего увольнения! Они полные профаны в музыке. Они продают миллионы записей, но они не станут заниматься вами, если только вы не Майкл Джексон или Мерайя Кери! Поверьте, Мерайя Кери ничего не добилась бы в этом бизнесе, не будь Томми Моттолы (Tommy Mottola)! Этот самый Моттола даже и не узнал бы меня на своей собственной долбаной вечеринке по случаю вручения награды Гремми. Да пошли они все! Они — самая глупая команда придурков, которую я когда-либо видел в своей жизни. Это точно.

Мы дали несколько хэдлайнерских концертов в Аргентине и Бразилии, а потом — прежде, чем решать проблемы с поиском новой компании грамзаписи — мы посетили съезд CMJ в Нью-Йорке. CMJ — это университетская музыкальная газета, и она ежегодно организует эти съезды. Разные организации устраивают подобные музыкальные конференции и я бывал на некоторых из них. Это странные мероприятия: на них можно увидеть команду младших сотрудников, хлопающих друг друга по спине и оставляющих приличные суммы в баре, и также там присутствует много молодежи, немногим отличающихся от простых фанов, которые только начинают свою карьеру в музыкальном бизнесе (бедняги!). И, конечно, чиновники лейблов приглашают своих артистов, рекламируя их. Я был там, но никто не выставлял меня напоказ, — все робели! Вёрзел и я на витрине — смешнее не придумаешь! Очень красочно. В этой компании оказалась и какая-то певица-металлистка, называющая себя «Великой Кэт» (Great Kat), впустую потратившая много чужого времени, на все лады расхваливая себя. Вёрзел тем временем мочился в бутылку под скатертью. Но запомнился мне тот вечер тем, что я и Вёрзел встретились с человеком, которым я восхищаюсь — с гитаристом Лесли Уэстом (Leslie West).

Лесли Уэст — замечательный парень, конченый маньяк с чертовским бешеным взглядом психопата. Я представил его Вёрзелу, и он уставился на Вёрзела и спросил: «Тебе твоё имя

мамаша дала, или ты получил его позднее?».

Вёрзел, который немного оробел под безумным взглядом Лесли, ответил: «П-позже, в школе».

— Скажи мне правду, Вёрзел, ты употребляешь наркотики?

— Уп-потребляю.

— Тогда пошли.

Они отправились в мужской туалет и заперлись в кабинке, что совсем непросто, учитывая габариты Лесли. Уэст просыпал кокаин себе на ботинок и сказал: «Не пойми меня неправильно, Вёрзел, но тебе придется наклониться!». И Вёрзелу пришлось опуститься на корточки и занюхать кокаин прямо у него с ботинка!

Лесли Уэсту быстро надоело это сборище. «Не могу я больше здесь торчать, Лемми», сказал он мне. «Все эти люди — долбаные обыватели».

— Я знаю! — сказал я. — Я и сам уйду, чуть погодя.

— Ладно, я ухожу, — сказал он. — Жаль расставаться с тобой, Лемми, но мне пора. И он направился к своему автомобилю и уехал. Я не виню его. Все его рекорд-лейблы мало что сделали для него. Лесли очень талантливый парень, но «машина по производству хитов» игнорировала его много лет.

В общем, к концу года мы опять остались без фирмы, но это сыграло нам только на руку, если вы спросите меня. Наслушавшись столько лжи от руководства Sony, я, наконец, спросил одного из служащих компании: «Зачем вы все время врали нам?».

И вот что он ответил мне, цитирую: «Только так этот бизнес и работает».

Вот и представьте себе людей, говорящих такое! Как можно быть такими подлыми? Таких типов надо вешать за яйца на дереве и сжигать. Впрочем, за почти тридцать лет в музыкальном бизнесе я должен понимать это. Я всегда говорил, что хороший бизнес это воровство — и если твой день был удачный, значит чьи-то деньги перекочевали к тебе. Эти люди относятся к музыке исключительно как к товару, они продают музыку, словно бобы в банках. Большинство тех людей, которые проталкивают те или иные группы, никогда их не слышали. Они знают название и работают с ним. Похоже, никто больше не верит в музыку. Музыкальная индустрия развивается, убивая музыку. Различными способами они все пытаются угробить ее, но пока я жив, я не позволю им сделать это. Да пошли они. Они позорные, глупые, высокомерные ублюдки, которых, в отличие от меня, никто скоро и не вспомнит. К черту их. «Кто такие? Работали в Sony? Ха! Невелика честь!».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Мы — Motorhead (We are Motorhead)

Как вы можете догадаться, меня не опечалило расставание с Sony. Мы бывали и в худших ситуациях. Подобные вещи меня вообще не беспокоят, — надо просто продолжать двигаться вперёд, и все уладится само собой. Так было всегда. Нельзя поддаваться панике и унынию; надо верить в себя, и тогда обязательно найдутся люди, которые признают тебя заслуживающим внимания и ты достигнешь желаемого. Если ты ноешь о своих неудачах, кому ты нужен?

Так что после разрыва с Sony мы продолжали делать то же, что и всегда — выступали с концертами. Незадолго до того, как мы были уволены, мы отыграли примерно пять концертов с Оззи Осборном и Alice in Chains. Оззи проводил один из его так называемых «прощальных» туров — как будто он когда-нибудь действительно собирается на пенсию! Он бы, к чертям, сошёл с ума, если бы удалился на покой! Оззи — один из самых харизматичных исполнителей в мире; его дело — его сущность. Лишите его этого и он просто свихнётся. Если бы он мог видеть себя со стороны, как его видят другие, он бы никогда не заикался об отставке. Однажды, конечно, ему придётся остановиться, но только когда он не сможет больше ходить. В общем, мы отыграли только несколько из тех «прощальных» шоу и затем нас сняли с программы тура, потому что пришло время наших запланированных концертов с Guns N' Roses и Metallica. Выходить первыми не очень престижно, если честно, но с тех пор, как нам пришлось играть перед Alice in Chains, меня это не волнует.

Мы также сделали несколько записей. В фильме Клайва Баркера (Clive Barker) «Восставшие из Ада III: Ад на Земле» (Hellraiser III: Hell on Earth) есть пара наших песен — «Hellraiser» (наверное, не удивительно?) и «Hell on Earth», которые были записаны за один сеанс. В дополнение к этому мы записали «Born to Raise Hell», в которой я пел вместе с Айсом Ти (Ice T) и Витфилдом Крейном (Whitfield Crane), вокалистом группы Ugly Kid Joe (он хороший парень… теперь! Привет, Вит!). Последняя песня была записана в последние минуты нашего студийного времени, она звучит в финальных титрах фильма, но не попала на саундтрек-альбом. Мы даже сняли клип для «Hellraiser», но Sony, конечно, не финансировала его — несомненно, это вполне нормально для компании, активно занимающейся кинопроизводством. Так что вы можете убедиться, что наша

карьера не полностью зависела от Sony (и слава Богу!).

Позже мы отыграли несколько концертов в Аргентине и Бразилии, с Alice in Chains в первом отделении. В некоторых латиноамериканских странах жизнь течет вне закона, и порой действительно приходится опасаться за свою задницу. За год до этого, будучи с концертами в Бразилии, мы были приглашены в гости к сыну Президента, и по пути к его дому нас пытались повязать местные копы. Это основной источник дохода для них; арестовывать людей вроде нас и затем освобождать за огромный выкуп. Разумеется, все рок-группы чрезвычайно богаты — ха-ха! Тогда мы играли с Iron Maiden и Skid Row и после того, как закончили, мы вышли к автостоянке, и вся охрана собралась вокруг фургона, который должен был доставить нас к гостинице, а один из копов что-то делал внутри него с одним из сидений. Он вышел, и, увидев его бегающие глаза, я подумал — «Твою мать!», поэтому повернулся к своим парням, сказал: «Никому не входить в гребаный фургон!» и стал настаивать, чтобы нам дали другой. Парень принялся утверждать, что других фургонов нет, и я сказал, «Тогда мы останемся ночевать здесь. Я буду спать в гримерке. Устраивает?». Другой фургон всё-таки нашёлся, мы заехали за нашими людьми, остававшимися в гостинице, и направились к дому президентского сына. Ярдов через десять — что ты будешь делать! — мы обнаружили копа у нас на хвосте. Парень остановил нас, высадил всех и сразу начал обыскивать то самое сиденье. Там, разумеется, ничего не было, и он растерялся! Начал задавать какие-то глупые вопросы, «Сколько лет этим девочкам?» и все такое, но он был нелеп и понимал это. Потом нам пришлось ждать (он сказал, что фургон «переполнен»), пока они не пришлют другой фургон, и я решил, что нас снова пытаются одурачить. Мы с Тоддом пошли пешком назад в гостиницу — не понимаю, зачем добровольно лезть за решётку! Но фургон догнал нас, никаких копов видно не было, и все наши звали: «Залезайте», так что мы сели и доехали, наконец, до дома президентского сына. Это было что-то! Вы останавливаетесь там, и внезапно из леса выходят все эти солдаты с их пушками наготове, требуя секретный пароль и всё такое. У нас был пропуск, так что нас пропустили без проблем. Там мы славно оттянулись, жаль только, что было мало девчонок, если вам это интересно. Фил Кампбелл напропалую пьянствовал в большой компании с хозяином и всеми этими огромными секъюрити — так, в общем, не завяжешь длительной дружбы или чего-то в этом роде.

Также мы снова проехали по Штатам, на сей раз с Black Sabbath. Специфика путешествия с ними была такова, что каждый

день они устраивали тихий час; в раздевалке закрывались двери, задёргивались шторами окна, и втроём они дрыхли на диване бок о бок, как кролики. Бобби Рондинелли (Bobby Rondinelli) вообще-то не привык спать днём, но и ему приходилось, вместе с Гизером и Тони! В Милуоки нас одолела скука, потому что там была одна гримёрка на две группы — большая комната, разделенная занавеской. Так что весь свет был выключен, и нам пришлось сидеть в темноте целый час. Это всё довольно странно. Даже если Моторхэд будет гастролировать до 2035 года, я не представляю себе тихого часа в группе. Однако, должен сказать, каждый вечер на сцене они выдавали отличное шоу и прекрасно провели всё турне.

Год закончился на кислой ноте. Мы собирались в турне по Англии, но, как я уже говорил, оно было отменено, потому что промоутеры не стали гарантировать нам деньги, а мы, естественно, не собирались финансировать поездку самостоятельно — знакомая история. Тем не менее, мы направились прямо в Европу и отработали замечательно, как всегда. Делайте вывод; мы — единственное крепкое звено во всей схеме: мы всегда приезжаем и играем свою программу, мы всегда вовремя, и мы всегда достаточно благоразумны (ну ладно, — почти всегда). Если бы промоутеры хоть наполовину делали свою работу так, как мы делаем свою, все были бы счастливы.

В начале 1993 мы провели неделю, отыграв несколько незначительных концертов в Анахайме (Anaheim), в клубе под названием «California Dreams», которого больше не существует, а также выясняя, где и как записывать новый альбом. Предложений, конечно, было несколько, но мы остановили свой выбор на немецкой компании ZYX, что в итоге стало настоящим бедствием. Они предложили нам больше денег, чем другие — причём они предложили нам эти дурацкие деньги вперёд — и мы купились. Немудрено было сломаться: что ещё остаётся делать, когда сидишь без гроша в кармане? Хотя, надо признать, всё выглядело довольно заманчиво. С одной стороны, многие годы Германия была нашим лучшим рынком, так что имело смысл подписать контракт с немецкой фирмой. И они вроде бы выполняли все свои обязательства, и постоянно летали через Атлантику для встреч с нами. Так как компания ZYX была прежде всего танцевальным лейблом, (о чём нас сразу же предупредили), они сказали, что мы должны сами заниматься распространением, создать собственную дочернюю компанию и все такое. И в конце концов они стали настаивать на том, чтобы мы все делали сами, что было настоящим кошмаром. Они ничего не знали об американском рынке. Да ещё этот человек, бывший там главой, который основал

компанию в 1926 году или около того. Он был древний, как грёбаный Ноев ковчег, и последнее слово всегда оставалось за ним. Я не помню, сколько раз Тодд летал через Атлантику для переговоров с ними, но это было чаще, чем они летали к нам! Тодд был нашим менеджером тогда всего чуть больше года, и те месяцы стали для него настоящим боевым крещением. Благодаря этому он здорово вырос, как профессионал.

Как бы то ни было, мы пока не подозревали, в какое дерьмо вляпались, и поэтому просто работали над альбомом, как обычно. В первый раз Микки участвовал с самого начала, и, как оказалось, он еще лучше, чем мы ожидали. Он принимал активное участие в написании песен для альбома, вышедшего потом под названием «Bastards». Фил Тэйлор же совсем не интересовался записью уже задолго до того, как мы уволили его. А Микки проникся, едва мы вошли в студию. Он записал свои партии за рекордное время. Он был убойный чувак, и по сей день убойный…, скажу даже — уморительный!

Также для записи этого альбома мы нашли нового продюсера. В лучшие времена нашей карьеры у Motorhead вошло в обычай менять продюсеров после каждого второго альбома — по два альбома сделали Джимми Миллер, Вик Мэйл и Питер Солли. После этого, кажется, они уже ничего хорошего сделать не могли. Я думаю, мы стирали их, как ластик! Я не помню имя ещё одного парня, кандидатуру которого мы рассматривали для новой записи, но выбор стоял между ним и Говардом Бенсоном (Howard Benson). И мы выбрали Говарда. Говард, конечно, заслужил: он сильно этого хотел и приходил на все репетиции (хотя, должен сказать, с тех пор он забыл об этом). Говард был под рукой, Говард собирался работать, что бы ни случилось. Он просто приходил и торчал рядом, пока мы не сказали «да». Так он, в самом деле, и добился своего — в итоге мы сказали: «Да мать твою, пусть уж тогда он и занимается этим!». Он действительно хотел эту работу и получил её, и, что удивительно, остался с нами ещё на четыре альбома. Я не знаю, как он сумел сломать барьер двух альбомов, но он сделал это и мы были очень довольны им, несмотря на некоторые его странности (я дойду до них позже, но не задерживайте дыхание — они того не стоят). Он здорово поработал на «Bastards» — я думаю, что это до сих пор один из лучших альбомов Motorhead. Каждая песня на нём великолепна. «Death or Glory» и «I Am the Sword» — наверное, мои любимые, как и «Lost in the Ozone». Ещё есть «Don't Let Daddy Kiss Me», в которой говорится о насилии над детьми. Я написал её в одиночку и три года никуда не мог пристроить. Я предлагал её всем — Лите Форд, Джоан Джетт — считал, что её должна петь

женщина, но никто песню так и не взял. Они слушали и говорили: «Мне нравится! Я должна петь её, отдай её мне!» а спустя три недели звонил менеджер и говорил «нет», так что пришлось петь самому.

Мы с радостью работали над «Bastards». Несмотря на то, что Вёрзел участвовал в записи и следующего нашего альбома, «Sacrifice», я считаю «Bastards» на самом деле последней записью Моторхэда с Вёрзелом, потому что она была последней, которую он делал действительно в хорошем настроении. Мы забавлялись над Говардом, показывая ему, что значит работать с нами. Он был обидчив, как девчушка, так что было проще простого сбить его с толку. Он начинал: «Перестань оскорблять меня!», на что я обычно отвечал: «Тебя не нужно оскорблять, Говард. Я тут ни при чём. Ты сам себе это делаешь». Однажды он пришёл в рубашке с номером 36, или что-то вроде того, и Фил спросил: «Это что, иностранная рубашка?». Говард ответил: «Нет, с чего ты взял?». А Фил заявил: «Я никогда не видел, чтобы слово «п…» было написано таким образом». Мы поймали его на этом дважды, и наконец он взорвался: «Если я так не нравлюсь вам, почему же вы наняли меня?!». И Фил сказал: «Понимаешь, ты единственный был нам по карману».

Несмотря на это, Говарду на самом деле нравилось быть нашим продюсером. Он, конечно, не упустит случая облить нас дерьмом перед кем-нибудь, это уж наверняка (но когда-нибудь, надеюсь, всё-таки простит). В студии у меня с ним почти не было разногласий. В самом начале нашей работы был день, когда я несколько часов ждал, чтобы записать вокал, предполагая, что так будет лучше, чем всё это время он провозится с гитарными партиями или ещё чем. Наконец я достал гамбургер, и не успел разок откусить от него, как он заявил: «Правильно! Пишем вокал!». «Ты! Гад! — сказал я, — Почему ты не даёшь мне доесть мой гребаный гамбургер?», но нет: «Давай, давай! Шевелись, у нас мало времени!». Говард в студии — настоящая сволочь, знаете. Так что я поступил естественно; взял и выдавил начинку булочки ему на пульт. Полагаю, что это было справедливо. Гастрономические вкусы Говарда, кстати сказать, мало привлекательны — он ест всю эту отвратительную вегетарианскую пищу, плоды и орехи. Это нездоровое дерьмо! Люди — плотоядные животные — только взгляните на наши зубы! Наша пищеварительная система не предназначена обрабатывать вегетарианскую пищу. От неё пучит живот и меняется кишечная флора. Вегетарианство для человека неестественно, — между прочим, у коровы четыре желудка, а у нас один. Задумайтесь об этом. (Привет, Говард!) И не забывайте

— Гитлер был вегетарианцем!

За всё время, что мы работали с ZYX, только запись альбома прошла без сучка и задоринки. Но когда мы находимся в студии, всё получается само собой. Mikkey, едва начав записываться с нами, удивлялся, что мы всё делаем от фонаря. Он играл с людьми вроде Дона Доккена, которые работают над одним альбомом по три года и планируют всё заранее. Я такого не выдержу. Мы приходим в студию ни с чем и начинаем с нуля. Дёшево и, как видно, эффективно. Не было бы эффективно, мы бы действовали иначе. Во всяком случае, альбом получился великолепным, но людям оказалось невозможно купить его. Без проблем с этим было только в Германии, — ZYX — немецкая фирма, и это единственный рынок, который они контролируют. Где-либо в других странах достать альбом было безнадёжно. Потребовалось время, чтобы его начали продавать в Японии. В США о нём никто даже не знал. Тем не менее, мы много гастролировали с новой программой — мы полагали, что если где-то невозможно достать альбом, мы должны сами добраться туда и играть его вживую! Но в целом ситуация была прискорбной.

«Bastards» был одним из самых лучших альбомов, которые мы когда-либо записывали и, несмотря на это, все усилия пропали практически даром. Очень угнетает ситуация, когда вы полностью выкладываетесь ради альбома, буквально трясётесь над ним, а всем вокруг на него наплевать, особенно вашей собственной фирме грамзаписи. Мы не могли заставить ZYX даже заплатить за рекламные копии. Наш агент, Аннетт Минолфо, просила 200 компакт-дисков, чтобы разослать ди-джеям и прессе, и они отказали — «слишком дорого». Слишком дорого?! Они выдали нам полмиллиона долларов только аванса, чтобы сделать классную вещь, и теперь слишком дорого разрекламировать её двумястами гребаных компакт-дисков! У кого-то голова в заднице, не так ли? Впрочем, надо сказать, что «Bastards» по радио крутили чаще, чем, к примеру, «1916» или «March or Die». Причина в том, что мы просто разослали им диски самостоятельно. Всего делов-то.

Во всяком случае, после того, как мы закончили писать «Bastards», мы дважды проехали и Северную Америку, и Европу, — всё, как обычно. В Монреале с Микки приключился забавный случай. За кулисами ошивались два парня-трансвестита. Они были одеты, как полагается, и хотели сфотографироваться с нами. Как вы знаете, мне все равно, какие у людей сексуальные наклонности, тем более, как они одеваются, и Фил относится к этому точно так же (Фил так вообще постоянно

одевается в таком стиле — почему, как вы думаете, он назван «Ножки-На-Шпильках» (Stiletto Heels) на «Bastards»?). Но Микки — совсем другое дело; несмотря на то, что он красавчик, он ненавидит подобные вещи. Так что мы дали парням своё «добро», но до последнего момента ждали появления Микки. Потом было так: «Микки! Иди-ка, сфотографируйся с этими крошками!». Микки с энтузиазмом начинает: «Привет, девочки!» и всё такое. Далее его цитировать не стоит. Мы здорово повеселились, потому что один из парней потерял свою юбку, а его заднице не слабо досталось. Но фотографию мы всё-таки сделали, а Микки, отдуваясь, долго ещё бормотал про себя: «чёртовы гомосеки!». Вдобавок ко всему, мы приехали в этот клуб на автобусе, и Микки после нашего выступления куда-то отлучился, а когда вернулся, автобуса уже не было. Он не знал, что после рок-концерта там началась гей-дискотека! Он вышел из такси в минус 20°, в снежную бурю, и единственное теплое место было в дискотеке, так что ему пришлось пойти туда. Он застрял там на два часа со всеми этими трансвеститами, приставшими к нему с вопросами: «где ты укладываешь свои волосы?». Я заплатил бы сто долларов, чтобы увидеть это! Наверняка фантастическое зрелище, хе-хе!

Одна из поездок по США была снова с Black Sabbath, и все шло великолепно, пока мы не направились в Лос-Анджелес и я не подхватил какой-то ужасный грипп. Микки и Вёрзел оба переболели им в Денвере. Это дало знать о себе утром, когда автобус прибыл в Город Ангелов. Сначала я почувствовал необходимость лечь в кровать, а потом убедился, что действительно очень болен. Это была самая ядовитая зараза, которую я когда-либо получал. Тем вечером мы должны были играть в зале Universal Amphitheater, но Тодд велел мне не вставать с постели: «Лежи, не дёргайся. Ты никуда не пойдёшь». Хорошо, что Black Sabbath оставили нас в турне после этого, в самом деле, потому что все решили, что я симулирую. Всякий раз, стоит мне заболеть, все говорят, что я опять обожрался наркотиков, а я действительно болею! Я поднялся только через несколько дней — такой это был грипп. Но смотрите; из всех городов это обязательно оказался Лос-Анджелес!

Мы также играли в Аргентине, перед 50 000 человек (мы готовы каждый год летать в Южную Америку, лишь бы там в это время не случилось очередного переворота!). Этот концерт состоялся на футбольном поле, в одной программе с Ramones, и, надо сказать, что мы затмили всех, даже при том, что Ramones там очень популярны. Я имею в виду, что почти вся толпа была одета в майки Motorhead, и все 50 000, казалось, пришли

посмотреть именно на нас. Никто не решился бы выйти на сцену после Motorhead тем вечером. И если я говорю «никто», это значит — пусть даже это были бы сами Битлз. Ради таких моментов стоит жить!

Между Японией и Европой у нас выдалось несколько свободных дней, и я в компании с нашим менеджером Тоддом и роуди барабанщика Папом слетал в Таиланд. Это была очень интересная поездка, потому что жизнь там, видимо, не стоит ничего — если заплатить $600, всей толпой можно смотреть, как девчонку трахают, бьют и снимают всё это на видео. Они покупают этих девочек в глуши у их бедных родителей, которые нуждаются в деньгах, чтобы прокормить ещё с десяток других своих детей. Такого рода аттракционы (?!) доставляют тамошним бизнесменам большое удовольствие. Мы, конечно, не стали смотреть ничего подобного, но пошли в клуб, где на сцене было примерно одиннадцать девочек. Они все выглядели на шестнадцать, и были самыми красивыми женщинами, которых вы когда-либо видели — потрясающие большие груди, длинные ноги и восточные лица. Каждая из них была мечтой любого мужика. Но то, что они делали, было просто поразительно! Они были обнажены, только с чем-то вроде пояса на талии у каждой. И одна из них садилась на корточки, вставляла в промежность духовую трубку и лопала воздушные шары. Вторая была подвешена в петле, а другие девушки её раскачивали и насаживали на искусственный член в руках одной из них, и пару раз здорово ударили её об стол. Ещё одна запихивала себе несколько бритвенных лезвий и потом вытаскивала их на нитке. Всё это очень странное зрелище. И уж никак не эротичное!

Наконец все мы приехали домой, и снова оказались в Штатах без своей компании грамзаписи. Я уже не помню, как мы расстались с ZYX. Думаю, мы просто оставили их и перебрались на CBH, глава которой, Рэйнер Хансел (Rainer Hansel), много лет был нашим немецким промоутером. Так что мы выбили себе контракт благодаря заинтересованности Германии, но что касается Штатов, там мы не имели ничего. Микки был в панике, но тогда он всегда был такой. Он видел, как его зарплата исчезает за горизонтом. Это нормально, потому что ему надо содержать семью, так же, как и Филу. У меня семьи нет и меня мало волнуют эти проблемы, как и сами паникёры. Они думают, что это говорит о том, как они заботятся о деле, но это ерунда. Ты упускаешь из виду много деталей, если запаниковал. В конечном счете мы всё-таки подписали контракт с американской компанией, но это произошло уже после записи нашего следующего альбома, «Sacrifice». У нас были контракты в

Германии и Японии, где всегда благоволили к нам, и им нужен был альбом, так что оставался только один путь — вперёд.

«Sacrifice» — один из моих любимых альбомов Motorhead, особенно учитывая трудности, с которыми мы столкнулись, записывая его. Продюсером снова был Говард, но он тогда как раз подписал контракт с фирмой Giant и параллельно работал на них. Так что половину всего времени записью занимался инженер Райан Дом (Ryan Dom), придерживаясь направления, данного ему Говардом. И с каждым днём становилось всё яснее, что Вёрзел собирается уйти. Он отдалился от группы, и когда мы писали песни, обычно просто сидел рядом, со своей гитарой на коленях. Когда мы начинали играть, он тоже играл, когда мы останавливались, он тоже останавливался. Казалось, будто что-то случилось с ним накануне вечером, но на самом деле, конечно, это накапливалось в течение долгого времени. Для меня это было особенно тяжело, потому что много лет он был моим лучшим другом в группе, и вдруг изменился до неузнаваемости и возненавидел меня, а это может разбить любое сердце, знаете ли.

Однако, мы вошли в студию с несколькими великолепными песнями — мы написали «Sex and Death» за десять минут в последний день репетиций. Я переписал текст, как только мы начали записывать её, но это обычное дело для нас. Я изменил «Another Time» с общего одобрения, и написал три различных текста на «Make 'Em Blind». Забавные вещи случаются при записи — вы приходите с одной песней, а получается что-то совершенно другое. Я добавил кусок в «Out of the Sun» — там было только два с половиной куплета, а как можно петь половину куплета? Но когда Микки, Фил и Вёрзел репетировали, им на это было плевать, — петь не им. Чёртовы музыканты! И вот однажды, пока в студии никого еще не было, кроме меня и Джеми, моего роуди, я добавил кусок самостоятельно. Я сыграл на басу, а Джеми на гитаре, и мы втихаря прибавили это к фонограмме. Потом я дал плёнку остальным — Вёрзел слушал это в прокатной машине и когда дошёл до этого места — чуть не вылетел с дороги! А иногда в студии что-то получается буквально из воздуха — так появилась «Make 'Em Blind». Мы импровизировали в студии, и Фил «в одно касание» сыграл своё блестящее соло. Оно звучит так, будто проигрывается задом наперёд, но он просто так играл, и упал с гитарой прямо посреди соло спиной на диван, громко смеясь. Мы и не собирались все это переписывать — это звучало великолепно.

На «Sacrifice» ерунды намного больше, чем на большинстве предыдущих альбомов; в текстах практически нет ничего, за что можно было бы зацепиться. Но они хорошо передают настроение,

особенно заглавный трек и «Out of the Sun». Песня «Dog Face Boy» посвящена Филу Кампбеллу — правда, я так решил, когда песня уже была написана. «Бедный парень с рухнувшей крышей / С трапа самолёта на поиски новых друзей» — едва Фил выходит из самолета, — раз! — его уже и след простыл. Все ещё находятся в душе после вселения в гостиницу, а этот уже взял в прокате автомобиль и успел побывать в двух барах в поисках приключений. Однажды он, прилетев в Лос-Анджелес, взял в аэропорту машину, на спидометре которой стояло «0 км». Он обнаружился на следующий день, и на спидометре было 200 миль — он проехал бульвар Сансет и Уайн-стрит в Голливуде и доехал до Помоны! Это поразительно. После этого он купил карту L.A., и теперь довольно хорошо знает город — хоть гидом устраивайся.

Сразу же после записи альбома мы потеряли Вёрзела. Я три раза уговаривал его вернуться. Я шёл ему навстречу: «Почему бы нам не поговорить открыто, ведь всё можно поправить» и т. д. Мы пытались узнать, в чём была его проблема, чем помочь, но он все время отмалчивался. Если его что-то беспокоило, он не показывал этого до самого последнего момента, так что невозможно было заметить, как это накапливалось. Например, если бы он заявил мне: «Вся слава достаётся только тебе!», я сказал бы ему: «Но Вёрзел, ты сам перестал что-то делать для этого. Мы с тобой многие годы были главными именами в группе, и вдруг ты перестал общаться с прессой. Поэтому твоё имя и пропало со страниц газет и журналов. Кроме того, я в группе на девять лет дольше тебя и люди все еще помнят меня по Hawkwind. Ты целых пять лет ничего не делал для собственной рекламы, а только сидел дома с женой и собакой, так почему ты считаешь, что все должны знать о тебе?». Конечно, никто не хочет слышать такое! Но все равно, — причина была в этом. И я тут был ни при чем. Вёрзел все сильнее терял интерес к группе, и уже невозможно было продолжать потакать ему. Всё, наконец, дошло до своего предела.

То английское телешоу, видимо, было последней соломинкой, которая сломала Вёрзела. Программа называлась «Не забудьте свою зубную щётку» и хотя сама она была ужасна — в основном розыгрыш путёвок в круизы с каким-то неестественно бодрым бывшим ди-джеем в нелепой одежде и с ещё более нелепой причёской — музыка была отличная. Джулс Холланд (Jools Holland), лидер группы Squeeze, потрясающе играл на рояле и пел, как Рей Чарльз. По сценарию каждый приглашённый артист выступал с парой песен, а аккомпанировала ему студийная группа. Когда подошла моя очередь, мы сделали «Ace of Spades» — с духовой секцией в четыре человека! — и «Good Golly Miss

Molly». Первый раз в жизни я исполнял «Ace of Spades» без остальных участников Motorhead, и Вёрзел, увидев это, взорвался. Джем, его жена, позвонила на телестудию, когда я был там, и заявила, что Вёрзел должен бы выступать вместо меня! Боже! Потом я получил факс от Вёрзела, написавшего мне просто ужасные вещи. Он обвинял меня и Тодда в воровстве его денег — как будто мне нужны его деньги (как я уже говорил, я получаю больше денег от авторских гонораров). Вёрзел был убежден, что люди плели интриги за его спиной — что за глупость? О том, что он оставляет группу, Вёрзел сказал другим, но не мне, и это было особенно скверно, потому что, как я сказал, очень долгое время мы были лучшими друзьями в группе. Но конец этой дружбы был невыносим. Я крайне тяжело переживал это и был доволен, когда всё, наконец, закончилось. Кто-то сказал мне, что он потом приходил на один из наших концертов в Brixton и стоял там со слезами на глазах. Люди любят говорить плохие новости, не так ли? Было очень грустно слышать это.

После ухода Вёрзела я и Микки подумывали о том, что надо бы пригласить кого-то еще. Но Фил сказал: «Я хочу попробовать играть один», так что мы решили пока остаться втроём и посмотреть, что из этого выйдет, и результат поразил нас. Дело в том, что Вёрзел всегда был очень энергичен во время выступлений. Именно он постоянно прыгал и носился по всей сцене. Но на первом же концерте без него, когда я, как обычно, пел и был занят своим делом, вокруг меня всё время кто-то мелькал… и это был Фил! Я глазам своим не верил, потому что раньше на сцене он ни единым мускулом не шевелил. Он выглядел действительно круто и играл, как чёрт. Он по-настоящему вставлял, но, наверное, я зря так удивляюсь. Конечно, он очень странный тип, но и очень естественен, когда берёт в руки гитару. Фил может в любом состоянии сыграть хорошее соло. Он делает это просто инстинктивно — Брайан Робертсон был такой же. Фил просто берёт гитару, и она становится фактически частью его тела. То, что он часто ведёт себя, как маленький извращенец, делает жизнь на гастролях только более интересной!

Честно говоря, я доволен, что нас снова трое. С одной стороны, это избавило нас от необходимости искать ещё одного гитариста! К тому же, как я уже говорил, с двумя гитарами гораздо трудней добиться безупречного исполнения. С одним гитаристом у басиста больше свободы в игре. В прежние времена я обычно играл всякую ерунду на фоне Эдди, и это всё равно звучало замечательно. Так что теперь с этим составом нет проблем, и каждый, кажется, знает своё место, что тоже плюс. А

ещё мы получаем больше денег!

В общем, за несколько месяцев «Sacrifice» был закончен и у нас появилась новая американская фирма — CMC, готовая распространять его.

CMC перекупили нас у нашего германского лейбла, CBH. Впервые за много лет нами заинтересовалась американская фирма и они изначально поверили в нас и даже начали распространять альбом еще до того, как мы подписали с ними контракт! Мы и по сей день работаем с ними, выпустив пять альбомов, и я все еще могу сказать, что они благоволят к нам. Том Липски (Tom Lipsky), владелец лейбла, верит в то, что делает. Персонал фирмы с умом распоряжается финансами — это честные люди (вот так сюрприз!), и мне такое отношение нравится. Первый год работы на двух лейблах был стабильным. Мы отыграли 19 концертов в Германии, прокатились по всей Европе, и зрители подходили к нам за автографами, держа в руках наш новый альбом! Это было неслыханно — обычно к европейским поклонникам альбом попадал через 3 года. Но CBH сразу же выпустили диск в Европе, да и CMC тоже не подкачали.

Как обычно, мы поехали в турне по Америке. Вы, я уверен, уже понимаете, что дорога — моя естественная среда обитания, но все же есть некоторые обстоятельства в этом, которые меня выводят из себя. Одно из них — особый род покровительства, с которым относятся к группе некоторые люди из рекламных отделов записывающих фирм. Они фактически пытаются взять тебя в кулак и постоянно поторапливают — я это просто ненавижу! Я им не кукла и не хренов товар какой-нибудь. Некоторые вообще допускают просто моральное насилие, а когда ты даёшь отпор, они называют тебя недисциплинированным. И ты получаешь плохую репутацию из-за того, что защищаешь свои принципы и независимость. Вот вам пример. Когда мы были в Канаде, там была одна девица со съемочной группой с Much Music (канадская версия MTV). Но в тот день мы были в полнейшей депрессии. Никто из нас не хотел выходить на сцену, потому что система мониторов работала отвратительно. Последние восемь концертов мы вообще не слышали друг друга и я уже был настроен просто прекратить турне и вернуться домой: «К чертям собачьим! Эта музыка — моя жизнь, а я не могу нормально играть её, потому что на сцене звучит полное дерьмо. Как люди могут наслаждаться этим, если мне не в кайф?» (Звучит глупо, я знаю, но это чистая правда, уверяю вас!). И вот во время такого кризиса она вертится вокруг нас и повторяет: «Much Music уже готовы для съёмок»! Я сказал ей, что не могу работать — слишком угнетен. И я не врал! Не мог же я выйти перед камерами

с сияющей физиономией «эй, всё ништяк!», когда этого нет и в помине! Я говорил: «Разве нельзя записать это на пленку после концерта?». А она отвечала: «Ни в коем случае! Только теперь, потому что после шести часов придётся дополнительно платить за камеру». Что за бред! Разве это имеет значение? Тогда платите! Боже мой! В общем, Микки и Фил меня поддержали и мы свалили, а она написала письмо о том, какие мы неприятные и высокомерные ублюдки. Что меня вообще убило, так это её утверждение, будто я оскорбил ее сексуально! Знаете, что я ей сказал? Я сказал: «Ты самая привлекательная представительница от записывающей фирмы из всех, что мы видели за все годы». Это всё! Если комплимент насчёт привлекательности — сексуальное преследование, то мир действительно сошёл с ума.

Можно сказать, что 1995 был для нас очень насыщенным годом. К тому же в конце года мне исполнилось пятьдесят. Тодд хотел устроить что-то особенное, поэтому сделал мне сюрприз — почти неожиданный вечер в клубе Whiskey — он сообщил мне о нём лишь накануне, свинья. В вечер этого великого события по всему кварталу растянулась очередь, а попав внутрь, можно было убедиться, что зал забит под завязку. Люди, которые не смогли прийти сами, прислали мне поздравления на видео (поздравление Ди Снайдера заняло почти половину кассеты!). Если честно, хотя я очень ценю усилия всех участников, подобное сборище, — не самая лучшая идея насчёт хорошего времяпрепровождения. Просто я испытываю крайне неприятное чувство, будучи таким всеобщим центром внимания. Не все мои собственные гости смогли войти из-за гребаной охраны, а я так и не получил шанса расслабиться с теми, кто всё-таки попал внутрь. Попробуйте расслабиться, если это не предусмотрено расписанием вечера! Мне приходилось быть и там, и здесь, слева и справа, на носу и на корме. Впрочем, это было действительно хорошее развлечение для всех остальных, и в тот вечер случилось несколько исключительных номеров. На праздник прилетела Metallica и исполнила некоторые из самых неизвестных песен Motorhead — это был замечательный подарок. Metallica — одна из немногих групп, которая неизменно оказывает нам большое уважение, и я очень ценю их за это.

Между всеми нашими разъездами мы записали следующий альбом, названный (несколько неуместно) «Overnight Sensation». Мы затратили четыре недели на сочинение песен и четыре недели на работу в студии и затем приняли участие в нескольких европейских фестивалях, а когда вернулись, провели в студии ещё месяц или около того. Вообще нам требуется месяца три, чтобы записать альбом, и в этот раз было так же — просто эти три

месяца были немного растянуты! Мы снова наняли продюсером Говарда, но многое сделал Дуэйн Баррен (Duanie Barren) под руководством Говарда. Потом Говард всё свёл и рассортировал. Дуэйн оказался на высоте — по записи понятно, что он любит гитарный звук!

Фактически, это был наш первый официальный альбом, записанный втроём, со времён «Another Perfect Day» с Роббо. Если вы спросите, как нам работалось — я скажу, что так же, как вчетвером, только минус один парень! То же самое, что Everly Brothers плюс ещё один брат. Только на Фила легла гораздо большая нагрузка. Он испытывал некоторое дополнительное психологическое давление, но всё получилось хорошо На «Overnight Sensation» Фил по-настоящему раскрыл свой потенциал. Микки был, как обычно, — само совершенство; он всегда заканчивает свою барабанную работу гораздо раньше срока. На сей раз он всё записал в один день. И зачем надо тратить больше времени, чем это необходимо? Люди думают, что чем дольше записывается альбом, тем лучше он получится, но это далеко не так. Посмотрите на Джефа Бека, Клэптона и Пэйджа (Jimmy Page) — они записали множество своих ранних классических вещей в один заход. У них не было выбора! В те времена вы должны были выдать лучшее соло, на которое способны, за пятнадцать-двадцать секунд. Приходилось пошевеливаться! Никакой ерунды в духе Джерри Гарсии (Jerry Garcia). Джеф Бэк сделал себе имя за восемнадцатисекундное соло на «Shapes of Things»! Шестидесятые были великим временем для появления превосходных музыкантов, гораздо лучшим, чем нынешние дни. И говоря о меньшем количестве времени для создания хороших альбомов — наши старые пластинки доказывают это как нельзя более лучше.

«Overnight Sensation» был также нашим первым официальным альбомом для CMC — «Sacrifice» как импорт уже продавался в Штатах до того, как CMC начали распространять его в Европе. Но с «Overnight Sensation» фирма действительно хорошо показала себя — для нас это была лучшая дистрибьюторская работа за целую вечность. Им ещё удачно помогла и BMG. Тем не менее, я должен сказать, что иногда сомневаюсь в деловой хватке CMC. Как я уже говорил прежде, хороший бизнес — это воровство, а так как CMC всегда были честны с нами, это делает их плохими бизнесменами по определению! Но, думаю, я как-нибудь смогу примириться с этим.

После выхода альбома у нас случилось несколько интересных туров. Мы снова съездили в Венгрию, здорово изменившуюся со времени нашего первого визита. Прежде она, подобно России,

была очень репрессивной страной, но теперь стала больше похожа на Германию. И, к слову о России, мы поехали туда впервые и отыграли четыре концерта. Россия — самая странная страна из всех, что я когда-либо видел. Я видел Восточную Европу до разрушения стены и после разрушения: я играл в Восточной Германии, Венгрии и Чехословакии, и ни одна из этих стран не была похожа на Россию. Американцы, которые не побывали там, не имеют никакого понятия о России. Это безумно. Охрана — повсюду и постоянно. Кажется, все там — бывшие солдаты. Наверное, дело в том, что, когда распался Советский Союз, половина охранных структур распалась вместе с ним — они оказались не нужны в таком количестве, так что большинство из них пошло в «охрану», другими словами — они стали «частными армиями»! Они все заняты этим, если только не работают таксистами в Лос-Анджелесе! Наличие такой охраны действует угнетающе. И что касается свободного рынка, это главным образом казино, потому что единственный способ, которым они могут разжиться иностранной валютой — игра в казино. Эти казино там повсюду, и это в стране, все еще заморенной голодом. Концерты, однако, были невероятны. Все билеты на них были распроданы и зрители словно посходили с ума! Это то, что я действительно люблю (а на втором месте на гастролях — расслабуха после концерта).

Конечно, не обошлось без нескольких кошмарных ситуаций, так как промоутеры оказались не слишком хороши. Например, мы слишком долго добирались из Москвы до Ростова. Они сказали нам, чтобы мы оказались по такому-то адресу в такое-то время, и мы двинулись из Москвы. Мы ехали, ехали, становилось всё темней и темней, а на каждые полмили — лишь по одному фонарю, и наконец мы свернули с дороги и затормозили перед высокой стеной. Когда наши глаза привыкли к темноте, мы увидели вооруженных людей в сторожевых будках по сторонам ворот. Один из них приказал нам стоять, что мы и сделали, а он и наш промоутер начали спорить по-русски. Нам было немного не по себе. Потом два огромных грузовика внезапно прогрохотали в ворота мимо нас. Это были армейские грузовики — правда, они управлялись не солдатами, но, во всяком случае, они перевозили солдат. Как мы, наконец, выяснили, это оказалось что-то вроде российской военно-воздушной базы пополам с торговой экспортно-импортной фирмой! Промоутер возвратился и сказал нам: «Надо подождать. Сюда собирается прибыть генерал», так что мы торчали там, пока не прикатил этот большой долбаный служебный автомобиль с флажком. Вышел человек в тесном мундире и фуражке, вошел и сразу вернулся — не иначе,

приезжал за взяткой. Наконец нам махнули. Там везде были солдаты, и полчаса прошли в беспрестанных сумасшедших спорах — русские этим похожи на итальянцев. Наконец они разрешили нам садиться на самолет, и сначала Фил сходил на разведку. Он вернулся к машине и заявил: «Я на этом не полечу!».

«Не будь бабой», — сказал я и вышел из машины, чтобы самому посмотреть, в чём дело. Потом возвратился и сказал: «Я не полечу на этом!». Эта штука представляла из себя что-то вроде двухмоторного Ильюшинского бомбардировщика 1957 года или транспортного самолета, выпотрошенного внутри. Пассажирские места были позади груза, и это было ничто иное, как садовые скамейки! В довершение ко всему долбаный летательный аппарат не был герметизирован и был открыт всем стихиям. Так что мы сказали, что сами не полетим, а отправили на нём нашу команду. Эй, это дало им шанс рассказать позже занятную историю! Дай бог им счастья, учитывая их горестные рассказы.

Тони, нашего светооператора, чуть не грабанули двое местных копов, когда мы добрались до Ростова. Мы отыграли великолепный концерт, а потом все пошли в кафе. Вся дорожная команда вырядилась в эти шапки с советскими кокардами — такие большие меховые шапки, которые делаются там теперь для туристов. Так что это выглядело, словно кафе оккупировали сплошь близнецы-братья. И Тони поговорил с тамошними людьми, и вместе с другим роуди, Дэйвом «Дорожным воякой», ушел с двумя якобы полицейскими, чтобы «снять каких-нибудь девочек». Но они посадили их по разным машинам, что сразу показалось подозрительным, и через минут десять Дэйв заметил, что второй машины сзади уже не было. Он сказал: «К чёрту», просто вышел и пошёл назад. А Тони потребовал от своих спутников, чтобы они вернули его назад — началась перебранка и угрозы заявить на копов в британское Посольство. Дэйв тоже вернулся. Я уверен, попади они туда, куда ехали, это было бы миль за двадцать пять от города, и там была бы одна девочка, а с ней шесть мальчиков с дубинками, которые отдубасили бы их за милую душу и вытрясли бы из них все денежки.

Мне хотелось бы побывать там, когда был еще Советский Союз, чтобы сравнить с тем, что стало теперь. Реально увидеть, как притеснялось большинство населения. Мы посетили Санкт-Петербург, фантастический город — «Доктор Живаго», Зимний Дворец, всё — живая история. Как романтичный идиот, я придумал: «Давайте поедем в Москву поездом! Это будет российский опыт». Ладно, мы получили этот российский опыт. Нам сказали: «Никаких проблем, мы заказали билеты», так что мы приехали на вокзал к огромному длинному составу. Мы входим в

вагон и я иду к купе с моим номером, что указан в билете, открываю дверь и вижу там женщину с двумя детьми! Я говорю проводнику: «Тут какая-то ошибка».

— Нет, нет, — Он показывает мне билет, и ее имя тоже указано там. Что они делают — они вписывают в билет вас и выбрасывают крестьян — она с детьми должна была покинуть поезд. Я сказал: «Эй, парень, так не делается!». А они сказали: «Вы хотите ехать вместе с ними до самой Москвы?». Я должен был признать: «Если так, то, конечно, нет». Видимо, на самом деле ничего с царских времён не изменилось — ребята наверху делают всё, что хотят, а все другие расплачиваются за это. Так всегда будет в России. Долбаный Ленин со всей его болтовнёй ничего не изменил в жизни крестьянина.

Турне для нас прошло замечательно — в некоторых странах, вроде Аргентины и Японии, огромные залы были забиты полностью. И английские промоутеры к тому времени обнаружили, что оказывается, они смогли получить хорошую прибыль с концертов Motorhead. Наш новый состав работал превосходно, так что мы подумали, что пришла пора записать очередной живой альбом. Мы в итоге так и сделали, но сначала выпустили студийную запись. «Snake Bite Love». Альбом получился весьма неплохой, несмотря на то, что мы записывали его не в одной-двух студиях, а повсюду, где могли. Я также здорово наловчился играть в «Риск» — у Говарда Бенсона, который опять был продюсером, была эта игра на компьютере, так что я постоянно играл, если не был занят записью. Слушая «Snake Bite Love» и «We Are Motorhead», записывать который мы недавно закончили, я действительно чувствую, что этот состав нашел свой собственный почерк в студии. Мы любим записываться — теперь я люблю это даже больше, чем прежде. С Микки и с таким гитаристом-самородком, как Фил, это действительно просто. Все личностные конфликты ушли в прошлое. Конечно, случаются разногласия, но не часто. Мы все очень профессиональны (пора бы после стольких-то лет!), так что это стало обычным процессом.

«Snake Bite Love» создавался так же, как и другие наши альбомы, за шесть недель до записи у нас не было ни одной песни. Но когда приходит время, мы сочиняем их очень быстро. К сожалению, я из-за болезни пропустил несколько репетиций, а когда вы оставляете двух непоющих музыкантов одних, в итоге можете получить некоторые проблемы. Так, несколько песен, «Desperate for You» и «Night Side», имеют необычную для меня структуру. Действительно непросто было привести это всё в подходящее состояние. И, конечно, многое в процессе студийной работы может поменяться. Заглавный трек был сначала

совершенно другой песней. Микки записал свои барабаны с другой гитарной партией. Потом он уехал в Швецию, а Фил однажды пришёл и заявил: «Меня это достало. Мне уже не нравится». И я сказал, «Да, ты прав», так что он придумал абсолютно новый риф и все переписал! Этот альбом также хороший пример того, как я писал тексты в последний момент — я, знаете, ещё тот ленивый сукин сын. Но мы сделали это, и я думаю, что получился очень хороший альбом. Единственная проблема с ним — Микки не нравится название. Как лютому гомофобу, оно кажется ему педерастичным. Он позвонил мне из Швеции: «Мне не нравится эта «Любовь» в названии. Не хочу «Любовь». «Змеиный Укус», или что-нибудь вроде, и было бы нормально». «Ах, Микки, отвяжись, — сказал я, — что ты вбил себе в голову?». Потом он снова звонил мне! «Эй, Лемми, я об этом названии…» Но он имел право высказаться.

И вот в то время, когда мы были в турне, раскручивая «Snake Bite Love», мы, наконец, вернулись к идее записи живого альбома, который должен был стать двойным — на этот раз мы решили записать весь концерт. На предыдущих зальниках не хватало места для целого концерта — они записывались во времена винила, видите ли. Были некоторые дебаты о том, что включать, например — надо ли снова играть «Overkill» — в конце концов, эта песня была на других живых записях. Но тогда она была сыграна в другом составе, так что мы решили — пусть будет. Кроме того, наши фаны — несгибаемые архивариусы, очень многие из них, и им нравится подобное дерьмо. Я знаю нескольких, у кого есть по пять различных версий большинства наших альбомов со всех континентов — японская копия, аргентинская, германская, и т. д. Они никогда не станут проигрывать их или даже доставать из конвертов. Мне это кажется довольно странным, — зачем же собирать эти записи, если их не слушать? Но если я собираю ножи, я ведь не собираюсь бить ими всеми кого-нибудь, так что это аналогично!

Кстати, надо сказать, что некоторые из японских переводов моих текстов просто невероятны. На нашем первом альбоме одна песня имеет такие строчки: «Мы шли, и всё вокруг предвещало беду/ Мы были беззащитны и сломлены страхом» (We came across a bad vibe/ Naked, grinding fear). Их версия была такая: «Мы продвигались по трубопроводу, а они пытались остановить нас» — фантастика! Это лучше, чем оригинал! Замечательно, прямо Шекспир. Почти.

Я почти добрался до конца рассказа об альбоме, но опять отступил. Живой альбом: мы записали его в мае 1998 в Гамбурге, Германия, в «Доках» (это клуб, а не причал!), и я с гордостью

заявляю, что запись абсолютно не подвергалась исправлениям в студии (То же самое написано и на вкладыше альбома). Мы выбрали Германию, потому что немцы наши самые преданные фаны. Они всегда спасали нашу задницу, когда удача отворачивалась от нас. Они привыкли к нам, и мы знали, что в Гамбурге будет полный зал. Это вроде Ливерпуля — морского порта, если вам надо найти моряков! Названный «Everything Louder Than Everyone Else», альбом был выпущен весной 1999.

Наш последний альбом двадцатого столетия, «We Are Motorhead», открыл для нас новое тысячелетие. Мы отправились в обычное годовое турне, которое не было беспрецедентно — или, вернее, было не более наполнено событиями, чем другие. Разве что мы впервые за многие годы вынуждены были преждевременно свернуть гастроли, отменив концерты в Ирландии. Мы снова играли в России, и наш график был просто зверский — два восемнадцатичасовых переезда час в час и ни одного выходного за неделю. Потом мы целую вечность добирались из России в Польшу. Мы приехали на концерт в Варшаве к одиннадцати часам вечера — а наша команда разгрузилась на месте концерта в час дня! Но зрители не расходились, потому что мы впервые выступали там. Затем мы должны были направиться в Австрию…, и, наконец, я сломался. Гастроли — вторая моя натура, но организм человека всё-таки имеет предел прочности. Как бы то ни было, это был конец турне, так что по большому счёту это не имело серьёзного значения.

Спустя месяц мы начали подготовку к новому альбому, «Hammered». Фил и Микки вылетели в Лос-Анджелес 10 сентября 2001 — лучшая дата для полёта, учитывая, что случилось на следующий день! Конечно, парням ничего не угрожало, — это был прямой рейс из Англии до Лос-Анджелеса — но кто знает, когда они прибыли бы в город?

Думаю, я должен высказать своё мнение о террористических нападениях. Не думаю, что это будет популярная точка зрения, но со временем она может стать понятней. Это ужасная трагедия, но то, что случилось в Нью-Йорке и Вашингтоне, можно сравнить с тем, что Англия и Америка делали с Берлином каждый день в течение трех лет в годы Второй Мировой Войны, и Германии делала то же самое с Англией. И такая судьба постигла все немецкие города, и большинство городов Франции и Польши. Но немногие американцы думают об этом. Они думают, что на Америке свет клином сошелся. Это впервые, когда что-то подобное случилось с Америкой, поэтому их слишком острая реакция естественна. Так что давайте не слишком паниковать — это можно преодолеть. Что угодно можно преодолеть.

Но вернёмся к «Hammered». Мы записали его в Голливуд-Хиллс в доме Чака Рейда (Chuck Reid) (прежде он записывал рэп, и, я думаю, рэп до сих пор довлеет над ним!), с продюсером Томом Паннанзио (Thom Pannunzio). Альбом был выпущен в апреле 2002. В течение месяца он был распродан в большем количестве, чем предыдущие два альбома, вместе взятые, и турне началось великолепно. Мы получаем больше денег, мы собираем больше зрителей, так что находимся в превосходной форме.

В последние годы для меня и для Motorhead всё идёт довольно хорошо. Держу пари, что вы думаете, что я собираюсь сказать: «Так что мне не на что жаловаться», но теперь-то вы должны знать меня получше, чем прежде! Всегда найдутся какие-то мелочи, досаждающие мне. Если вы, читая книгу, добрались до этого места, то, наверное, заметили, что за прошедшие почти двадцать пять лет Motorhead выпустил довольно много альбомов. Так вот, одна вещь всегда будет озадачивать меня — это те люди, которые по какой-то непонятной причине думают, что наша карьера закончилась на «Ace of Spades». С тех пор, как я переехал в Америку, мы записали свои лучшие альбомы. Они далеко превосходят так называемые «классические». Все, кому я ставил наши последние записи, были изумлены. Но большинство людей, кажется, оглохли где-то в году 1979 или 1980. «Эй, чувак, давай «Ace of Spades!», — самый известный крик, который меня убивает. Иногда это доводит меня до бешенства. Было бы хорошо, если бы вместо этого кто-нибудь сказал: «Есть что-нибудь новенькое? Хотелось бы послушать». Было бы намного лучше. Но нет, подходит ко мне кто-нибудь и говорит: «Вы, парни, были такие классные!». И я отвечаю: «Да? Если мы были такие классные, то почему ты перестал слушать нас после 1980 года?». Далее следует обычный ответ, которого я никак не могу понять: «Ну, я женился». Странные же бывают люди!

Если вы думаете, что стали слишком стары для рок-н-ролла, то так оно и есть. Это случается даже с музыкантами — вы видите их на сцене, они великолепно звучат и все такое, но они постоянно, можно сказать, смотрят на часы. «Мы закончили? Пора домой, к жене и пуделю». Причина того, что рок-н-ролл так молод — …, наверное, та, что он начинался с молодых людей. Но потом они взрослели, и их отношение к рок-н-роллу менялось — их всё больше беспокоили привилегии и социальное положение. Меня лично все это не волнует, потому что меня не интересуют чины и социальное положение, даже в рок-н-ролле! Так что с самого начала я был аутсайдером. Но это для меня в порядке вещей — кто-то ведь должен быть аутсайдером.

Как я уже говорил, мы выпустили лучшие альбомы за нашу

карьеру, но, кажется, мало кто слышал их. Я всё жду, что нас откроют заново, а этого не происходит. Но пока я могу записываться и гастролировать, я солдат рок-н-ролла. Большой успех не беспокоит меня — в конце концов, я познал, что это такое. Иногда люди спрашивают: «Как насчет тех групп, которые изменили твою жизнь?». Нет, они не изменяют нашу жизнь: они и есть эта жизнь, и тебя вдохновляет любая музыка, которую ты слушаешь. Это неважно. Подростки все так же сколачивают группы и живут этой жизнью, так было всегда. Я спокойно отношусь к этому. Здорово, что мы вдохновили их — это доказывает, что мы были правы!

Есть одно обстоятельство, которое мне очень нравится — то, что я вышел из шестидесятых. Люди помоложе даже не понимают, чего они оказались лишены. Мы изменили общественное сознание, образ жизни, и это было захватывающе — не было никакого СПИДа, и люди от злоупотребления наркотиками не умирали так, как теперь, и это действительно было время свободы и перемен. Все социальные бунты, которые я видел, случились в пятидесятых, шестидесятых и в начале семидесятых. Остальные можно не считать. Дети теперь больше следуют по пути родителей, с которыми мы в своё время боролись! Они, вероятно, вырастят поколение грёбаных наркоманов. Мы вырастили поколение агентов по недвижимости и грёбаных бухгалтеров. Бог знает, как это у нас получилось. Может, оттого, что большинство из нас завязало. Я уже замечал здесь, что многие говорят: «Я раньше слушал Motorhead», подразумевая, что с возрастом это увлечение проходит. И пусть, я рад, что они так говорят, потому что я и не хочу, чтобы меня слушали взрослые. Именно взрослые всё портят. С тех пор, как мне было двадцать пять, я не изменился, просто стал сильнее и мудрее, и это производит большее впечатление на вас. Но на самом деле я никогда не чувствовал себя старше. Просто это были очень длинные двадцать пять лет! У меня в голове не укладывается, что мне за пятьдесят. Если бы я облысел или ещё что-нибудь вроде этого, тогда другое дело, но я не облысел.

Пару лет назад я потерял своего отца — как вы можете догадаться, я не очень-то горевал. Вообще-то, я потерял их обоих, и моего биологического отца, и моего отчима. Они умерли с разницей в семь месяцев друг за другом. Это было довольно неожиданно. Можно было подумать, что они сговорились, чтобы посильнее задеть нас! Мой отчим, который спас нас от нужды и стал моим настоящим отцом, оставил мне долги, а мой реальный отец оставил мне деньги. Я не любил ни одного из них и для меня мой биологический папаша всегда будет жопой — он оставил

молодую девушку одну поднимать ребенка, и к тому же с ней жила ещё и её мать! К чёрту это дерьмо — «о мёртвых плохо не говорят»! Люди не станут лучше после смерти, сколько ни утверждай обратное. Это ерунда! Те же жопы, только мертвые!

А я, как бы то ни было, весьма жив, и это, конечно, не последнее, что вы услышите от меня!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Прекрасный Новый Мир (Brave new World)

Что сказать вам ещё? Привет всем и добро пожаловать в конец книги. Поскольку мы дошли до предела, я буду краток.

На основе личного опыта я обнаружил, что все люди делятся на два типа: на тех, кто за вас, и на тех, кто против. Учитесь различать их, поскольку легко можно перепутать.

Второе; кажется, наш прекрасный новый мир становится всё менее терпимым, духовным и образованным, в отличие от того, каким он был в мои молодые годы; конечно, нам всем свойственно чувство ностальгии, но это другой случай… Унаследованная ненависть (то есть та ненависть, к которой нас приучили наши родители) — не только глупа, но и разрушительна, — зачем же возводить ненависть в смысл жизни? Похоже, я этого совершенно не понимаю.

И последнее (просто хороший совет); — покупайте наши альбомы. Вы не пожалеете!

С любовью,
Лем

Март 2003

notes

Примечания

1

24 декабря. (здесь и далее — примечания переводчика)

2

Кабинеты — акустические системы. Конструкция из усилителя и двух кабинетов называется стеком.

3

Радио Сити — Radio City Music Hall — один из самых известных концертных залов в Америке

4

Томми Моттола — бывший глава Sony Music, с 93 по 97 — муж Мэрайи Кери

5

Brownsword — Загорелый меч (англ.)

6

Кавер-группа — группа, исполняющая только песни других артистов

7

Роуди (от англ. road — дорога) — техник, грузчик гастролирующей группы

8

Кабаре в Лас-Вегасе.

9

[1] «Motown» — звукозаписывающая компания, от которой получило свое название одно из главных направлений черной музыки 60-х годов

10

ЛСД, производное (диэтиламид) лизергиновой кислоты; обладает выраженным галлюциногенным действием.

11

The Ikettes — группа Айка и Тины Тернер

«Пацифик» — знак мира (лапка голубя в круге).

13

«Ovation» — акустические и полуакустические гитары с полукруглой пластиковой задней частью корпуса

14

«Вершина поп-музыки» — развлекательная телепередача на британском ТВ.

15

EP — пластинка с меньшим временем звучания, чем полноценный альбом (LP). На EP обычно записывается 4–6 песен.

16

Хэдлайнер — главная группа в турне, выступающая последней, «гвоздь программы».

17

Игровой автомат с одним рычагом управления сбоку.

18

«Manhole» — дыра для мужчины, «personhole» — персональная дыра. (англ.)

(англ. Dealer) здесь — продавец наркотиков

20

Джеймс Батлер Хиккок, по прозвищу «Дикий закон», (1837–1876) — профессиональный карточный игрок, бывший американский маршал (начальник полицейского участка).

21

«This is Spinal Tap» — культовый фильм Роба Райнера о вымышленной группе хэви-метал (1984 год).

22

Промоутер (англ. Promoter) — организатор гастролей.

23

Райдер — список личных требований артиста, группы на гастролях

24

«Твиглетс» — хрустящие завтраки в пакетах

25

Шарики Бен-Ва — пара вагинальных шариков, соединённых между собой.

26

Межзвёздный корабль из сериала «Star Trek», превращённый в аттракцион для туристов

27

Зеленая карта (Green Card) — документ, предоставляющий право на постоянное местожительство, учебу и трудоустройство в США.

28

29 апреля 1992 года суд оправдал полицейских, жестоко избивших чернокожего Родни Кинга. Это вызвало бунт, который продолжался четыре дня. 54 человека были убиты, почти 2.4 тыс. были ранены, более 13 тыс. человек были арестованы, 1 тыс. зданий была сожжена. Пострадала территория площадью 169 кв. км… Общий ущерб был оценен в $700 млн. На подавление бунта были брошена Национальная Гвардия и военные структуры, общей численностью в 22 тыс. человек.